

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1990

10.335

1990

Борис Пастернак

Новые стихи

КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ

Большое озеро, как блюдо.
 За ним скопление облаков,
 Нагроможденных белой грудой
 Суровых горных ледников.

По мере смены освещенья
 И лес меняет колорит:
 То весь горит, то черной тенью
 Насевшей копоты покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
 Меж туч проглянет синева,
 ... в прорывах,

2

10.335
1990
საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი



ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ.** Хранители Грааля.
Роман. Продолжение. Перевод с немецкого
Сергея Окропиридзе 3
- НАЗИ КИЛАСОНИЯ.** Стихи. Перевод Ната-
на Баазова 52
- ЗУРАБ ЛОРДКИПАНИДЗЕ.** Стихи. Перевод
Сергея Гандлевского 53
- МАНАНА АМИРЭДЖИБИ.** Куда бы ты ни
ушел. Повесть. Перевод Веры Апо-
линской 56

Трибуна писателя

- РОМАН МИМИНОШВИЛИ.** Прогнозируя бу-
дущее державы 133
- ОБСУЖДАЕМ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
- ВАЛЕРИАНА АДВАДЗЕ.** Истина: историческая
и сегодняшняя 141

2

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
БОРИСА ПАСТЕРНАКА



НИКОЛАЙ ЛЮБИМОВ. Неслыханная простота 151

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АВТАНДИЛ МЕНТЕШАШВИЛИ. Грузия —
РСФСР (1920—1921 годы) 164

РЕЦЕНЗИИ

ВЛАДИМИР ПРОСТОСЕРДОВ. «Куда ты
уйдешь?» 210

ВИЛЬЯМ ХАЦКЕВИЧ. Долгий отзвук сере-
бряного века 212

РЕПЛИКА

КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ. Чему мы служим? 217

Хроника 224

Книжные новинки 209

Хранители Грааля

РОМАН

Коста поставил ширму перед кроватью, и через несколько минут князь Гиорги появился в грузинском национальном костюме. Гости залюбовались им: плотно облегавшая его тело черкеска цвета красного вина очень шла ко всему его благородному облику. Казалось, что он по какому-то волшебству вдруг появился из героического прошлого Грузии. Он тихо, не спеша подошел к Левану, подробно объяснявшему свойства драгоценных камней из коллекции князя.

Леван вдруг остановился.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросил его князь.

— Посмотрите внимательно на этот черный алмаз, — продолжал Леван, — здесь вещество сияет гнем наружу, полностью превращаясь в свет. И все же вещество это остается черным. Это отличительный признак естественного огня.

— Совершенно верно, — подтвердил князь Гиорги.

— Или же вот этот камень, — Леван показал на опал величиной с лесной орех, — обратите внимание на то, как он сверкает. Его свет возвращается к самому себе. Не напоминает ли он нам процесс самоуглубления человека?

— Верно, восхитительно! — воскликнул обрадованный князь. Обращаясь к Левану, он сказал:

— Примите от меня этот опал как скромный подарок.

Продолжение. Начало см. в № 1.

საქ. სსრ კ. მხარეების 3
საბ. სსრ. წიგნების
გამომცემი

— Как мне благодарить вас? — ответил ослезливый Леван.

— Сохраните в себе ваш свет, как этот камень. Он, правда, приносит несчастье, но лишь слабым духом, — таинственно добавил князь.

На душе у всех светлело...

За другим столом художник Ваню рассматривал простые камни, собранные на берегу моря. Все они были причудливой формы.

— Природа — непревзойденный творец, — сказал он тихо.

— Возьмите себе камень, который вам нравится больше других, — раздался рядом голос князя.

— О, от всего сердца благодарю вас! — откликнулся обрадованный художник.

После этого князь Гиорги открыл ящик, в котором он хранил ценные рукописи. Он показал гостям рукопись знаменитого эпоса Руставели «Витязь в тигровой шкуре», написанного в XII веке.

— Эта рукопись датируется XIV веком, — пояснил князь. — Моя прабабушка принесла ее в дом в качестве приданого.

— Весьма знаменательно как для самого произведения, так и для грузинского народа, — заметил Мзисавар.

— А тебе вот это — обратился к нему князь и передал ему уникальное писание царя Ираклия II, относящееся к XVIII веку.

— Как я вам благодарен! — воскликнул пчеловод.

Так продолжалось до тех пор, пока каждый гость не получил что-нибудь в подарок. Одилиани была подарена старинная монета, Мушни — меч сарацинов, Авала — топаз, Одишели — топор амазонки, Хыдыру — крест, вырезанный из драгоценного дерева. Словом, никто не был обойден вниманием хозяина дома. Все могли убедиться в его царской щедрости. Гости были счастливы, хозяин — еще больше.

Несколько гостей направились в библиотеку князя. Эта была сравнительно небольшая библиотека, но книги в ней были подобраны тщательнейшим образом. Здесь хранились тома на грузинском, немецком, английском, французском, арабском и русском языках. На

столе лежали новинки, среди которых были Поль Кло-
дель, Рене Гвенон, Лео Фробениус, граф Герман Кай-
зерлинг, Поль Валери, Леопольд Циглер и другие.

Все были приятно удивлены, узнав, что князь одинаково хорошо знает как восточную, так и западную литературу.

Время текло в непринужденной и веселой беседе. В гостиной появилась прислуга.

— Позвольте представить вам моих слуг, — сказал князь Гиорги. — Они не только слуги, но и члены моей семьи. Это никак не может понять теперешняя власть, — добавил он, улыбаясь.

Гостям были представлены: Бесо, коренастый крестьянин; его супруга — живое воплощение неистощимой матери-природы; Басила, стройный юноша со светлыми глазами, сын бедной вдовы; затем Кансав, могучий сван, похожий на объездчика лошадей.

— Ну, как тебе нравится сван? — спросил князь Хыдыра.

— Очень нравится, — ответил силач, улыбаясь.

— Он мог бы помериться с тобой силами, не так ли, Кансав?

— Конечно.

Кансав был телохранителем князя. Он сопровождал его во время путешествия по Европе и восточным странам.

— Кансав готов служить мне во всем: как в малом, так и в великом, — заметил князь.

— Да, это так, — ответил сван, скромно опустив голову.

— А этот юноша, наверное, больше всех полюбит-ся вам, — сказал князь Гиорги, обернувшись к Одилиани, и кивая на Басила.

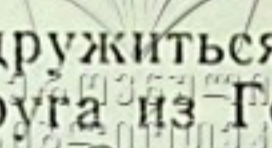
— Это уже случилось, — весело ответил поэт.

Басила покраснел от радости и смущения.

Бесо и его супруга смутились и словно окаменели под любопытными взглядами гостей.

Рядом с Басила стояла большая немецкая овчарка по кличке Хасан, внимательно, но сдержанно следившая за чужими людьми.

— Чуть было не забыл представить вам Хасана, — сказал князь, показывая на собаку. — Видите, как он



ревниво глядит на вас? Вам придется подружиться с ним. Я получил его в подарок от одного друга из Германии. Это преданный, храбрый и умный пес. Он делит свою любовь между Басила и мной.

Юноша погладил овчарку по голове. Хасан был удовлетворен.

— Теперь вы можете осмотреться вокруг, — предложил князь. — До обеда у нас еще довольно много времени. А я немного отдохну.

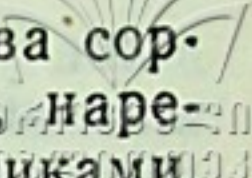
Очарованные необычным хозяином дома, гости вышли из залы.

ПИР ПОД ЗНАКОМ СОЛНЦА

Гости сидели на большой веранде за длинным столом. Хозяева пригласили и нескольких крестьян, ибо у князя Гиорги ни один праздник не обходился без них.

Шаловливо, как бы играя своей молодой силой, сияло майское солнце. Вокруг широкого двора стояли погруженные в вечную дремоту старые деревья: дубы, березы, липы, почти все увитые виноградной лозой. Сколько столетий прошло с тех пор, как были посажены эти исполины? Словно верные стражи, окружили они двор, ограждая его от непрошенных ветров. Перед верандой зеленела лужайка. С веранды хозяин замка всегда любовался прекрасным видом. От каменистого откоса серпантинном вилась дорога в широкую ложину, постепенно переходящую в необъятную долину. С высоты веранды было видно волнующееся море кукурузных полей, изумрудом сверкавших на солнце. Всемогущая сила весеннего солнца приводила в движение жизненные соки деревьев, уже покрытых молодыми листочками. Недалеко от праздничного стола на диване лежал князь Гиорги.

Сначала была подана холодная закуска. Из разных трав и других растений были приготовлены возбуждающие аппетит блюда, сильно приправленные гвоздикой, перцем, майораном, лавровым листом, каперсами, анисом и фенхелем. Особенно удалась зеленая фасоль, смешанная с молодыми листьями перца и толчеными



грецкими орехами. К этим яствам подали еще два сорта сыра: сулгуни, желтоватый мегрельский сыр, нарезанный тонкими, легко расслаивающимися ломтиками, и цвела, белый, необычайно приятный на вкус имеретинский сыр, смешанный с мятой. К сулгуни подошел эстрагон, в меру ароматный и довольно острый на вкус. Ржаной и пшеничный хлеб заменяли горячие кукурузные лепешки — мчади, испеченные на глиняной сковороде. Мужчины уже почувствовали прилив сил, ибо ко всей этой закуске были поданы и вина различных марок. Грузию по праву называют страной винограда. Здесь производится 167 местных марок вина. Свойства винограда в отличие от других стран здесь определяются преимущественно по типу лозы. У нас произрастает семь видов лозы. Виноградная гроздь в Грузии имеет 20 типов, а сама ягода — 28 типов и названий. Поразительно и то, что различаются мужские и женские виноградные гроздья. Поэтому неудивительно, что из винного погреба князя Гиорги исходили сказочные ароматы. Среди поданных вин было и Маглари, получаемое из дикорастущего винограда, обвивающего деревья — большей частью хурму. Дионису воздают должное в этой стране, и поэтому мужчины скоро немного опьянели.

В Грузии трапеза с древнейших времен приравнивалась к священнодействию, каковым она осталась и по сей день. В доме князя Гиорги это не могло быть иначе даже при господстве большевиков. Вступление к собственно пиру приближалось к концу, пришло время выбирать тамаду, которому надлежит руководить застольем в соответствии с установившейся веками традицией. Однако найти настоящего тамаду очень трудно, ибо он должен придать пиршеству форму художественного произведения. То, чем являются для капельмейстера оркестровые инструменты, для тамады — участники пира; он обязан знать каждого из них, то есть ему следует знать прежде всего, кто умеет слагать стихи, танцевать, петь или произносить тосты. Всеу здесь определено свое время, и не приведи Бог какому-нибудь смельчаку — будь то поэт, танцор или певец — предпринять что-нибудь на свой страх и риск. Для того, чтобы никто из сотрапезников не остался в обиде, за столом соблюдается иерархический порядок. Каждый человек, если он



даже урод или калека, таит в себе начало, достойное внимания и восхищения. Тамада должен увидеть, выявить и выразить это в тосте, да так, чтобы тот, о ком идет речь, почувствовал бы, как это начало расцветает в нем, словно согретое солнцем. Всеобщее настроение за столом постепенно доводится до экстатического состояния. Кроме того, тамада должен обладать юмором на тот случай, если понадобится легко и быстро рассеять возникшее за столом по той или иной причине плохое настроение или недоразумение. Он должен быть оратором, уметь прежде всего пить, не пьянея, и он должен... — ах, он должен уметь еще очень многое. Тамада — неограниченный властитель пиршества. Это повышает его ответственность и усложняет задачу.

Среди гостей было немало таких, кто владел искусством управлять грузинским столом. Это особенно относилось к Одишели и к поэту Одилиани. Однако никто не хотел претендовать на эту чрезвычайно почетную роль, испытывая, по-видимому, стеснение перед столь высоким авторитетом хозяина дома. Переговоры по этому поводу длились довольно долго и безрезультатно. Тогда поднялся с места загорелый, суровый Леван Орбели и тихо произнес:

— По древнему обычаю хозяин дома сам руководит столом. Но так как, к нашему великому сожалению, князь Гиорги сегодня не в состоянии взять на себя эту миссию, было бы правильно, если бы он сам назвал тамаду.

— Хорошо! Согласны! — воскликнули гости хором.

Князь Гиорги добродушно улыбнулся и устремил свой спокойный взор на Одишели.

— Мама, — сказал князь, — ты должен мне сегодня помочь.

— Как прикажете, князь, — ответил Одишели.

— Превосходно! — слышалось со всех сторон.

Наступили минуты ожидания. Только что назначенный тамада с достоинством встал, поднял полный бокал и начал говорить. Присутствующих захватили уже первые слова, вернее, какая-то особая интонация речи тамады. Для грузинского языка характерны едва уловимые оттенки ударений. Одишели лучше всех владел этими оттенками. Он говорил о родословной князя Гиор-

ги, овеянной героическим прошлым Грузии. Он благословил очаг князя. Мужчины встали и на несколько секунд застыли в молчании. Затем осушили бокалы и снова сели. Тамада продолжал говорить:


— В одной грузинской легенде рассказывается о том, как однажды кузнец увидел девушку необычайной красоты. Она оказалась княжеской дочерью. Кузнец пытался снова увидеть девушку, но она почти не выходила из своего замка. Кузнец был в отчаянии. Он каждый день ходил вокруг замка, чтобы хоть услышать ее голос. В один прекрасный день он услышал ее пение, воодушевившее его. Он отлил колокол, в который вложил прекрасный голос любимой девушки. Звон этого колокола раздавался вблизи замка. Изумленная девушка слушала необычный звон, который скоро совершенно очаровал ее. Однажды она сама пришла к кузнецу. — Тамада сделал паузу, затем сказал:

— Вот как грузины чувствуют звук. — Помолчав немного, тамада приказал: — Гимн Верхней Имерети!

Наверное, у каждого народа есть своя особая, наиболее удавшаяся песня, которая поется очень редко, чтобы уберечь сакральное от повседневного. Таким был этот гимн, который исполнялся так редко, что был уже почти забыт.

Приглашенные актеры пели и старинные грузинские песни. Они запели одну из них. Все стали дружно подпевать. Песня лилась, как гимн, каждый звук которого пронизан солнцем. Все были взволнованы, особенно князь Гиорги, ибо его предки еще жили в Верхней Имерети, и песня эта была посвящена ему как гимн его рода.

Тем временем была подана отварная курятина и печеная форель. Все развеселились, чему в немалой степени способствовал сок Диониса. Тост следовал за тостом. Сначала чествовали хозяйку дома, затем молодую вдову, за ней дочь князя, потом женщин из деревни. Северянка действовала на всех, как аромат неведомых далей. Она была далекой и близкой, невестой и сестрой. Провозглашение ее здравицы тамада поручил поэту Одилиани. С быстротой провидца сочинил он сонет чеканной формы, в котором образ обаятельной шведки предстал перед слушателями, словно прекрасный скульптурный портрет. Все бурно рукоплескали



поэту. Раскидистое ореховое дерево опустило одну из своих длинных веток на веранду: ее листья высыпали на стол блески солнечных пятен. Не было ли это ответным подарком солнца? Один луч, словно влюбленный, упал на светлый лоб чествуемой. Авала тут же взял слово и обратился к ней, удачно сравнив луч с поцелуем солнца. Снова раздались аплодисменты. Невестка князя была глубоко тронута, ее лицо сияло.

— Танец! Танец! — скомандовал тамада.

Заиграли инструменты. Заговорили древние кавказские ритмы. И танец начался. Стройный, подтянутый Сандро пригласил на танец юную княжну. Они танцевали лезгинку — легенду о самозабвенной любви. Все дары бытия оживали в этом танце: напрягшийся мускул газели, готовой к прыжку со скалы, неудержимый порыв всадника, бросающегося на врага, крылья орла, величественно распростертые над пропастью. Мужчина в этом танце предстал как покоритель, но и как рыцарь, женщина же уступала его домоганию, но сдержанно. В душе каждого присутствующего звучала музыка танца. Казалось, что мужчина вот-вот настигнет, покорит женщину, не касаясь ее, — и тут она резким поворотом гибкого стана ускользает от распростертых для объятия рук «властелина». Танец кончился. Со всех сторон раздался гром аплодисментов в честь танцоров. Затем молодой Карангоси исполнил танец горцев, еще более порывистый и пламенный. Звуки танца напоминали свист меча, молниеносно разрезающего водный поток, на лезвии которого не успевает задержаться ни капли. Казалось, что танец изображал тура с вытянутой породистой шеей, почувшего вдруг чужое. Молодой танцор весь был пламя. Кровь кипела во всем его теле. Он теперь в танце достиг той грани бытия, когда человеку все дозволено. Когда он закончил танец, его окатила волна аплодисментов.

Наступила непродолжительная пауза.

— Мне припомнилась фраза Ницше: «Следовало бы осредиземноморить музыку», — сказал князь Гиорги. — Если бы Ницше видел наши танцы, он сказал бы: «Следовало бы окавказить музыку».

Гости заулыбались в знак солидарности с князем. После этого спели еще одну песню. Словно сак-

ральный рефрен держала она настроение пирующих на высоте.

На площадке перед верандой горел огонь для шашлыка из баранины. Дата и Басила были мастерами по этой части. Они жарили мясо на вертелах из ивовых прутьев, ибо железные шампуры придают этому изысканному кушанью неприятный привкус. Дубовые чурки уже прогорели; желтовато-белые угли еще чуть-чуть пылали. Теперь пламя не сожжет и не закоптит мясо. Мастера-кулинары осторожно жарили его, ибо оно к тому же не должно было потерять ни капли своего сока или жира. Когда они с двенадцатью длинными вертелами появились перед столом, гомериды воскликнули: «Пища богов!» Они ели мясо, посыпанное толченым барбарисом и обмакивали его в темно-красный соус из сока граната. Гарниром к шашлыку служил слегка поджаренный лук.

Гости ели так, как если бы исполняли обряд причащения. Князь Гиорги также отведал этого кушанья.

Тосты продолжались. Тамада с поднятым бокалом называл то одно, то другое имя, затем другие приветствовали чествуемого торжественной речью. В произнесении заздравных тостов принимали участие все, в том числе и художник, который ни на одном языке не умел связать двух слов. Лишь летчик Закара, танцоры Сандро и Карангоси, а также оба сына князя хранили молчание, ограничиваясь односложной здравицей.

Удивительнее всего было то, что Леван Орбели еще не произнес ни одного тоста. Он сидел молча, сосредоточившись на своих мыслях, отсутствующим взглядом окидывая пир и пирующих. Пил он очень мало.

— Что сегодня с Леваном? — спросил один из гостей.

— Ничего, — улыбаясь, ответил тамада, — он, по видимому, ждет своего часа, который скоро пробьет.

Леван и в самом деле собирался с мыслями. Однако никто не догадывался, что в недрах его существа кипела борьба. Северянка, сама того не желая, вызвала одним-единственным взглядом целую бурю в его душе. Он пытался противиться очарованию, исходившему от этой женщины, но тщетно. Она пленяла его лишь одним своим существованием. Ему даже хотелось

порой, чтобы она не казалась ему столь прекрасной. Он искал в ней хоть какой-нибудь недостаток, но не находил ни одного. Это почти досаждало ему. Красота северянки парализовала его, вместо того, чтобы окрылить. Прислушиваясь к своему внутреннему голосу, он старался вырваться из плена женских чар. Несмотря на эту внутреннюю борьбу, он внешне оставался совершенно спокойным, ничем не выдавая себя.

Дионисийский пир продолжался. Тамада предложил поэтам выступить со своими стихами. В Грузии стихотворение — всегда событие. Зародившись в глубине одной души, оно, чтобы обрести подлинную жизнь, непременно должно возродиться в других. Вот почему действие каждого стихотворения испытывается в Грузии, как правило, или на каком-нибудь празднике, или на пиру. Поэт декламирует здесь свое, пока лишь воспринятое душой стихотворение. Если же оно окажется счастливым выражением благодарности за снизошедшую на него благодать, то оно обретает среди слушателей новую жизнь. Так было и на сей раз. Каждый поэт прочел свое новое стихотворение, и каждый — неповторимым образом. В этих стихотворениях было что-то от силы первоначального слова, а форма их таила в себе неистовость культовых посвящений. Поэты читали свои стихи и гимны, и создавалось впечатление, что они враждовали между собой. Но это не было враждой: в них говорил лишь пыл соперничества без всякой злости. Все были воодушевлены, но больше всех — князь Гиорги.

Леван не был пока в состоянии декламировать стихи. Он извинился, вежливо и почти холодно. Он выжидал. Настоящее зрелище или стихотворение бесконечно радовали его, но один-единственный неверный тон мог причинить ему душевные муки. В таких случаях он, чтобы нейтрализовать отрицательные эмоции, имел обыкновение что-то нервно рисовать на клочке бумаги. Поэтам было известно это его свойство. Они украдкой следили за его правой рукой, которая была сегодня спокойнее, чем когда бы то ни было. И все-таки Одиллиани спросил его тихо, не нарисовал ли он что-нибудь, пока тот декламентировал свое стихотворение.

— Ни одного штриха! — весело ответил Леван.

Традиционные, обязательные тосты подошли к кон-

цу. Уже выпили за всех присутствующих, в том числе и за музыкантов, сидевших за отдельным столом. Все шло как нельзя лучше. Как опытный режиссер управляет творческим процессом в театре или кино с помощью отрезков игрового времени, рассчитанных чуть ли не с математической точностью, так тамада правил пиршеством в доме князя Гиорги. Веранда напоминала корабль, плывущий в открытом море.

— Подайте мне азарпешу! — почти патетически воскликнул тамада.

Тут же принесли золотую чашу с длинными дужками и наполнили ее вином.

— За здравие хозяина дома! — воскликнул он.

Все поднялись, на сей раз и женщины, за исключением княгини.

— За здоровье князя Гиорги! — слышалось со всех сторон.

Тамада, как бы совершая священнодействие, осушил азарпешу.

— Слово Левану Орбели, — сказал вдруг тамада почти повелительным тоном, передавая молчаливому гостю азарпешу. — Под знаком солнца, — добавил он.

Леван встал и начал говорить. Уже после первой фразы он почувствовал себя совершенно раскованным. Его лицо странно изменилось. На один миг он почувствовал, как дрогнул пульс на его правом виске. Это было счастливым предзнаменованием. Еще несколько фраз — и оратор уже был воспламенен. Он сказал, что ему выпала великая честь произнести эту ответственную речь. Он считает князя Гиорги подлинным и ярко выраженным представителем грузинского духа и, когда ему приходится говорить об отличительных свойствах грузинского народа, его внутреннему взору всегда представляется образ князя Гиорги.

— Под знаком солнца! — продолжал он. — Грузия и в самом деле находится под знаком солнца. Это отражено уже в нашем языке, слова которого обладают формообразующей силой, в которой слышна первоизданная мудрость. Язык никогда не лжет. Грузинский язык без сомнения возник из непосредственного созерцания мифа, в котором предметы в виде отражений корнями соприкасаются друг с другом. Например, слово «ситква», означающее «слово», созвучно словам «плен»

и «оплодотворение». Если, по примеру Адама, назвать какое-либо существо определенным словом, то оно в тот же миг окажется как бы в плену. Но плен этот будет не ущемляющим, а оплодотворяющим. Как был бы рад Гераклит, если бы знал, что в грузинском языке слова «жизнь» (сицоцхле) и «огонь» (цецхли) — одного и того же корня. В мироощущении грузин огонь является главным элементом. Жизнь есть горение. И вот, обратите внимание: лошадь — самое пламенное существо на земле — содержит в корне своего имени (цхени) слово «огонь». Еще более примечательно то, что слово «метла» (цоцхи) родственно слову «огонь». По-видимому, здесь имеется в виду элемент чистилища. Если пойти дальше, то можно установить, что слова «чистый» и «святой» (цминда) тождественны. Словом: жизнь есть и пламя, и святость. Отсюда основополагающее значение солнца в нашем мирозерцании. «Солнце» и «видеть» имеют у нас один корень (мзе—мзера). Здесь имеется в виду внутреннее созерцание: солнце, как космическое око, в горении которого созерцается нечто изнутри. Когда грузин хочет употребить слово «все», он говорит: «квелапери», то есть «все цвета». Если же он применяет слово «ничего», он говорит: «арапери», то есть: никакого цвета. При этом «цвет» следует воспринимать по-гетевски, то есть как излучение праэлемента. У нас часто спрашивают: рапер гаакетэ? Это значит: каким образом (буквально: каким цветом) ты это сделал? Здесь «каким образом» выражено цветом.

Со времен Плотина мы знаем, что око солнцеподобно. И Гете говорит: «Не будь око подобно солнцу, оно никогда бы не узрело солнца». Если спросить нашего крестьянина: «Что происходит с виноградом во время созревания?» Он тут же ответит: «Око входит в виноград». Да, буквально так. Разве это не гениально?

Мы хорошо понимаем великое значение слова «сахе» (лицо). Оно, возможно, родственно египетскому «Сахи», обозначающему непреходящую субстанцию какого-либо существа. То, что обладает лицом, божественно — так мы мыслим. Ни в одном другом языке прилагательное «сахизэри» (ликоподобный) не употребляется в таком глубоком смысле обращения к Божественному. Георгий Победоносец называется у нас Белым Георгием, то есть сияющим, а в горах его называют «Лашари»,

то есть светлым. В разговоре для подкрепления сказанного мы говорим вместо «ей-богу», «клянусь твоим солнцем». Здесь особое внимание следует обратить на прилагательное местоимение, ибо не говорится просто: «клянусь солнцем», а — «клянусь твоим солнцем», как будто у каждого человека есть свое солнце. В знаменитой поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» возлюбленная Нестан из темницы утешает Тариэла следующими словами: «Без тебя погаснет солнце, ибо ты — доля его. Так сопутствуй же ему спокойно, ибо колесница светила надежна. Там зрю тебя, там образ твой сияет во мне»¹. Героиня подразумевает под словом «там» лоно солнца. Обратите внимание и на то, что глагол дается здесь во вневременной форме настоящего времени: ведь в нашем языке есть форма глагола, выражающая вечно начинающееся. По всей вероятности, древние грузины воспринимали солнце как сакральное персонифицированное существо.

Леван глубоко вздохнул. Сотрапезники слушали его, затаив дыхание. Они ничего не знали об этом глубоко коренящемся в их родном языке мирозерцании. Даже князю Гиорги многое в толковании Левана показалось новым.

— Жить подобно солнцу, — продолжал Леван, — означает обладать мужеством жизни, то есть быть внутренне готовым к самоотдаче, как солнце. Тот, кто обладает этим мужеством жизни, может постичь свою судьбу. Она тогда не обрушится на него, а будет исходить из его естества, как внутренняя, присущая ему сила. Лишь тогда человек начнет познавать смысл счастья. И вот что интересно: мужество, счастье и судьба в нашем языке суть одно и то же: беди. Ницшевская «амор фати» (фатальная любовь) выражена у нас таким образом одним словом. Грузинская поговорка гласит: «Попытка (то-есть смелость) — соучастник судьбы». Если жизнь сотворена под знаком солнца, то идея властителя обретает поразительный смысл. Государь по-грузински в буквальном переводе означает: зрело-

¹ Цитата из «Витязя в тигровой шкуре» приводится в подстрочном переводе, т. к. анализируемое здесь слово «там» («мун») выпало в художественных переводах.

рукий. Повелитель должен иметь «зрелую руку», то есть он должен быть богатым, чтобы одаривать, могущественным, чтобы постоять за себя, наделенным благодатью, чтобы служить. Эту концепцию повелителя можно уяснить себе на примере следующего грузинского обычая: у князей Гурии Гуриэли с незапамятных времен на второй день Нового года отмечался особый праздник, во время которого крепостные крестьяне и князья менялись ролями: крестьяне приходили в роли князей в гости к настоящим князьям, а те в свою очередь прислуживали своим крепостным, как слуги, и щедро угощали их. Превосходно, не правда ли?

Леван перевел дух и продолжал:

— Итак, огонь в грузинском языке отражен как высшее воплощение бытия. Как горит этот огонь? Великий монгольский полководец Тимур пытался понять суть боевого пыла грузин, чтобы использовать это знание в борьбе с ними. «Грузины выкладывают весь свой пыл уже при первом соприкосновении с противником». Так сообщает грузинская хроника о представлении Тимура о грузинских воинах. Из этого историки сделали следующий вывод: грузины отличаются нетерпеливостью и отсутствием упорства. Так ли это? Я сомневаюсь в этом. Мы сегодня видели в библиотеке нашего хозяина книжечку величиной не более спичечной коробки. Она содержит в себе весь Новый Завет, переписанный бисерными буквами и без единой ошибки. Можно ли, не обладая терпением и упорством, добиться этого? Грузин может проявить столько же терпения и выдержки, сколько и упорства в достижении цели. Дело лишь в том, что он не умеет рассчитывать свои силы. Удивительно, что «расчет» и «жадность» выражаются у нас одним и тем же словом. Тот, кто живет под солнцем и солнцем, для того холодный расчет невозможен, ибо солнце не рассчитывает, оно дарит себя без расчета. Нигде это наше свойство не проявляется так сильно, как в любви. В «Витязе в тигровой шкуре» любовь нечто абсолютно солнцеподобное. Образ Нестан напоминает задумчивый овал Мадонны, и все же она без остатка сгорает в своей страсти. Непорочная в душе, она внешне пылает, как вакханка. Кстати, и Гете, судя по его примечаниям к «Западно-восточному дивану», почувствовал в грузинке нечто, подобное сдержанному пламени.

Лучше всего эта любовь сохранилась у нашего горного племени хевсуров. Любящие могут всей своей воспламененной душой быть близкими друг другу, но они не должны переступать последнюю черту. Тот, кто не в состоянии оставить этот рубеж божественно непорочным, изгоняется из рода, как предатель самого себя. Согласитесь, что это великолепно! Здесь любовное чувство олицетворяет само солнце. Любящих здесь называют сцорпери, то есть равноцветными. Обратите внимание на то, как в этом слове подтверждается толкование цвета как луча становления личности: любящие «равноцветны», то есть они по духу родственны друг другу в любви.

Леван снова сделал паузу. Все с напряженным вниманием слушали его. Он продолжал:

— В одной грузинской легенде говорится: «Когда солнце излучает кровавый свет и выжигает поля, из влажной норы выползает ярко-красная змея. Своими рожками она отбрасывает сухой пласт земли, разверзает пасть и вытягивает ее к солнцу, как бы испытывая жажду. После этого она выпускает из пасти желтый камень, отбрасывает его от себя и затем играет с ним в лучах солнца. Этот камень называют хвито, что значит «полный колдовства». Тот, кто сумеет выманить у змеи с помощью заклинаний этот камень, будет жить божественной жизнью: беззаботно, легко и свободно. Это, конечно, невероятно трудно, но каким счастливым станет тот, кто добьется успеха! Победивший змею, эту символическую цезуру между богом и небытием, раз и навсегда избавится от страха смерти, ибо жизнь его станет подобной солнцу. В древние времена грузины, наверно, не раз испытывали таким образом свое счастье, чтобы приблизиться к солнцу. С космической точки зрения, солнцу соответствует сердце, это чудо из чудес, а жизнь в Грузии поистине озарена солнцем, по меньшей мере была когда-то. Ведь не напрасно сердце получило в нашем языке прекрасное имя: «гули», звучание которого похоже на излучение мягкого света. Мы не говорим: я сделаю это ради тебя, а говорим: я сделаю это ради твоего сердца. Когда мы хотим выразить какую-нибудь сокровенную мысль, мы говорим: гулис-хмиэри, то есть то, что соответствует внутреннему звучанию сердца. Прислушивание к внутреннему

голосу называется у нас буквально: слух (ухо) сердца. Сердце может одарить лишь собой, как это делает солнце, а у нас постоянно дарят — и в дружбе еще больше, чем в любви, ибо по сравнению с любовью дружба — это безвозмездный дар. Несмотря на безграничное почитание солнца, а вернее именно поэтому, душевный склад грузина создан для того, чтобы любить и понимать землю. Земля воспринимается нами как живое существо с плотью и кровью. Не только земля как целое, но и каждая ее часть обладает у нас свойством сверхпространственности, которое в области метафизики соответствует определенным духовным реалиям.

В Хевсурети и Пшави почитают Великую Матерь, как адгилис дэда (мать места). Следует знать, как мы строим наши молельни. Место для нее выбирается по мистическому наитию. Это место так или иначе всеми своими признаками соответствует будущей молельне. Отсюда различие в молельнях в зависимости от места, в каждой из которых почитается какой-нибудь один, свой образ. Так, например, солнце почитается у нас так же глубоко, как и земля. Лишь в стране, где это почитание так естественно, как у нас, Святая Нино могла сделать крест из лозы и скрепить его прядью своих волос. Это не только многозначный символ, но и явление чуда. Дух лишь тогда плодотворен, когда он входит в соприкосновение с землей: вот чему учит нас крест из лозы. Даже божественное страдание должно явиться через радость бытия. Не олицетворяет ли крест из лозы само бытие, полное благодати, а волосы Святой Девы — радость бытия? Тот, кто открывает свое сердце навстречу Божественному, словно чашу, полную соков жизни, тот будет осенен благодатью бытия. Сердце Грузии — жертвенная чаша. Так я понимаю грузинский мир.

Леван умолк на несколько секунд.

— Кто создал картину этого грузинского мира? Не отдельные личности, а все вместе. Каждый из нас видит эту картину готовой, и каждый причастен к ее обновлению. В нашем национальном характере, как видно, с самого начала был заложен корень, который растет в каждом: будь то живой, давно ушедший из жизни или даже грядущий. Родоначальником нашего бытия является мифический Картлос. Он живет в каж-

дом грузине, хотя ни в ком и не явлен конкретно. Он наш прародитель, но не в смысле смены поколений. Он — существо, породившее себя самого. Незримо и неосознано присутствует он в каждом из нас. Мы существуем лишь постольку, поскольку он — наша основа. Нам предстоит решить огромную задачу: развить в себе этого прародителя наидостойнейшим образом. Наша история богата выдающимися личностями, которых озарял внутренний свет Картлоса. В последние столетия их становилось все меньше и меньше: видно, иссякает его первородная сила. Подсознание народа подтачивал червь страха. Может быть, светоч прародителя погас? К счастью, можно утверждать, что это пока еще не произошло. Время от времени среди нас появляются личности, несущие в себе животворную силу нашего священного духа. Одного из этих избранников мы сегодня видим перед собой: это князь Гиорги. Под знаком солнца! От имени и во имя Грузии я говорю: Слава нашему прародителю Картлосу! Да здравствует князь Гиорги!

— Слава! Слава! Слава! — повторили все, соскочив со своих мест. Никто уже не был только самим по себе: создалось братство, единенное одной душой, одним дыханием. Как бы вознесенный невидимым потоком, внимал князь Гиорги слухом сердца речи Левана. Он встал. Наступила глубокая тишина. С дрожью в теле и со слезами на глазах, человек и вместе с тем нечто большее, потрясенный и весь пронизанный светом, подошел он к Левану и поцеловал его в лоб.

Снова раздались возгласы здравицы. Руки мужчин, словно лучи света, потянулись к нему. Неудержимый вихрь восторженных чувств обуял его. Он вернулся к дивану и прилег.

Воцарилась тишина. Лишь сердца людей колотились, и сердце князя Гиорги — сильнее других.

— Гимн Верхней Имерети! — приказал тамада. И снова раздалась могучая песнь.

Леван осушил азарпешу и передал ее старшему за столом. Это был Мзисавар, который стремительно встал и, выпив вино, передал азарпешу Хыдыру, а тот остальным — по кругу.

— Я безмерно счастлив, — сказал князь Гиорги, вставая, когда чаша обошла всех. — Я и не подозре-

вал, что прообраз нашего бытия еще живет в нас. Да, Картлос — наш мифический родоначальник, наш пра-родитель; и он стоит под знаком солнца. Он личность, и в то же время не личность. Недавно я прочел сообщение об открытии, сделанном одним немецким биологом. Оно потрясло меня. Если разрезать зародышевую клетку лягушки на две половины, то из этих половин родятся две лягушки. И вот что удивительно: из каждой половины вырастает не пол-лягушки, а целая лягушка в половину нормальной величины. Что же происходит с первоначальной лягушкой? Она не обретает материальное воплощение, однако она продолжает жить в обеих лягушках, каждая из которых будет носить ее, нерожденную, в себе до конца жизни. Представим себе, что лягушки сознательные существа: тогда они познали бы в себе образ нерожденного отца. Образ этот невидим и неосязаем; и все же он — реальность, существующая сама по себе. Этот образ дает нам объяснение мифического представления о нашем праотце. Образ этот, конечно, нельзя применить по отношению к человеку чисто биологически. Народ — не как простое скопление людей, а как сущностная единица — живет лишь за счет первоначальных сил, заложенных в него прародителем. Вот что имел в виду Леван в своей удивительной речи. Я повторяю: я безмерно счастлив сегодня. И не потому, что вы увидели во мне этот прообраз. Тот факт, что вы его вообще еще воспринимаете, делает меня счастливым. Меня охватывает трепет, когда я смотрю на вас всех: тогда передо мной встает тот таинственный образ. Благодарю вас!

Князь выпил вино из маленького бокала.

Наступила минута молчания.

— Нам здесь недостает одного! — неистово вскричал вдруг Мушни Даддани.

— Прошу соблюдать порядок! — потребовал тамада.

— Нам здесь недостает одного! — еще неистовее закричал Мушни.

Все почувствовали неловкость.

— Успокойся, дорогой Мушни! — раздался спокойный голос князя. — Здесь присутствуют все, даже погибшие.

Все поняли, что Мушни имел в виду расстрелян-

ного сына князя Гиорги. И почтили его память минутой молчания.

— Чонгури! — воскликнул Мзисавар.

Ему тотчас принесли чонгури. Он спел и сыграл старинную песню «Цитэли батонэби» (Красные господа), которую обычно поют при заклинании духов кори. Мзисавар тихо пел, аккомпанируя себе на чонгури. Еще тише вторили ему голоса женщин, благодаря чему песня звучала как бы издалека, из седой старины.

Появился Басила, неся на подносе вареную говяжьёю лопатку. Гости не преминули отведать и это изысканное кушанье. Совсем не легко по всем правилам кулинарного искусства сварить говяжьёю лопатку, но еще труднее нарезать мясо.

— Этим займется Мамаи, — сказал кто-то. Тамада и в самом деле был мастером по этой части. Он тут же взял длинный острый нож и нарезал мясо на тонкие продолговатые ломтики. В качестве соуса на столе стояла подлива из диких слив (ткемали), приправленная перцем и прочими пряностями, среди них и неповторимо благоухающая трава «омбало».

Тосты подошли к концу. Пришло время чествовать тамаду.

— За здравие тамады, который столь великолепно руководил нашим пиром! — воскликнул один из гостей.

И тут поднялся Хыдыр.

— Это произошло во время монгольского нашествия, — начал он. — Был раскрыт заговор против монголов. И вот неожиданно перед монголами появился статный мужчина, спокойный и серьезный: «Что тебе надо?» — спросили его. «Хочу быть со своими друзьями», — ответил он. «Что?» «Я тоже был в заговоре, но я опоздал». Монголы были крайне изумлены. Они не только не наказали его, но и отпустили вместе с товарищами на волю. Так повествует наша хроника, а она не грешит против истины. Этого человека звали Цотнэ Дадани. Наш тамада носит имя своей родины¹. Оди-

¹ Одиши — древнее название Мегрелии. Одишели — букв. означает Одишский.

шли и в слове, и в своих произведениях, и в общении с людьми всегда дорожит дружбой и верностью, а ведь дружбой и верностью живы грузины. Да здравствует Мамиа Одишели! Ура!

Весь обаяние и сдержанность, тамада стоя благодарил гостей за оказанную ему честь.

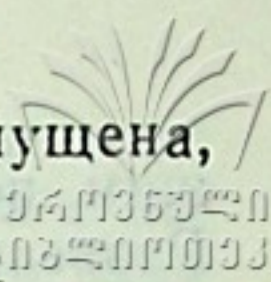
Через некоторое время гости поднялись и тихой молитвой почтили святую Марию. Так закончилась ритуальная часть этого торжественного пира. Теперь каждый мог пить, есть, говорить, петь и танцевать, руководствуясь собственным желанием. Женщины и несколько мужчин отошли от стола. Вдова тоже собралась было оставить пиршество, но ее настоятельно попросили не уходить, и она осталась. Князь Гиорги все еще возлежал на диване. Пиршество приняло более спокойное течение. В меру опьяненные мужчины сохраняли спокойствие и ясность сознания.

День клонился к вечеру. Фиолетовые тени, отбрасываемые горами, медленно распростерлись над широкой равниной. Воздух стал мягче и прохладнее. Еще слышалось пение, еще танцевали, смеялись. На другой стороне, на склоне горы, словно золотой нимб, парило плотное облако. Оно было ярко-красным, как пламя. Но пламя это не колыхалось. Казалось, что оно превратилось в металл, пылая изнутри. Облако сияло, напоминая огромное око, как будто все солнце сосредоточилось в нем, отделившись от самого себя.

Вдруг Леван встал. Словно олень, только что сбросивший старые рога, стоял он, мужественный и исполненный радости. Он повернулся лицом к пылающему облаку и начал говорить в четком и строгом ритме. Что это было: стихотворение, гимн или заклинание? «Гимн солнцу», — прошептал кто-то. Слова Левана струились в сторону пронизанного солнцем облака, стремясь соединиться с ним в священном союзе. Восторг охватил сердца слушателей. Когда Леван кончил говорить, со всех сторон раздалось ликование. «Лиле!» — скомандовал Леван. Поднялся сван Кансав и запел гимн своего племени. Несколько мужчин подхватили песню. О страстной тоске по солнцу поется в этом гимне.

— Пусть он будет посвящен нашей прекрасной северной сестре! — повелительно произнес Леван.

Возгласы одобрения, словно туман, окутали очаро-



вательную невестку князя Гиорги. Она была смущена, испугана, счастлива.

Праздник продолжался до позднего вечера.

НОРИНА

Натуры, овеянные дыханием Апокалипсиса. В обыденной жизни они тверды и настойчивы. Так было и с Леваном. Весь сегодняшний день его терзал вопрос, не была ли молодая вдова той девочкой, с которой он встретился много лет тому назад. Леван был достаточно терпелив, чтобы предоставить времени разрешение этой загадки. Он сидел теперь с ней вдвоем на веранде. Немного поодаль княгиня беседовала с Мзисаваром. На другом конце веранды дочь князя спокойно выслушивала комплименты окруживших ее поэтов. В саду еще пели пылкие мужчины. Князь Гиорги теперь один лежал в своей комнате.

Леван говорил с вдовой по-немецки, так как он не знал ни слова по-шведски, а она лишь с трудом изъяснялась по-грузински.

Глубокая тихая ночь расстилалась над необъятным простором. Она не была покровом, а скорее неким подобием той ауры, которую порой во сне излучает тело земли. Тем задумевнее получился разговор между мужчиной и женщиной. Ему хотелось сейчас задать ей вопрос, который мучал его. Он, конечно, понимал, что спросить ее об этом прямо было бы нетактично. Между ними уже установился едва ощутимый контакт; и, если его предположение не подтвердится, то контакт этот сразу же будет нарушен. И Леван ждал подходящей минуты, чтобы осторожно, как бы между прочим, задать ей этот вопрос во время беседы.

— Вы сегодня грустили — и это при исполнении гимна солнцу, — тихо произнесла вдова.

— Возможно, что печаль была навеяна самим солнцем.

— Разве серьезное всегда должно быть печальным?

— Я полагаю, что да!

— Но ведь солнце — воплощение радости, и вы говорили именно об этом.

— Да, конечно, но радость эта покрыта тончайшим покровом печали. Как мне это вам объяснить? Разве вы никогда не ощущали это в те минуты, когда музыка уносила вас далеко от земной юдоли?

— Как же, ощущала...

— Вот именно это я имею в виду.

Оба помолчали немного.

— Но к вашей печали было примешано еще что-то чужое, не вполне понятное мне.

— Возможно. Сегодня я пережил нечто такое, что поразило меня. Вам, наверное, известно, что каждое лицо таит в себе еще одно лицо, которое в редкие мгновения вдруг просвечивает сквозь первое и тут же исчезает. Вы никогда не улавливали это ваше другое лицо перед зеркалом?

— Да, однажды в детстве.

— Когда князь Гиорги встал во время пира, я вдруг увидел перед собой совершенно другого человека. Это ощущение, или, вернее, видение, длилось, не более мгновения, но оно потрясло меня.

Затем Леван добавил как бы про себя: — Это ощущение я испытал сегодня дважды.

— А когда это случилось во второй раз?

— Когда вы вошли в комнату.

— И тогда вы тоже увидели другое лицо в лице князя?

— Нет, я уловил его в вашем лице.

Северянка с удивлением посмотрела на Левана.


— И оно снова показалось вам чужим?

— Чужим и вместе с тем знакомым.

— Странно. Не могли бы вы познакомить меня с этой незнакомкой?

— Охотно. — Леван закурил сигарету и начал рассказывать:

— Это было в 1914 году незадолго до начала войны. Я проводил лето в Боржоми. Там я познакомился с одной семьей. Это не были грузины. В этой семье была красивая белокурая девочка лет двенадцати. Дети меня любят. И эта девочка привязалась ко мне. Она сопровождала меня во время прогулок по лесам и горам. Я рассказывал ей сказки и разные истории. Она была необычайно умна и по-детски гениально наивна. Струю воды, бьющую из-под земли, мы, грузины, на-



зываем «оком источника». Девочка сама была этим оком источника. Когда я смотрел на нее, я думал о великой благодати жизни. Я тоже привязался к ней. Она была для меня, как младшая сестра, и еще что-то большее. Под этим «большим» не следует понимать обычное отношение между мужчиной и женщиной. И все-таки это была не вполне обычная дружба между ребенком и взрослым мужчиной. Я не могу подобрать подходящее слово, чтобы выразить это поточнее. Может, я любил в ней будущую женщину, которая как собственный прообраз парила предо мною в непосредственной близости? Затем началась война, и мы с ней больше не виделись. Тогда я глубоко почувствовал то, что мы называем словом «тоска»: нечто существует и в то же время не существует, как нечто кажущееся, оно гораздо эффективнее, нежели то, что просто «существует». Все эти годы я постоянно думал о ней: где она теперь? Что делает? Кем стала? Иногда мною овладевала страшная мысль: а может быть ее давно уже нет в живых? И все же ее образ снова и снова сиял предо мной, и мне казалось, что она стала прекрасной, очаровательной женщиной и, возможно, вспоминает о своем старом друге. Тогда меня захлестывала волна невыразимого блаженства. В моей отдаленной тоске она присутствует всегда: и близкая, и недоступная.

Леван умолк. Он заметно устал. Женщина слушала его, как во сне, узнавая во всем сказанном им далекий, нереальный мир. Ее сердце, казалось, вот-вот перестанет биться. В изнеможении облокотилась она на перила. Так прошло несколько мгновений. Затем она собрала с духом и стряхнула с себя оцепенение.

— И когда вы вошли сюда, вам показалось, что вы видите перед собой эту девочку?

— Да, — ответил Леван, — тем более, что князь Гиорги представил вас как шведку. Та девочка как раз была родом из Швеции.

— Ну а дальше?

— Дальше меня что-то смутило. Я уже не мог почему-то узнать в вас ту девочку, или вернее у меня возникло сомнение.

— Удивительная история, — сказала она, помолчав немного. — И она тем удивительнее, что мужчина,

рассказавший ее, стоит перед женщиной, которая когда-то была той девочкой.

— Норина!

— Леван!

Теперь они почувствовали себя погруженными в тот слэй бытия, в котором из всех слов значение имели лишь эти два имени. Робко, трепетно и восторженно протянула она ему руку. Он задержал ее в своей.

— Теперь, надеюсь, вы опять узнаете во мне ту девочку? — спросила она.

— Узнаю, — ответил он обрадованно.

И даже теперь им было трудно найти подходящие слова.

— Вы иногда вспоминали обо мне? — спросил он ее, словно ребенка.

— Часто, — ответила она.

И Норина стала рассказывать. Когда началась война, ее семья сразу же перебралась в Баку. В спешке она не смогла даже проститься с ним. Затем им, как иностранцам, пришлось покинуть и Баку, ибо, как он, наверное, помнит, ее отец работал инженером в фирме Нобеля, и они уехали в Стокгольм: отец, мать, брат и она. Потом были тяжелые годы войны. Она хотела послать ему открытку, но Россия и Кавказ были отрезаны от остального мира. Когда в 1918 году война кончилась, они вернулись в Баку. Через год она познакомилась с Ревазом. Он был инженером и работал на большом заводе. Незадолго до советизации Азербайджана, в апреле 1920 года, она вышла за него замуж. Затем они бежали в Грузию. Отец с братом снова вернулись в Швецию, а мать осталась в Батуми: ведь она, если он помнит, итальянка, родилась в Грузии и породнилась с грузинской семьей. Она и по сей день живет там.

Норина говорила еще довольно долго. Когда она закончила свой рассказ, Леван спросил ее:

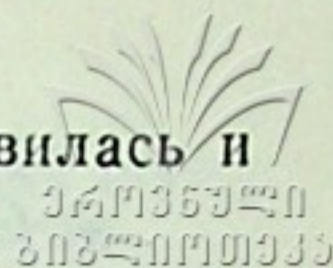
— Вы не пытались найти меня здесь?

— Я узнала, что вы находитесь в Тбилиси.

— Да?

— Я хотела написать вам, но не знаю, то ли из страха, то ли из нерешительности, но я так и не написала вам письмо. Ко всему этому прибавилась еще эта грузинская привычка откладывать все на вечное завт-

ра, которая с каждым днем все больше становилась и
моей привычкой.



Она улыбнулась.

— Я знала, что вы живы и даже была уверена, что мы с вами в один прекрасный день встретимся. А все остальное было не так важно.

— Вы меня сразу узнали? — улыбнулся он наконец.

— Конечно. Вы почти не изменились.

— Скорее мумифицирован, — сказал он, продолжая улыбаться.

— А я?..

— А вы расцвели и стали чудесной женщиной.

Избавившись, наконец, от неловкости, они еще долго говорили в таком духе.

— Пожалуйста, узнайте, не спит ли князь, — прервал он вдруг разговор, изменившись в лице, — я хочу играть на фортепьяно.

— Сию секунду, — ответила она и встала. Через несколько минут она вернулась и сообщила ему, что князь Гиорги беседует с Одишели.

— Пойдемте в залу, — попросил он, — я хочу, чтобы вы сидели около меня.

— Охотно.

Они пошли в большую залу, где дремал могучий «Бехштейн». Леван подошел к роялю, внутренне сосредоточиваясь: решительно, твердо и спокойно. Он сел за рояль и тут же погрузился в бездонную глубину звуков. Рядом с ним спокойно сидела Норина. Послышались первые аккорды.

— Кто там играет? — спросил князь Гиорги в своей комнате. — Норина? Нет, пожалуй.

— Это, наверно, Леван Орбели, — ответил Одишели. Оба прислушались к игре Левана.

— Что он играет? — снова заинтересовался князь. — Это произведение мне неизвестно.

— Он вообще никогда не исполняет собственно музыкальных произведений, — заметил его собеседник.

— Как? Разве он импровизирует?

— И да, и нет. Он берет за основу какую-нибудь готовую мелодию и обрабатывает ее, когда чувствует вдохновение.

— Поразительно!

— Он придерживается того мнения, что музицировать следует лишь таким образом. В противном случае — так он считает — музыка утрачивает тот божественный миг, когда исполнение является одновременно и творчеством.

— Удивительно!

Леван продолжал играть. С точки зрения мастерства исполнения, игра его, конечно, не была безупречной. Однако никто этого не замечал. Бурные волны музыки вздымались одна за другой, словно шли из какого-то неведомого мира. Свет, исходивший от этой музыки, проникал в души слушателей. Музыкант весь был охвачен горением, словно кентавр, впавший в неистовство.

— Неистовая душа... — прошептал князь как бы про себя.

— ...которой коснулось безумие, — закончил Одисели фразу.

— После смерти духи уже не нуждаются в языке, — размышлял вслух князь, — они, по-видимому, общаются посредством музыки.

Леван играл самозабвенно. Казалось, что вся деревня парила в необъятной тиши ночи, вознесенная звуками музыки. Все, кто находился в замке и вне его, были захвачены музыкой, а больше всех — Норина. Ее, правда, несколько смущала необычайная взволнованность Левана.

Вдруг она вспомнила одну историю. Петер Гаст, друг Ницше, — так ей когда-то рассказывали в Германии — однажды отправился в гости к автору «Заратустры». Гость застал хозяина за роялем. Будучи сам музыкантом, он прислушался к игре Ницше и тихо вошел в комнату больного гения. К своему ужасу, он установил, что Ницше играл, хотя и вполне правильно, но время от времени как бы охваченный безумием. Игравший внезапно вскочил с места, повернулся к вошедшему, и перед Петером Гастом предстал безумец с искаженным лицом. Разве исключено, что то же самое может в любую минуту произойти с Леваном? Норине стало не по себе. Но бурные музыкальные волны вдруг перешли в пассажи необычайно мягкого, умиротворяю-

щего света. Леван закончил игру. Перед Нориной стоял теперь человек, преисполненный счастья и радости. Норина облегченно и блаженно вздохнула.

ТОРЖЕСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На следующий день хозяева замка загрузили, узнав, что гости собираются разъехаться. Прощание в Грузии дело привычное, так как расстояния, разделяющие людей, невелики. Но сегодня хозяевам было особенно больно расставаться с гостями. Праздник казался прерванным. Больше других опечалился князь Гиорги. Его терзала мысль, что этих милых людей он, возможно, уже не увидит. Все были готовы к отъезду. Медленно замирали последние звуки прощальной песни. Князь Гиорги подошел к перилам веранды.

— Вы могли бы остаться у меня еще на несколько дней, хотя бы некоторые из вас. Ведь завтра день Георгия Победоносца.

— И день ваших именин.

— Разве вы не хотите отметить со мной этот день?

— Я остаюсь, — отозвался Одилиани.

— И я, — сказал художник Ваню.

Авала и Хыдыр тоже согласились остаться. Немного поколебавшись, к ним присоединились Мушни и Закара.

— А ты? — обратился Одилиани к Левану.

Леван украдкой взглянул на Норину. В ее глазах он прочел свое собственное решение.

— Я тоже остаюсь, — ответил он тихо.

Князь Гиорги был искренне рад. Он еще раз пожелал счастливого пути уезжающим, среди которых был и Коста. Тот спросил в последнюю минуту своего брата-близнеца:

— Отец, видимо, забыл, что хотел сказать нам что-то важное?

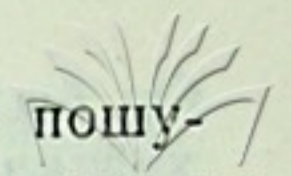
Дата улыбнулся и ответил:

— Торжество осчастливило и укрепило его. Он, наверное, забыл о том, что его мучало.

В замке князя Гиорги снова воцарилось веселье.

Княгиня и ее дочь были искренне рады, что часть гостей осталась. Норина сияла от счастья. Она еще находилась под впечатлением вчерашнего дня. Ее длинные светлые ресницы чуть касались нижних век, каждая жилочка в ней была возбуждена до предела чувством, ею доселе не изведанным. Это не могло укрыться от опытного глаза старого князя. К своему изумлению он, кроме того, почувствовал во взгляде своей невестки едва уловимый налет отчуждения. Что могло случиться с ней? — спрашивал он себя. Он нежно любил ее, как дочь, и даже больше: она стала для него близким другом, который скрашивал последние дни его жизни. Но она была молода, красива, полна сил и надежд. Он всегда старался отделаться от мысли, что она рано или поздно захочет оставить его семью, ибо нельзя ведь исключить возможность того, что она еще раз полюбит и вступит в брак. Было бы несправедливо навсегда приковать ее к своему дому. Как северянка, она, конечно, не легко воспламенялась; загоревшись однажды, она долго горела своим собственным пламенем. Это князь Гиорги знал. Все то духовное, что он передавал ей, делало ее безмерно счастливой. Он чувствовал это. Однако в случае сердечного влечения к кому-нибудь все это может показаться ей суррогатом счастья. Он старался избегать этих мыслей, но они постоянно возвращались к нему, а сегодня совершенно одолели его. Он внимательно наблюдал за тем, как мужчины относились к Норине и заметил, что все они восхищались ею. Одилиани и Авала посвятили ей свои стихи, а Ваню, обративший внимание на ее изящный стан, выразил желание, чтобы она позировала ему. Мушни и Хыдыр весело рассказывали ей что-то о Грузии. Закара и теперь застенчиво молчал, но в его застенчивости князь не заметил ничего подозрительного. Теперь он пристально следил за Леваном: в сравнении с Норинной ему не доставало естественной легкости, в его поведении ощущалась некоторая скованность. Князь задумался. Вчера Леван играл Норине на рояле, играл он необыкновенно: может быть, он своей игрой выразил свое чувство? Словом, князь Гиорги терялся в догадках.

После обеда все, кроме художника, бродившего в окрестностях деревни, сидели за чашкой кофе в комнате князя. С ними была и Норина.



— Я вижу, вы все влюблены в Норину, — пошутил князь Гиорги.

— А как же, — в один голос ответили несколько мужчин.

Среди молчавших был и Леван. Норина улыбалась.

— Я думаю, что нам следует назвать среди рыцарей *primus inter pares*, — продолжал князь Гиорги.

— Лишь вы можете назвать его, — ответил Одилиани.

— Боюсь, что не смогу быть беспристрастным. А что, если мы предоставим это воле жребия?

— Превосходная идея!

— Ну что ж, — сказал князь, — нас здесь семеро мужчин. Я говорю «семеро», потому что и себя причисляю к рыцарям Норины, что, судя по всему, мой дорогой Одилиани не признает, иначе он не предложил бы мне назвать *primus inter pares*.¹

Все рассмеялись. Итак, необходимая атмосфера была создана. Левану предложение князя метать жребий было не по душе, но он старался не выказать своего недовольства. Однако от князя не укрылось расстройство Левана. Это было первым подтверждением его догадки.

— Итак, нас здесь семеро, — повторил князь Гиорги. — Однако излюбленное число у грузин — девять. Вспомните выражения: «девять дубов», «за девятью горами», встречающиеся в грузинских сказках. Затем князь обратился к Норине с просьбой; — Пожалуйста, позови Кансава и Басила — они тоже твои рыцари.

Тем временем кто-то разрезал лист бумаги на девять частей, на одной из которых было написано имя Норины. Вытянувший пустой листок должен был положить его обратно, чтобы у всех участников были равные шансы. Князю хотелось этой игрой не только установить верность своей догадки, но и свести все к шутке на тот случай, если догадка не подтвердится.

Через несколько минут вернулись Норина, Кансав и Басила. Начали тянуть жребий. Первым был Ава-ла. Он вытянул пустую бумажку. Леван сидел молча, весь напрягшись. Теперь к ящику подошел Одилиани.

¹ Первый среди равных. (лат.)

Он был единственным из участников жребия, уверенной хватки которого Леван побаивался.

— Твой верный инстинкт поможет тебе и на сей раз выйти победителем, — тихо напутствовал его Леван. Это прозвучало, словно зов, обращенный к лунатику. Намеренно ли он это сделал? Это немного озадачило князя.

Одилиани, однако, тянул неуверенно и — тоже неудача. Подошел Хыдыр и, как и предыдущие, разочарованно отошел от ящика. Теперь очередь была за Леваном. Он потянул слепо, собрав все свои силы, как всегда в решительный момент.

— Выиграл! — прошептал он.

— Bravo! — раздалось со всех сторон.

Норина не могла до конца скрыть свою радость. Леван воспользовался всеобщим ликованием, чтобы не выдать своего смущения; силы его были на исходе.

— Итак, я провозглашаю Левана *primus inter pares*, — довольно громко объявил князь Гиорги.

— Bravo! — воскликнуло еще несколько человек.

Несколько секунд прошло в молчании.

— А теперь предоставим право выбора самой Норине, — прошептал князь, улыбаясь.

— Как? — вырвалось у Одиллиани.

— Я считаю, что и она имеет право испытать свою судьбу. Что ты скажешь на это, Норина?

— Я нахожу это не вполне уместным, — ответила она полушутя, полусерьезно.

— Как это понять?

— Благодаря тому, что вы из-за меня тянули жребий, я уже волей-неволей была втянута в испытание своей судьбы.

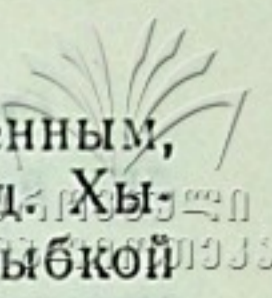
— А этим что ты хочешь сказать?..

— То, что если бы я сама тянула жребий, я бы бросила вызов судьбе, — сказала она и улыбнулась.

— Гм, ты, пожалуй, права. Не напрасно мы создали вокруг тебя рыцарский круг — ты очень умна.

Князь Гиорги осознал свою ошибку. И все-таки он был рад, что так искусно подстроил ловушку. Теперь он уже не сомневался, что и Норина была равнодушна к Левану. В противном случае она согласилась бы еще раз испытать свою судьбу, — подумал он.

Леван, отдававшийся весь, без остатка, любому



чувству, ощутил себя вдруг настолько опустошенным, что пожелал отдохнуть. Другие гости пошли в сад. Хыдыр, согнув в локте свою сильную руку, с улыбкой обратился ко всем:

— Ну-ка, потрогайте! — Те, кто был поближе к нему, потрогали его бицепс.

— Скорее камень, чем плоть, — сказал кто-то.

— Померимся силами, — обратился он теперь к Мушни.

— С удовольствием, — ответил тот.

Мужчины сели за стол друг против друга, опершись на него локтями. Затем их руки сцепились в единоборстве. Каждый старался выложиться, чтобы перетянуть на свою сторону руку противника. Прошло несколько секунд. Оба застыли в невероятном напряжении. Хыдыр сохранял спокойствие и твердость, в то время как Мушни уже начал чрезмерно напрягаться. Это был поединок равных. Прошло еще несколько секунд. Теперь всем бросилось в глаза беспокойство Мушни. Он был намного моложе и гораздо тоньше в кости, нежели Хыдыр, и это решило исход поединка. Хыдыр добродушно улыбался. Мушни не сдавался. Вдруг он прекратил сопротивление. Это вызвало удивление, ибо рука его ни на сантиметр не сдвинулась вниз. Он помахал своей рукой и сказал:

— Наверно, вывих.

— Я очень сожалею, — пробормотал Хыдыр.

Князь Гиорги с веранды наблюдал за этой сценой с начала до конца.

— Кансав! — позвал он проходившего мимо него свана. — Ты не хочешь побороться с Хыдыром?

— Если вам это угодно, — ответил сван.

Теперь друг против друга сидели Хыдыр и Кансав. Через пять минут борьбы лицо Хыдыра побагровело, но и сван напруг все свои силы. Еще через семь минут десница Хыдыра опустилась на четыре сантиметра.

— Наконец-то я встретил человека сильнее меня, — сказал он почти с радостью.

Князь Гиорги улыбался. Кансав стоял скромно, не обнаруживая никакого торжества.

— Сколько тебе лет? — спросил его Хыдыр.

— Или сорок или пятьдесят.

— Сорок пять, — поправил его князь.

Ответ Кансава «или сорок или пятьдесят» развеселил всех.

— В твоём возрасте я, наверное, был бы таким же сильным, как ты, — сказал Хыдыр, как бы утешая себя.

— Я думаю, намного сильнее, — ответил Кансав без тени лести.

Тем временем появилось несколько крестников князя, которых у него было великое множество. Они всегда поздравляли его в день Георгия Победоносца. Среди них был и Андро, приехавший из Мегрелии на своём темно-гнедом коне. Как мегрел он больше радовался предстоящим скачкам, нежели самому празднику Святого Георгия.

Вечером все снова собрались в комнате князя Гиорги. Одилиани и Авала читали стихи. Одилиани своим стихотворением заклинал образ огненного коня, родившегося из солнца. Он в диком порыве бросается в бушующие морские волны, которые в свою очередь превращаются в крылатых коней. Авала волшебством поэзии вызвал видение солнечного юноши на белом коне. Мушни рассказывал о событии, пережитом им во время войны. Ему, его брату Отару и чеченцу, служившим в так называемой «дикий» дивизии, было приказано перейти Днепр и разведать местонахождение противника. Вместо того, чтобы искать брод, они ринулись на конях в могучий речной поток и вплавь достигли противоположного берега. Скоро они натолкнулись на вражеский сторожевой пост, которому померещилось, что его окружила целая дивизия, и он сдался им. Когда солдаты пришли в себя, они уже были обезоружены. Андро с напряженным вниманием слушал рассказ Мушни и стихотворение Авала: и здесь и там лошади. Профессиональный наездник уже был воодушевлен, и князь заметил это.

— Ты радуешься предстоящим послезавтра скачкам, Андро, — сказал ему князь, — но теперь другое время: вместе со многим другим исчезли и лошади. В наше время почти невозможно организовать конные соревнования.

— Ничего, — ответил мегрел, — дюжина лошадей как-нибудь наберется, я завтра позабочусь об этом. Этого будет вполне достаточно. Надеюсь, вы дадите свою лошадь?

— Ты имеешь в виду Марги?

— Да.

— А кто будет наездником?

— Мушни ведь здесь.

— У меня немного повреждена рука, — ответил Мушни.

Появился Басила с несколькими бутылками вина.

— Тогда, может быть, Басила? — спросил князь.

— Это было бы очень хорошо! — воскликнул Одилиани.

Юноша неожиданно узнал, что послезавтра примет участие в скачках на лошади князя Гиорги. Вне себя от радости, он покинул комнату.

Затем снова поэты завладели вниманием слушателей. На сей раз попросили и Левана прочесть что-нибудь свое.

— У меня сейчас нет ничего нового, — сказал он.

— Это не так важно, — сказал князь Гиорги

— Леван ведь каждое стихотворение читает лишь один раз, — пояснил Одилиани.

— Могу я узнать, почему?

— Он это делает для того, чтобы сохранить неповторимость стиха, — включился в разговор Авала.

— Я все понял, — тихо сказал князь Гиорги и проникновенно посмотрел на Левана.

— Но я уверен, что ради вас он сделает исключение, — заметил Одилиани.

— Я был бы очень рад этому, — сказал князь.

Леван долго сосредоточивался и в тот миг, когда почувствовал в себе другого человека, начал тихо и кротко читать свое любимое стихотворение «К Святой Нино», напоминающее хорал. Каждое слово в нем звучало сильно, захватывая слушателей. Образы его словно сияли внутренним светом, и каждая фраза была молитвой. Будто тихий шум морского отлива, медленно замирала песнь. Наступила тишина, в которой как бы повисла незримая чаша, наполненная легким дуновением. Нежный облик Святой Девы парил над ней.

Князь Гиорги внимал молча, не шелохнувшись. Вдруг он встал и подошел к шкафу, открыл его и достал оттуда маленький серебряный подсвечник со свечами. Потом он пошел в угол, где стоял сердцевидной формы ящик из кровавого полированного самшита. Он

поставил перед ним подсвечник, затеплил все девять свечей и, стоя, погрузился в безмолвную молитву. Он простоял так, отрешенный, несколько минут. Когда он обернулся, на его челе сияла полоска света. В немом изумлении вышли гости из комнаты.

СОЛНЕЧНЫЙ КОНЬ

Для подготовки к завтрашним соревнованиям Басила получил отпуск. Он пошел к матери, жившей в соседней деревне со старшим братом. Коня он взял с собой, выкупал его в реке, дал ему вволю побегать, покормил его молодыми стеблями и листьями кукурузы. Мать не могла нарадоваться на сына, впервые участвовавшего в скачках. Ночью он лег в сенях на чистый сухой пол. Постелью служили пахучая рогожа и мутака. Аромат земли опьянил юношу. Недалеко от него был привязан к столбу его конь, погруженный в первобытную нирвану. Теплая мягкая ночь бережно накрыла обоих.

Юноша проснулся с первыми лучами солнца и стал с любовью разглядывать коня. На шафраново-шелковых боках животного переливались, гармонируя с ними, волны света.

Получив благословение матери, озаренный солнцем, Басила вернулся в замок. Князь Гиорги сразу же позвал его.

— Басила! — обратился он к юноше. — Ты сегодня впервые будешь участвовать в конных соревнованиях по случаю народного гулянья. Как ты находишь Марги?

— Марги не подведет, — смело ответил юноша.

— Да, я знаю Марги: у него есть и огонь, и выдержка.

— И упорство.

— А что ты скажешь о лошади Андро?

— Она кажется мне единственным серьезным соперником Марги, но она быстро выдыхается.

— Я тоже так думаю. Вчера я наблюдал за ней. Оба умолкли.

— Басила, — снова заговорил князь Гиорги, — ты

ведь знаешь, что Андро мой крестник, к тому же сего-
дня он мой гость. На скачках он ужасно ревнив

Басила в полном недоумении уставился на князя. Он пока не понимал, на что намекал его господин.

— Я был бы рад, если бы Андро выиграл второй и третий круг, — осторожно сказал князь Гиорги, — а ты удовлетворился бы первым.

— Может случиться и так.

— «Может случиться», — передразнил его князь, задумавшись, — но я бы предпочел, чтобы это случилось наверняка.

Басила молчал, все еще не понимая, чего от него добивается князь.

— И это тоже зависит от тебя.

Теперь, наконец, Басила все понял.

— Тогда, если можно, я вообще не буду участвовать в скачках, — прошептал он.

— Нет, нельзя, у Андро должен быть равный соперник.

Басила побледнел. Этого он не ожидал от своего господина. Он осчастливил его и сделал тут же несчастным. Юноша не мог проронить в ответ ни слова.

— Сделай это ради меня, Басила.

Басила всегда был во власти обаяния князя Гиорги.

— Как вам будет угодно, господин, — сказал он тихо.

Он направился к конюшне и вывел коня. Как он привязался к нему! Его чаровал металлический блеск в глазах лошади, их мерцание в полумраке конюшни. Басила любил ее ржание, в котором выражалась радость жизни. Его восхищала чуткость лошади, ее способность предчувствовать приближение даже самых ничтожных изменений в атмосфере. Ее резкий запах мускуса, когда она потела, ее страх и трепет — все это было знакомо юноше; и, когда он садился на нее, он с восторгом ощущал, как его ноги и бока животного в блаженстве сливались в первобытное целое. С тяжелым сердцем он подошел к Марги и оседлал его. В это время появился Одиллиани.

— Что с тобой, Басила? — спросил он. — Ты так седлаешь коня, словно собираешься загнать его на скачках. Почему ты так угрюм?

Юноша промолчал в ответ.

— Взгляни на это море света в синей дали, — снова начал поэт, — Марги уже чувствует порыв, приближающийся к нему издалека. В твоих руках он обретет огненные крылья. Да будет так! Какой восторг! — Поэт не подозревал, что его слова бередили душевную рану юноши.

— Будь что будет! — сказал Басила почти апатично и вскочил на коня. Одилиани с удивлением посмотрел ему вслед.

Гости направились к ипподрому, находившемуся в долине возле небольшой деревянной церкви. Собралось множество зрителей: мужчины, женщины, дети, съехавшиеся из близлежащих деревень. Некоторые из них вскарабкались на деревья, чтобы лучше наблюдать за ходом скачек.

На старт вышло десять лошадей. Басила пристально следил за своими соперниками. Кроме лошади Андро по кличке Лапша, ему показалась опасной еще одна — Лурджа. Он хорошо знал обеих: Лапша была легче Марги, но зато слишком горячей, Лурджа же — сильнее, но зато тяжелее. Он знал и обоих наездников: Андро был умен, но очень горяч, второй наездник был выдержан, но не обладал внутренним огнем. Басила думал о том, как использовать слабые стороны как лошадей, так и наездников. Юноша инстинктивно чувствовал те едва уловимые факторы, которые являются решающими в искусстве верховой езды: силу и темперамент лошади; он безошибочно определял тот миг, когда воля и расчет наездника сливаются воедино с пылом и упорством животного; ритмически подбадривая, но никогда не понукая ее, он в конце концов делал ставку на выбор того единственно возможного момента, когда следует выжать из лошади последние силы. И вот теперь ему велено поступиться своим знанием. Он не мог с этим смириться! Но первый круг так или иначе принадлежал ему, и он настроился на победу.

Стартер дал знак к началу соревнования. Всадники тронули своих лошадей. Три лошади почти сразу же после сигнала оторвались от остальных: Лапша, Лурджа и Марги. Ближе к финишу можно было с достаточной уверенностью сказать, что Марги выйдет победителем, хотя на дистанции его сначала настигла Лапша, а за ней Лурджа. Тогда Басила разогнал своего ко-

ня, и уже никто не сомневался, что он придет к финишу первым. Когда Марги первым коснулся финишной черты, со всех сторон раздались бурные аплодисменты и возгласы ликования.

Всадники начали второй круг, и снова те же три лошади шли впереди, и снова шансы Марги были предпочтительнее. И тут Басила ощутил боль в сердце: он вспомнил о князе и о данном ему обещании, которое он не мог не выполнить. Он попытался чуть придержать коня, но Марги не послушался своего хозяина. Все три лошади шли почти голова в голову. Однако измена наездника все же сказалась на результатах заезда: Лапша обошла Лурджу на целую голову, а Марги, отстав от последней лишь на полголовы, занял третье место.

Зрители долго бушевали. Мало-помалу волнение улеглось. Никто, кроме князя Гиорги, наверное, не догадывался о том, что творилось в душе юного наездника. Басила чувствовал себя уничтоженным. И тут он заметил, что Марги странно подергивал головой: не выражал ли он так обиду на своего хозяина, предавшего его?

Стартер снова дал знак, и в третий раз те же лошади уже с первых секунд вырвались вперед. Басила и на сей раз вспомнил о князе Гиорги, но он подумал теперь и о Белом Георгии, о святом, который мчался, мужественный и сильный, на своем кроваво-красном коне, чтобы поразить дракона. Воодушевленный этим видением, юноша забыл о своей горе. Он забыл и об обещании, данном князю Гиорги. Он весь растворился в мгновении безраздельного бытия. В недрах его чуть затуманенного подсознания всплыли лишь слова Левана, сказанные во время пира, а также высказанная когда-то князем мысль о том, что нельзя предавать свое солнце. Он скакал впереди, преисполненный радости солнца. Он сам теперь был отпрыском солнца. Как он только мог предать своего солнечного коня? Он мчался во весь опор. В диком порыве Марги он ощущал и свое упоение. И вот он уже у цели, обойдя соперников на четыре корпуса. Зрители неистово рукоплескали ему.

Однако всадник не останавливался. Он скакал все дальше и дальше, пока совершенно не исчез из виду. Гром аплодисментов не смолкал. Люди недоумевали: что все это могло значить? Ведь скачки закончились.

Озадаченные, вернулись гости в замок князя. Сам князь с нетерпением ожидал сообщения о результатах скачек. Мушни подробно рассказал ему обо всем. Старый князь задумался и обеспокоился. Он почувствовал, что обидел юношу. В его комнате находились все, кроме Андро, который задержался в конюшне со своей лошадью.

— Где Басила? — спросил князь Гиорги.

— Он ускакал куда-то, — ответил Хыдыр.

Князь Гиорги помрачнел. Затем он позвал Кансава.

— По-видимому, Басила стыдится своей победы.

Появился сван.

— Кансав, Басила, наверное, сейчас у своей матери. Пойди, пожалуйста, туда и немедленно приведи его к нам. Скажи ему, что Белый Георгий всегда милостив.

Кансав вышел из комнаты.

Князь Гиорги был смущен, но заставил себя улыбнуться. Его слова были непонятны присутствующим. Тем временем кто-то начал рассказывать подробности только что закончившихся скачек. Князь Гиорги слушал с отсутствующим видом.

Через час появился Басила, бледный, дрожа от страха.

— Ну, что скажешь. Басила? — спросил его князь многозначительно.

— Князь, я не мог предать солнечного коня, — ответил «вероломный» юноша с мольбой в голосе. Теперь настала очередь князя побледнеть. Несколько мгновений он в упор смотрел на Басила.

— Ты понимаешь больше, чем твой старый господин, — сказал он с посветлевшим лицом. — Подойди ко мне!

Басила подошел к князю, и тот ласково провел рукой по его голове.

— Теперь ступай! Белый Георгий на сей раз милостив.

Когда Басила ушел, князь рассказал присутствующим о том, что произошло между ним и Басила.

Все были потрясены, но особенно Леван.

— Bravo, Басила! — воскликнул Одиллиани.

— Да здравствует Басила! — ответили другие.

— Как хорошо, князь, что вы дали этому делу такой оборот, — сказал в шутку Одиллиани, — в против-

ном случае нам с вами ради чести Басила пришлось бы скрестить шпаги.

— Вы просто великолепны, — ответил ему князь Гиорги, смеясь.

Подошел Андро.

— Ну, Андро, — сказал князь, — я слышал, что ты сегодня был не в лучшей форме. Иначе ведь нельзя объяснить твоё поражение.

— Да, я сегодня неважно себя чувствовал, — ответил мегрел.

— Ты пришел на мои именины в плохом настроении? Это нехорошо с твоей стороны, — пошутил князь.

— Когда я ехал сюда верхом из Зугдиди, я встретил огненно-рыжего человека на коротких ногах и с косыми глазами. Это чудовище, наверно, околдовало меня.

— Может, это было привидение? Ведь вы, мегрелы, легко представляете себе разного рода призраки.

— Нет, это не был призрак, — вмешался вдруг Леван. — Это чудовище я видел в Тбилиси несколько дней тому назад. Наверное, и Андро встретил его.

— Ну хорошо, — сказал князь Гиорги, улыбаясь. — Сядем за стол и воздадим хвалу Белому Георгию. Он рассеивает всех колдунов, тем более привидения.

Гости последовали за хозяином дома на веранду.

СВЯЩЕННОЕ ЖИВОТНОЕ

Прошла неделя. Гости разъехались. Остался лишь Леван. Князь Гиорги попросил его помочь навести порядок в письмах и рукописях. Авала срочно выслал ему все для первой необходимости: белье, одежду и прочее. Князь Гиорги и Леван занялись решением самых разнообразных вопросов.

Так было и сегодня. Старый князь лежал в тени древней липы, обложившись мутаками. Возле него на треногом стульчике сидел Леван.

Мягко, с любовью скользили лучи солнца по поверхности предметов. Глубокая тишина опустилась на необъятную долину.

— Первобытный человек представлял себе своего

прародителя в виде животного. Почему именно в виде животного? Разве это не таинственно? Может быть, это пра-знание первобытного человека положено в основу мировоззрения Дарвина?—Князь Георги улыбнулся. — Животное — предок человека? Тогда следует допустить, что различные народы обожествляют одно и то же животное, а именно человекообразную обезьяну. Но это не так. В качестве тотема почитаются самые что ни есть разные животные: бык, лев, козел или баран, волк или собака, змея или рыба, скорпион или дракон. Поклоняются даже свинье. Но вот что примечательно: нигде, ни у одного народа обезьяна не является предметом почитания. — Князь Гиорги сделал паузу и затем тихо спросил Левана:

— А что вы думаете об этой тайне?

— Животное, как существо природы, сильнее человека, — ответил Леван. — Есть все основания предположить, что первые люди видели своего предка, превосходившего их силой, в каком-нибудь звере.

— Да, — подтвердил князь Гиорги, — звери превосходят нас в мускульной силе, а также в тонкости чувств; их способность безошибочно ориентироваться в окружающей среде для нас недостижима. Поэтому мне понятен обычай кровного побратимства с животными, который существует, например, у фангов в Габоне. Фрейзер¹ рассказывает: «Тот, кто желает стать там волшебником, берет кровь из уха какого-нибудь животного и из своей руки, затем впрыскивает животному свою, а себе кровь животного. После этого обряда между обоими существами устанавливается магическая связь, которая якобы дает новообращенному волшебнику прилив новых, таинственных сил».

Князь Гиорги помолчал немного.—Я не сомневаюсь, — продолжал он, — что это прибавляет силы, но сама тайна для меня все же остается неразгаданной. Да, мы почитаем зверей, так как они сильнее нас, но возникает вопрос: почему, собственно, животные сильнее людей? Ведь рука обезьяны и человека устроена одинаково. В этом ключ к разгадке тайны. — После небольшой паузы он добавил:

¹ Фрейзер (Фрэзер) Джеймс Джордж (1854—1941). англ. ученый, исследователь истории религии (прим. переводчика).

— Может быть, это знак метафизической угрозы человеческому бытию.

Слова князя Гиорги замерли в тихом шелесте листьев. Вдруг раздался чистый, звонкий голос Норины, разговаривавшей со своим малолетним сыном Гоги. Высокая, стройная, она подошла к мужчинам вся в лучах солнца. Гоги играл с собакой. Норина принесла свежие вишни в корзине и большой букет великолепных алых роз.

— Я сама нарвала и розы, и вишню, — сказала она.

— Чудесно, — ответил ей князь Гиорги, — ты принесла нам сок и кровь солнца.

— Я очень рада, если в самом деле принесла вам солнце. — Женщина была сама кротость и смирение.

— Вы всегда несете с собой солнце, — заметил Леван.

Молодая женщина сияла красотой и молодостью.

— Я предполагаю, — сказала она, чтобы скрыть свое смущение, — что вы беседовали здесь на более высокие темы. Я, конечно, помешала вам. — И, повернувшись лицом к Левану, она заметила: — Отец Гиорги не любит разговор втроем.

— Вы никогда не бываете третьим лицом, — ответил ей Леван.

Глаза Норины заискрились радостью.

— Ты нам нисколько не мешаешь, — спокойно подтвердил князь Гиорги сказанное Леваном.

— Я пошутила, но ведь мне так или иначе надо срочно написать письмо, — сказала Норина. Затем она подозвала своего сына. Однако ребенок уже сидел у Левана на коленях и не хотел уходить.

— Кажется, дядя Леван уже успел полюбить тебя, — сказала она.

— Кажется, не только его, — пошутил князь.

— Ну конечно, — сказала Норина с улыбкой.

— А ты, Хасан? Может быть, хоть ты пойдешь со мной? — крикнула она собаке. Но Хасан и ухом не повел.

— Видите, как они оба предают меня, — сказала Норина, не переставая улыбаться.

— Но только не мы с Леваном, ведь мы оба твои рыцари.

Норина ушла одна.

— Прелестное создание, — сказал князь Гиорги.

— Я очарован ею, — ответил Леван.

— Это меня радует, — сказал князь и добавил, задумавшись: — Меня тревожит ее судьба.

— Вы имеете в виду ее женскую долю?

— Да, именно. Она ведь так молода и к тому же иностранка. Она все еще в плену романтического духа Грузии, что, конечно, не противоречит ее склонной к мечтательности нордической натуре. Но именно как северянка, хранящая в душе сдержанность и целомудрие, она, полюбив однажды, отдается этому чувству до конца. Но ведь рано или поздно она покинет мой дом, и не исключено, что — и Грузию. Это будет для меня ничем не восполнимой утратой, ибо Норина создала в моем доме атмосферу, сделавшую меня на склоне лет по-настоящему счастливым. Но с другой стороны нельзя ведь идти против ее желаний. — Князь Гиорги глубоко вздохнул и добавил печально: — К тому же мне недолго осталось гостить на земле.

Леван не возражал ему. Наступила тишина, гнетущая для обоих. Князь Гиорги счел уместным возобновить прерванный до этого разговор.

— Что я сказал о превосходстве животных? — спросил он.

— То, что превосходство это, возможно, связано с метафизической угрозой человеку, — ответил Леван.

— Да, мне действительно так кажется.

— Вы верите в эту угрозу?

— Доказать это, конечно, ничем нельзя, ее можно лишь ощутить нутром. Я лично чувствую, что моему существованию грозит опасность. Самые глубокомысленные мифы разных народов подтверждают это независимо от того, как мы назовем эту угрозу: грехом, виной или еще каким-нибудь образом. Я называю ее просто отпадением. И вот я представляю себе, что первый человек, то есть Адам Кадмон, олицетворял собой до отпадения божественное «я» без всякого ограничения. Вернемся на миг к нашим канувшим в Лету дням детства. Мы еще можем смутно вспоминать то адамово состояние. Дети живут в первые годы почти допотопной жизнью: они еще не вполне отделились от материнского

лона и поэтому нечетко воспринимают предметы. Взгляните на маленького Гоги.

— Что? — вскричал игравший рядом мальчик. Он протянул ручонки вслед стае птиц, улетающей через зеленый плетень.

— Ничего, дитя мое. Придет время, и ты тоже поймешь то, о чем мы сейчас говорим, — улыбнулся князь. Затем он снова обратился к Левану:

— Видите, как движения ребенка устремлены в бесконечность. Да, детям неведомы никакие пределы и страх смерти. Мы же, взрослые, лишь изредка возвращаемся в эту райскую обитель, в которой пребывали на заре человечества. В момент отпадения от Божественного человек увидел себя нагим, то есть лишь тогда он познал предел. Между прочим именно в ощущении наготы выражается соприкосновение с пределом в его метафизическом понимании.

Тот, кто перешагнет известную грань, существующую в интимных отношениях, не вполне достойным образом, утрачивает чувство стыда, в то время как святой мог бы предстать перед нами совершенно нагим, не испытывая этого чувства, ибо для него не существует предела: он находится по ту сторону предела. Это, как я уже сказал, между прочим. Итак, при отпадении первого человека в его сознании появилось понятие предела. Благодаря этому, бытие получило трещину. Дерево познания таким образом оказалось деревом раскола. До отпадения от Божественного Адам Кадмон жил в непосредственной близости к Богу, а после отпадения почувствовал себя противопоставленным ему. Раньше он воспринимал предметы такими, какими они являются сами по себе; теперь же он видел в них нечто противостоящее ему. Вопрос: «Как мне познать то, чем я сам не являюсь?», занимавший мыслителей на протяжении многих столетий, Адам до отпадения вообще бы не понял, ибо воспринимал находящееся вне его как свое, хотя и особое, «я». Знание бытия уже не есть бытие как таковое. Человечество утратило ощущение цельности бытия. Этим ощущением обладает зверь. В этом вся тайна. Вот почему звери превосходят нас силой. Поэтому-то мы и обожествляем их.

— Это, по-видимому, так, — сказал восхищенный Леван.

— Это именно так и не иначе, — твердо заключил князь. — Правда, зверь не обладает «я» — знаком божественности, но зато он сохранил в себе цельность божественного бытия. Зверь воспринимает окружающий мир так же, как глаз — солнечный свет: он не видит противостояния предметов. Если бы свет противостоял глазу как предмет, то сила восприятия последнего сразу же была бы сведена на нет. Это было бы нечто, похожее на отпадение от Божественного. Восприятие является для зверя одновременно и действием. Мы сохраняем в себе образ того или иного существа даже тогда, когда оно далеко от нас, зверь же не обладает воображением, вместо этого он в результате непосредственного соприкосновения с существами, равно как и с предметами, видит в них нечто образное, пронизывая их своим существом, сливаясь с ними. Отсюда его неотражимая магия. Уже лишь одним своим появлением хищник в состоянии изменить окружающую его атмосферу. Итак, зверь представляет собой некую божественную цельность без каких бы то ни было трещин в бытии. Возможно, Адам Кадмон был одновременно и зверем, неотделимым от лона Божественного. Теперь же человек тоскует по своей утраченной половине — по зверю. Понятно, почему человек эпохи мифотворчества видит в звере священное существо, видит в нем предка тотема. Не напрасно вавилоняне и шумеры — обладатели и хранители непосредственного, первоначального знания — воспринимали космический круговорот под знаком зверей. Бык, овен, козерог, лев, скорпион — все эти животные олицетворяют различные свойства Адама Кадмона. Реально и в воображении одновременно.

Князь Гиорги умолк.

— Замечательно! — вырвалось у взволнованного Левана. — Странно: когда я сочиняю стихи, я воспринимаю окружающий мир так, как воспринимает его зверь, то есть не предметно.

— Да, — подтвердил князь, — в сновидении и ясновидении мы близки к зверю, а поэзия ведь, согласно нашему грузинскому изречению, есть сновидение с открытыми глазами. Да, мы во сне представляем собой приблизительно то, чем звери являются наяву.

Собеседники помолчали несколько секунд.

— Теперь мне понятно и то, почему первобытные

люди сопровождали умерщвление животных культовым церемониалом. Вы, возможно знаете, что произошло с Фробениусом¹ в джунглях между Кассаи и Лубе в Африке?

— Нет.

— Я хочу рассказать вам об этом. В 1905 году Фробениус подружился с представителями одного африканского племени, из которых трое мужчин и одна женщина постоянно сопровождали его. Однажды к вечеру у них кончились съестные припасы. Фробениус предложил мужчинам в тот же день убить антилопу. Африканцы с удивлением посмотрели на него, затем один из них сказал, что они, мол, охотно сделают это, но что сегодня это невозможно, так как они не подготовились к охоте. Затянувшиеся переговоры завершились, наконец, тем, что охотники изъявили готовность начать свои церемонии на другой день при восходе солнца. Фробениус еще до рассвета встал и спрятался в кустах.

— Я могу себе представить этого прячущегося в африканских кустах сильного духом человека с большим адамовым яблоком, — сказал, улыбаясь, князь Гиорги.

— Скоро появились мужчины, но не одни, с ними была и женщина, — продолжал Леван. — Они присели на корточки, вырвали траву на небольшом пространстве земли и разровняли ее. Затем один из них что-то нарисовал пальцем на песке. Африканцы что-то пробормотали, похожее на молитву или заклинание. Затем все умолкли, как бы ожидая чего-то. И вот из-за горизонта поднялось солнце. Подошел африканец с натянутой тетивой лука и встал около расчищенного места. Лучи солнца упали на рисунок, сделанный на песке. Женщина тут же энергично воздела руки к солнцу и громко произнесла несколько непонятных слов. Стрелок отпустил тетиву, женщина издала неистовый крик. Затем вооруженные мужчины один за другим попрыгали в кустарник. Женщина, постояв еще немного, не спеша вернулась в лагерь. Фробениус вышел из укрытия и увидел на песке изображение антилопы размером в четыре пяди. В ее шее торчала стрела. К ве-

¹ Фробениус, Лео (1873—1938), немецкий этнограф, исследователь культуры народов Африки (прим. переводчика).

черу мужчины вернулись и принесли с собой убитого самца антилопы. Он был поражен в шейную вену. Мужчины оставили добычу женщине. На следующий день они пошли — и снова при восходе солнца — к вчерашнему месту, неся в руках клочья шерсти и фруктовую кожуру, наполненную кровью убитой антилопы. Они положили шерсть и налили кровь на изображение антилопы, чтобы стереть его. Фробениус узнал от одного африканца, что кровь антилопы могла бы их всех уничтожить, если бы они не стерли изображение таким образом.

Леван закончил свой рассказ.

— Весьма глубокомысленный ритуал, — заметил князь Гиорги. — Эти охотники действительно мыслили символами и видели мир в образах. А что говорит об этом Фробениус?

— Он утверждает, что кровь антилопы для африканца символизирует солнце, а стрела — солнечный луч.

— Абсолютно верное толкование. И больше ничего?

— Как же. Он еще предполагает, что солнце первым лучом берет к себе зверя, а вторым отвращает опасность от охотников, то есть оно возвращает антилопе жизнь.

— Очень тонкое предположение, но мне кажется верным обратное: солнце допускает, чтобы охотники убили антилопу, затем оно принимает ее к себе как жертву. Этим же объясняется и присутствие женщины на ритуале: она, как воплощение женского начала, более открытого для восприятия солнца, призвана для заклинания солнца, и она ведь и в самом деле заклинает его в экстазе. Обратите внимание на следующую деталь: после окончания ритуала мужчины прыгают в кусты, а женщина некоторое время стоит на месте, застыв в обращении к солнцу. Если антилопа принесена в жертву солнцу, то охотникам уже никакая опасность не грозит. Сделав небольшую паузу, он добавил:

— У наших сванов происходит то же самое.

В это время мимо них проходил Кансав, собиравшийся покормить оленей.

— Подойди к нам на минутку, Кансав! — позвал его князь!

Сван подошел, как всегда сдержанный и суровый.
— Скажи, пожалуйста, как в Сванэти охотятся на туров? — спросил его князь.

— Сначала мы вызываем богиню леса Дали, затем только убиваем тура, любимое животное богини. После этого мы приносим его рога в жертву богине.

Кансав говорил медленно, исполненный благоговения перед князем Гиорги.

— Можно ли убить всех туров? — спросил его князь.

— Лишь одного нельзя убивать. Это — Джвеги Тваал, белый тур, — ответил сван, и на его суровом лице мелькнула тень страха.

— Ты когда-нибудь видел его?

— Лишь однажды.

Сван глубоко вздохнул, чуть повернув голову в сторону.

— Хорошо. Теперь ты можешь идти.

Сван пошел тяжелой походкой к стоявшему неподалеку загону, где содержались олени.

— Обратите внимание, — сказал князь Гиорги Левану, — там в Африке солнце, здесь в Сванэти Дали, богиня леса. Разница, как видите, небольшая.

— Белый тур, по-моему, тотем у сванов? — спросил Леван.

— Да.

Леван задумался.

— В ритуале африканских охотников меня больше всего интересует другое, — снова заговорил князь Гиорги. — Для них мышление и бытие суть одно и то же: антилопа убита уже до того, как она будет по-настоящему умерщвлена. Правда, всего лишь в воображении, на простом рисунке, но воображаемое здесь с помощью солнца обретает такую космическую силу, что соприкасается с действительностью. Пущенная стрела вместе с лучом солнца пронзила шею изображенного животного. Чуть позже охотники приносят пораженного в шею самца антилопы. Удивительно, не так ли? Между воображаемым и действительным убиением животного в сознании охотников нет никакого пробела. Отсюда эта совершенная точность действий и безошибочное определение единственно удобного момента охоты.

Леван напряженно внимал князю Гиорги. Загон, в

котором находились олени: самец, самка и годовалый олененок, стоял на опушке леса. Стройные, красивые животные еще хранили в себе нераздробленную силу дикой живой природы. Самец жадно обгладывал кору небольшого ясеня, самка широко раздувала ноздри, словно чуя что-то или заслышав в лесу мощные удары рогов, олененок резво носился по загону, освещенный лучами солнца.

— Смотрите! — сказал князь Гиорги и показал на оленей.

— Кровь оленей тоже принадлежит солнцу, — ответил Леван.

— Без сомнения.

Обрадованные животные бросились навстречу Кансаву. Сван пробормотал что-то, понятное лишь оленям, и нежно погладил каждого по голове.

— Эти прелестные животные боятся нас всех, — заметил князь Гиорги, — и лишь Кансава они подпускают к себе. В душе свана еще живет священное животное, которое как раз и дает ему необычную силу. Кансав не видит почти никакой разницы между зверем и человеком, и у него безошибочная интуиция.

Оба еще долго обменивались мыслями. Князь вел беседу, как опытный пифагореец: он не поучал Левана, а лишь будил в нем пра-знание.

— Я думаю, — сказал Леван как бы про себя, — что каждая подлинно историческая личность должна носить в себе это священное животное.

— Несомненно, — ответил князь Гиорги, — в противном случае на нее никогда не снизойдет благодать Каироса.

— Вы помните победу Александра Великого, одержанную им при Гаугамеле над Дарием, которого греки называли Дарейосом. Это очень характерный пример. Малейший поворот в этой всемирно-исторической битве подтверждает, что македонец находился под знаком солнца Каироса.

— Совершенно верно.

— А что произойдет с тем человеком, которого покинет Каирос?

— Он неминуемо погибнет.

— Как это случилось с Наполеоном. Вы, конечно, читали о битве при Бородине?

— Весьма немного.

— Если хотите, я расскажу вам о ней.

— Я был бы очень рад.

— Наступлением французов руководили маршалы Ней, Даву и Мюрат. Французы потеряли в этой битве 43 генерала, и все же линия фронта русских была прорвана. Русские потерпели поражение, но их боевой дух не был сломлен. Настал решительный, великий час для истории. Отступившие войска противника надо было преследовать. Для этого требовалось подкрепление, которое однако не появлялось. Ней, Даву и Мюрат в отчаянии. Они умоляют своего императора: «Велите, сир, ради бога, выступить гвардии!» Эти отборные силы *grand armée*¹ еще не вводились в действие. Наполеон молчит. Он сидит на черной медвежьей шкуре, словно изваяние. Маршал Бессьер шепчет ему на ухо: «Ваше величество, вы отдалены от Парижа на 3000 километров». Дрожь проходит по телу человека, еще недавно вершившего судьбами народов. Слова маршала, казалось, выразили его собственные мысли. Затем император снова погружается в раздумье. Боевые маршалы Ней, Даву и Мюрат с нетерпением ждут подкрепления. Тщетно. Подкрепления не будет. И тут взбешенный Ней, маршал Ней, непобедимый, преданный своему императору, обычно скромный и молчаливый, вдруг вскричал: «Что вы там, черт подери, делаете в укрытии? Если вы уже не генерал, то отправляйтесь домой в Тюильри и не мешайте нам здесь командовать!» Крик отчаявшегося остался без ответа. Наполеон упустил решающий момент и проиграл кампанию.

— Да, он проиграл таким образом все, и не только русскую кампанию, — подтвердил князь Гиорги. — Наполеон, судя по всему, изменил здесь своей судьбе.

Оба умолкли.

Через некоторое время снова появилась Норина.

— Что нового? — спросил ее князь.

¹ Великая армия. (фр.).

Перевод с немецкого Сергея ОКРОПИРИДЗЕ

Продолжение следует



А было нам по двадцать лет...

Да, было нам по двадцать лет,
был ясным, ласковым рассвет,
и безответно я любила,
и все же

все прекрасным было!

Но многого в помине нет.

А было нам по двадцать лет...

Детьми должны мы стать опять

Детьми должны мы стать опять
и протянуть друг другу руки...
Мы сможем в мире все объять,
и будут литься песен звуки...
Не понесется время вспять,
не зацветут цветы разлуки...
Детьми должны мы стать опять.

О ветер!

Я платье пестрое надела,
а в сердце — радость без предела...
О ветер! Как в былые дни,
повей и платье обмахни,
и обмани, ликуя, вслед:
«Тебе, опять пятнадцать лет!»

Саламури

Галактиону

Я с детства помню: солнышко в апреле —
жар-птица, что из сновидения...
А тот, игравший людям на свирели, —
поэт и — первый. Без сомнения!

Но если в жизни нашей — грозы, бури,
в груди поэта — даль весенняя...
А тот, кто вложит душу в саламури,
вновь будет первым. Без сомнения!



Но та свирель, которую поныне
мы ждем в надежде и в доверии,
пока — сродни любой другой святыне —
таится в сердце у Иверии!

Перевод Натана БААЗОВА

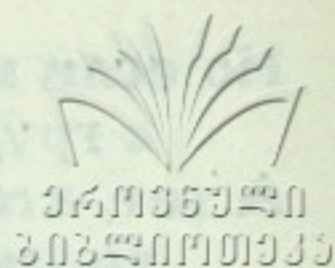


Зураб ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Слово Бараташвили

Со лба по капле кровь сочится.
Сбегают струйки по вискам.
Дай кровью падуба напиться,
Наполни доверху стакан.
Одежду, кожу, душу в клочья
Мне разорвали зубья лет.
Пусть видит родина воочью
Мой оголившийся хребет.
А жизнь — была и улетела
В ущелья, в степи, наугад
В младенческую даль, в пределы,
Где облака глаза слепят.
Вот плоть моя поверх забора
Висит и сохнет, как белье.
Душа летит туда, где горы
Воздели к небу острие.
Летит, врачуетса цветами
Альпийских выгонов густых.
Играет ветер лоскутами
Одежд разорванных моих.
Луна померкнет от печали,

С окрестною сольется мглой
И ветошь бедную лучами
Мне залатает, как иглой.
Тиран души моей, похоже,
Ты проиграл на этот раз.
Я жив еще, заря погожа.
Брожу под небом в ранний час.



II

Еще удерживает тело
Души мятущейся напор.
Но я-то слышу то и дело,
Как просится душа в простор.
Пусти ее — и ураганом,
Холмы и пажити круша,
Пройдет набегом окаянным
По Грузии моя душа.
Под натиском такой стремнины
Дни рухнут наземь, как стволы.
Нахлынут с грохотом в руины,
Смывая росписи, валы.
Меня никто не обнаружит,
В родных горах мое жилье.
Убежищем надежным служит
Мне одиночество мое.
Здесь, что ни день, я к небу ближе
И вдаль держу бесцельный путь.
Господь, не дай мне в грязной жиже
Земли по горло утонуть.
Меня воспитывает горе.
Всевышний милостив ко мне.
Но я уйду и стану вскоре
Грозой в небесной вышине.

Иана

Что это? Дрожь прошла по каменной гряде.
Есть время или нет? — Не знаю, как ни странно.
На сердце таешь ты, но вот уйдешь, и где
Тебя я отыщу, в какой дали, Иана?

Ты розою цветешь, роняя дивный цвет.
Пускай отвергнут я, но вопреки печали
Я не отдам тебя вовеки — нет и нет!
Ты в воздухе моем и соткана лучами.

В зенит моей мечты ты поднялась луной,
Такою белою, как молоко оленье.
О чем ты думаешь? С какою белизной
Сравню я белых дум прекрасное цветенье?

И если небо луг, тебе на том лугу
Быть белым ландышем среди травы небесной.
Все тридевять небес оповестить могу
Об этой женщине надменной и прелестной.

Риони ли ревет, волной гранит дробя,
Иори ли шумит, катя валы речные,
Задумаюсь, пойму, ведь я нашел тебя
Еще давным-давно, припав к реке впервые.

Тогда-то из воды, сверкая белизной,
В тень лип прошла за мной и рядом села фея.
Не бойся грозных туч и гор. Побудь со мной.
Побудь, не уходи, — с тех пор шепчу тебе я.

Твоим цветением я навсегда задет
Ужели этот цвет немислимый по капле
Расхитят у меня, отнимут? — Нет и нет!
Я жду, как прежде ждал. Надежды не ослабли.

О птица белая! Ты в муках рождена
Была душой моей. Расстанься с давней болью.
Иди ко мне. Тебе чужбина не страшна,
Твое отечество — оно всегда с тобою.

Лицо твое — гроза, застигшая меня.
А очи — два весла над лодкою рыбацьею,
Мне, может статься, жить осталось два-три дня,
Но вечность целую ты мне дала в придачу.

Перевод Сергея ГАНДЛЕВСКОГО



КУДА БЫ ТЫ НИ УШЕЛ

ПОВЕСТЬ

Тоскливым днем уходящей зимы, когда город не красит ни снег, ни дождь, возле небольшого сквера у стоянки такси на дереве висело такого содержания объявление:

«В феврале сдаю по сходной цене благоустроенный дом недалеко от города, с четырьмя комнатами, по две кровати в каждой, и залом с камином. Те, кто не знает где и как провести свободное время, будут обеспечены комфортом, хорошим питанием, библиотекой. Мужчинам будет предоставлена возможность поохотиться. Звонить по телефону 38-46-40».

Зима в тех краях обычно бывала снежной, и автобус поднимался только до поселка. Дом, в который приглашались гости, находился в семи километрах от поселка. Водитель автобуса с удивлением посматривал на странных пассажиров и говорил всем одно и то же: учтите, в снегопад на эту верхотуру за вами не приеду, не надейтесь, машина здесь не пройдет.

Первыми приехали молодой мужчина и девушка лет семнадцати. Выйдя из автобуса, они сразу же увидели на пригорке дом с башенкой в шапке из снега. Поднявшись на пригорок, они остановились. Мужчина окинул взглядом окрестность. Перед ним, как на ладони, лежало ущелье с тоскливо глядящими окнами пустых домов и белоснежными горными склонами, где, чернея на снегу, извивались быстрые речки. За домом виднелся лес, а за ним, на горизонте, призрачно-серой сквозь завесу снега — церковь.

— С ума сойти! Представляете, что будет завтра, когда взойдет солнце?! Завтра, как взойдет солнце, я

пойду в лес и буду слушать тишину. Вам приходилось слушать тишину в зимнем лесу?

Мужчина перестал растирать руки, улыбнулся, кивнул девушке и взял ключ, лежащий на перилах балкона.

Девушка стояла на снегу, на ее ресницы плавно опускались снежинки.

Войдя в дом, они оказались в зале, посреди которого стоял большой стол, а на стене висел вытканый яркими цветами ковер. Угол занимал старинный рояль. У каминной аккуратной горкой лежали ровно распиленные поленья. В зал выходило несколько дверей. На первом этаже башни располагалась кухня, на втором — библиотека, под лестницей, ведущей в библиотеку, висела кухонная утварь.

В тот день никто больше не приезжал.

Утром мужчина услышал смех во дворе. Вскоре дом наполнился звуками шагов. Он взглянул на девушку, которая сладко спала, прижав ладонь к щеке, встал, оделся, застелил постель и вышел в зал.

— Здесь уже кутили! — слышался из кухни мужской голос.

В зал вошла женщина.

— Здравствуйте... — поздоровался он с несколько полноватой женщиной лет за сорок.

— Доброе утро! — с улыбкой ответила женщина. — Там кто-нибудь уже поселился? — кивнув в сторону одной из комнат, спросила она.

— Да, девушка. Ночью ей стало страшно, и она перенеслась ко мне. Сегодня, наверное, перейдет к себе. Остальные комнаты свободны, располагайтесь, где пожелаете.

Из кухни вышли двое мужчин, один из них был красив броской красотой.

— Здравствуйте, — сказал второй, пожилой мужчина, и протянул руку для приветствия; в левой руке он держал щенка. — Лука, — представился он.

— Давид, Дато, называйте меня, как вам будет угодно.

Красавец тоже подошел и протянул руку:

— Зураб.

Дато обернулся к женщине.

— Марех, — сказала женщина.

— А хозяйка приехала? — спросил Лука.

— Если хозяйка не эта дама, — Дато кивнул в сторону Марех, — то, стало быть, еще не приехала.

— Я тоже гостя, — улыбнулась Марех.

Увидев на тахте чьи-то вещи, Лука пристроил там же и свой багаж.

Марех подошла к окну, раздвинула занавески и в комнате стало еще светлее.

— Если хозяйка этого джемпера еще и музицирует, мы не соскучимся! — заметил Зураб.

— Почему вы решили, что это женщина? — затапливая камин, спросил Дато, чтобы поддержать разговор.

— А тут и гадать нечего, когда в кухне стоят два стакана, две тарелки и нет ни одного окурка. Из двоих мужчин один, наверняка уж, окажется курящим. Разве не так, калбатоно Марех?

— Вы юрист? — спросила Марех.

— Совсем не нужно быть юристом, чтобы понять это. — Зураб достал из сумки замшевую безрукавку, надел ее и обвязал шею длинным желтым шарфом. В домашней одежде он был не менее красив.

— Давайте все привезенные продукты сложим вместе.

— Прекрасная мысль, калбатоно Марех. — Лука понес свою сумку на кухню, остальные направились вслед за ним.

— Вчера вечером, чтобы разобраться в отоплении, я спустился в подвал. Там полно снеди — бочки с разными соленьями и засоленным мясом. Наша хозяйка оказалась очень доброй и предусмотрительной.

Все вернулись в зал.

Лука и Зураб поселились в одной комнате.

— Калбатоно Марех, девушка, видать, пуглива, и я думаю, она к вам привяжется. А потому, если позволите, я внесу ваш чемодан в ее комнату, — сказал Дато.

— С удовольствием, но я сама отнесу, не беспокойтесь. — Марех взяла чемодан и вышла.

— А сколько девушке лет? — спросил Зураб, высыпая в вазу заграничные сигареты. — Кажется, здесь курю только я...

— Семнадцать. Учится на вечернем, днем работает воспитателем в детском саду. Вчера я спросил ее, нравится ли тебе твоя работа. Знаете, что она ответила? Что мягкий шум падающих снежинок напоминает ей дыхание спящих детей. Часто, укладывая их спать, она стоит и слушает их мерное дыхание.

— Да это не девушка, а настоящая женщина.

Дато внимательно взглянул на Зураба. Коротко стриженные с проседью волосы Зураба, красивый лоб с едва заметными морщинами, зеленовато-серые глаза, тонкие черты, лицо спокойное, впечатляющее, какое можно увидеть на древних фресках.

Из комнаты вышла Марех и спросила сидящего у камина Луку:

— Что ест ваша собачка?

— Я привез ей почти готовую еду. Достаточно развести в горячей воде, разок вскипятить и готово. Щенок хороший, никого не беспокоит, по необходимости просится наружу.

— Да мы не против, батано Лука, что вы оправдываетесь. Как его зовут?

— Имени у него еще нет. Мне его неделю назад подарили. Кстати, его пора кормить. Нет, нет, калбатано Марех, не беспокойтесь, я сам займусь этим. Если вы отнимете у меня это маленькое развлечение, я сойду с ума от безделья.

— Калбатано Марех, я по утрам пью только кофе, если вас не затруднит, сварите, пожалуйста. Я прихватил все необходимое. — Зураб достал из сумки кофемолку и джезве.

Марех взяла у Зураба кофемолку и джезве и вышла на кухню.

Зураб заметил:

— Женщине приятно заботиться о мужчине, предоставим ей эту возможность.

Дато вышел в кухню и, взяв из рук Марех кофемолку, сказал:

— Я помолю, наверное, вы устали с дороги.

Марех, прихватив висевший на спинке стула джемпер, ушла к себе в комнату.

— Эти женские дела совсем не по мне, — негромко произнес Зураб.

— Разве варить кофе непременно женское занятие?

— так же негромко спросил его Лука и добавил, — предложение Марех мне очень понравилось. Давайте объединим и кофе.

— Что ж, давайте, — согласился Зураб.

Дато внес расставленные на подносе чашки с кофе. Из комнаты вышла Марех. Она переделалась, на ней было серое в мелкий белый цветочек платье.

Зураб отметил:

— Это платье вам к лицу.

Марех залилась краской.

Все сели за стол. Взяли чашки с кофе. На подносе осталась одна чашка. Лука стал искать глазами щенка и увидел в дверях девушку. Она стояла, прижав к себе щенка и смотрела на собравшихся. Зураб медленно встал, направился к ней и, картинно склонившись, с благоговением поцеловал ей руку. Лука, привстав, приветствовал ее кивком головы. Краваи подошла к поднявшейся со стула Марех, и они по-родственному расцеловались.

— Это мне? — воскликнула Краваи и, взяв оставшуюся на подносе чашку, отпила. — Как вкусно! А этот щенок похож на цветок. Беленький, миленький, славенький, — приласкала она щенка.

— Кофе арабский, щенок обычная дворняжка, а вот вы... Черные волосы, голубые глаза, красный свитер, белый щенок — да вы на итальянскую кинозвезду похожи, — рассыпался в комплиментах Зураб.

Марех смотрела на Краваи и улыбалась. «Настоящий подснежник... Что значит возраст... Женщины по утрам не очень уж хорошо выглядят, а этой сейчас и пятнадцати не дашь», — думала она.

— Я такого белого щенка еще не видела, его на снегу в двух шагах не разглядишь. Знаете, есть такой цветок — сатовлиа, его еще пастушьим барометром называют, говорят, он цветет перед тем как выпадет снег... Дато, ты видел? Дато мне позволил говорить с ним на ты, — пояснила Краваи и опустила щенка на пол.

— Да, видел.

— Вот и имя щенку нашлось. Назовем его Сатовлиа?

— Назовем! — захлопала в ладони Краваи.

— Если ты не против, мы поселим тебя и Марех в одной комнате, — сказал Дато.

— Конечно, нет! Ты ночью так храпел, что мне медведь мерещился.

Дато расхохотался, Краваи подхватила его смех.

— Везет же некоторым. Если бы я был на месте Дато, вы бы спали спокойно. А что потеряла такая красивая девушка в этой глуши? Сюда ведь приглашались скучающие, моя милая, почему ты сюда приехала, с возлюбленным поссорилась? — тоном заранее уверенного в своей правоте человека спросил Зураб.

— И не только потому. Меня заинтересовало явление.

— И не только потому... Получается, что и с возлюбленным поссорилась. Не ко времени чихнул или засмеялся, не так ли?

Краваи внимательно взглянула на Зураба и ответила подчеркнуто ученическим тоном:

— Скупердйй он был, потому и поссорилась.

Зураб расхохотался:

— Что, этот недотепа бриллиантового кольца на день рождения не подарил?

Несколько обиженным тоном Краваи довольно пространно пояснила:

— Он долго торговался с продавщицей цветов, покупая сирень. Она ему говорит, что сирень стоит три рубля. Он ей дорого, мол, давай за рубль. Нет, дорогой, говорит, за рубль не могу, бери за два. Да ты, — говорит он, — скупа, — и протягивает ей трешку. Она ему, у меня, мол, родненький, сдачи нет, я тебе цветов добавлю. Да ты еще и хитра, — ответил он. Нашел в кармане металлический рубль, наскреб мелочь, взял у нее букет сирени и преподнес мне. Я тут же вернула цветы продавщице, сказав оторопевшей женщине, что хочу подарить их ей.

Марех громко рассмеялась.

— Стало быть, ты с ним рассталась и теперь у тебя нет возлюбленного? — не унимался Зураб.

— Нет, мне нравится один парень. Он уже взрослый. И я ему нравлюсь, только мы не знакомы. Я его на улице часто встречаю. Почему-то он всегда сердит, вернее, глаза у него сердитые.

— Тебе нравятся взрослые? Это признак хорошего вкуса.

Краваи насупилась.



Зураб поднялся.

— Я на охоту, батоно Лука, вы не пойдете со мной?

Лука, помедлив, встал.

— В охоте, наверное, я вам не помощник, зато живая душа рядом, заодно и свежим воздухом подышу. Краваи, деточка, присмотри за Сатовлиа. Дато, а вы...

— Нет. Я, пожалуй, останусь, — ответил Дато и подошел к камину.

Когда Зураб с Лукой вышли, Марех заметчала:

— Красивый мужчина, верно?

— Да, очень, — отозвалась Краваи. — Если б не такой зад, был бы, как говорится, без сучка, без задоринки.

«Ну и язва девчонка», — подумал Дато, разгребая угли.

Марех и Краваи стали убирать со стола.

— Смотрите, они, видимо, автобус встретили, кроме них, еще трое идут, — сказал Дато, выглянув в окно. — Давайте выйдем им навстречу.

Марех вынесла из спальни шубу, накинула на плечи и последовала за Дато.

— Тетя Марех! Сатовлиа оставить или взять с собой? — крикнула в открытые двери Краваи, но Марех ее не услышала. Краваи подошла к окну, чтоб рассмотреть вновь прибывших — высокого мужчину с непокрытой головой и двух женщин. Дато почти подошел к ним, за ним торопливо шла Марех.

— Дато!!! Скорее сюда, скорей! — крикнула вдруг Краваи.

Дато сорвался с места, Марех повернулась и с удивлением взглянула в сторону дома.

— Не волнуйся, Дато, ничего страшного, но не задерживайся, хорошо, — более спокойным тоном добавила Краваи.

Дато тут же вернулся обратно, улыбаясь, пояснил гостям, что все в порядке, и пожал им руки.

Краваи все еще стояла у окна. Дато попытался взять у мужчины багаж. Мужчина, видимо, отказался и переложил багаж в другую руку. Дато продолжал настаивать. Они отстали, Краваи, чуть помедлив, пошла к себе в комнату.

Гости устроились, прибрались, отдохнули, и вечером все собрались в зале.

— Мы постарались встретить вас вкусным обедом и сейчас проверим, как нам это удалось, — сказала Марех и добавила: — Что, разбудим Краваи? Правда, своих детей я никогда не бужу из-за еды, им лишь бы поспать...

— Давайте разбудим, она, наверно, голодна, — сказал Зураб.

— Лучше оставим ее в покое, проснется и поест, — предложил Дато.

— Он чувствует себя виноватым, — обратился Зураб к Баадур и кивнул головой в сторону Дато, — ночью, оказывается, он так храпел, что девушка глаз не сомкнула.

— Это почти что правда, — рассмеялся Дато. — Она боялась оставаться ночью одной и спала у меня, а утром перебралась к калбатони Марех. Чудесная девушка, она старше моей на год.

— У вас такая взрослая дочь? Какое счастье... — засветились глаза у Тики.

Дато встал, принес из комнаты фотокарточку и протянул Тике.

— Мы с женой учились в одном классе. Едва мы закончили школу, как я, заманив ее к себе домой, так и не выпустил.

Все по очереди разглядывали карточку.

— Ты, видать, мастак заманивать женщин, — засмеялся Зураб.

— Как сказать... Меня всю жизнь мучают угрызения совести...

Из комнаты вышла Нестан с большой банкой маслин.

— Я заметила, что вы тут все продукты вместе сложили.

Лука привстал, но Дато опередил его, взял у Нестан банку и вынес в кухню.

Все сидели за столом, но к еде никто не притрагивался.

— Мужчины, принесите что-нибудь выпить, а то мы здесь эти две недели просидим, как немые! — со смехом сказала Тика.

Дато и Зураб тут же встали, поднялась и Марех.

Достав из буфета рюмки, она расставила их на столе. Зураб разлил коньяк.

— Теперь попросим батони Лука взять руководство нашим первым застольем на себя, а завтра мы все будем старыми знакомыми и вовсе не ощутим отсутствия хозяйки дома, — сказала Тика.

— И окажется, что без хозяйки даже еще лучше, — продолжил Зураб, — не придется никому в глаза заглядывать из-за каждого неловкого движения или ни к месту сказанного слова.

— Ладно, — поднялся Лука и взял в руки бокал, — я предложу вам традиционный тост: за причину, собравшую нас всех здесь, за того, кто так оригинально придумал собрать здесь людей, которые раньше даже и не знали о существовании друг друга. Ну, друзья мои, теперь сами знаете, как вам скрасить эти дни, которые вы проведете вместе. За хозяйку дома!

— Я полностью согласен с вами, батони Лука, — поднялся и Зураб. — Позвольте мне кое-что предложить. Давайте не спрашивать друг у друга ни фамилии, ни профессии, ни места работы, ни места жительства. Так мы будем чувствовать себя свободнее, оградим себя от сплетен и слухов. Будем говорить, если желаете, только о любви, никаких разговоров ни о работе, ни о каких-либо проблемах вообще! Отдыхать — так отдыхать! Посмотрим, что из этого получится, — Зураб выпил и добавил, — а ловко все придумано, нас здесь оказалось четверо мужчин и четыре женщины.

— Мне кажется, что если бы хозяйка имела в виду кое-что другое, нас с Краваи сюда бы не пригласили, — сказал Лука, заметив, что после слов Зураба все почувствовали себя неловко.

— Откуда же ей было знать, кого она приглашает?

— Она знала, — спокойно сказала Нестан, — по голосу можно определить возраст собеседника.

— Пожалуйста, давайте, если хотите, флиртовать!

— А почему бы и нет? — Тика с улыбкой взглянула на Зураба.

— Калбатони Тика, по правде сказать, я отлично переношу женское кокетство.

— Ну, если Тикины слова назвать кокетничаньем,

то пока мы должны быть ей только благодарны, — с/

улыбкой заметил Дато.

Все приумолкли и уныло продолжали есть.

— Калбатано Марех, сделаем завтра вечером хинкали? — зазвенел голос Краваи.

— Ты когда к нам подкралась?..

Перезнакомившись со вновь приехавшими, Краваи села рядом с Дато.

— Зови меня тетя Марех, деточка. Давай приготовим, а то потом пост начинается...

— Вы что, посты соблюдаете? — Зураб улыбнулся краешком рта.

— Да.

— Чтобы от грехов очиститься?

— Не только от грехов.

— Ну что, Дато, не присоединишься? Ведь заманивать к себе женщин тоже грех, — расхохотался Зураб.

— Если бы знал, что очищусь, почему бы и нет, но как говаривала моя любимая бабушка, а я ее всегда слушался, — в голосе Дато зазвучали шутливые нотки, — никто не знает, что есть грех. Грешник в другой своей жизни приходит на землю в облике животного и не может сказать, в чем согрешил. То, что мы называем грехом, бабушка считала болезнью или ошибкой. Изнуряющую борьбу человека с ошибками или, иначе говоря, стремление сгладить острые углы она считала сущностью жизни человека. А о больных она говорить не любила.

— Сглаживание острых углов... Какая великолепная простота! — рассмеялся Зураб. — Человек живет один-единственный раз и должен успеть испытать все, для того он и рождается на свет. Жизнь — это стремление к счастью, надо упрямо идти вперед, не глядя по сторонам, не то она промчится, оставив тебя растоптанным и сломленным. Так должен рассуждать образованный человек. А то, что грехов нет, так это она хорошо сказала. Заметьте, один и тот же поступок с одной стороны можно считать грехом, а с другой — благом.

— А что вы думаете о совести, Зураб? — спросила Нестан.



— Совесть — великолепная выдумка трусов и лодырей.

— Видать, напрасно трудился Сулхан-Саба, растолковывая понятие совести! — хихикнула Тика.

— Образование дает человеку возможность осознанно думать о добре и творить его и, как бечева, помогает ему в преодолении вершин и глубин.

— Добрый человек и без этой веревки способен прожить честно, — сказал Баадур.

— Значит, грешник является сюда животным? — грустно спросила Краваи.

— Да, тем животным, на которого он походил; потом, очистившись от греха, он снова является человеком. — Дато поправил сползший с плеч Краваи жакет, — бабушка глубоко верила, что каждый человек похож на какое-нибудь животное.

— А бабушка не говорила тебе, на какое животное ты похож?

— Да, Зураб, говорила, что похож на быка, — засмеялся Дато.

— Ну, за то, что ты заманиваешь к себе женщин, не миновать тебе бычьего облика. Но не бойся, теперь на них не пашут, поклажу не возят, сейчас их как производителей держат!..

Холодный блеск в глазах Дато не дал Зурабу закончить предложение. Дато встал и спокойным тоном сказал:

— Монотонное пение жерновов приятно лишь ненадолго. Ну сколько можно выдержать наше однообразное жужжание. Пошли во двор, там поговорим.

— Да-а, с юмором у нас, однако, не того... — разочарованным тоном пробормотал Зураб.

— Смотрите! — воскликнула вдруг Краваи. — На окно взгляните!

Все оглянулись. На подоконнике сидела кошка и спокойно смотрела в комнату.

Краваи вскочила, открыла дверь и кошка вошла в дом, словно ее здесь давно ждали. Она направилась напрямик к Дато и улеглась у его ног. Сатовлиа насторожился. Неожиданная гостья лишь на минуту завладела вниманием людей.

— Шутить между собой могут близкие люди, нам еще предстоит стать таковыми, — сказал Лука и с

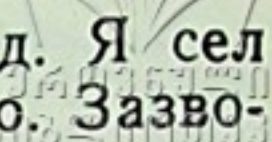
удивлением отметил про себя, как побледнел Баадур. Потом он обратился к Дато: — Раз Зураб не отстаёт от тебя, может быть, ты расскажешь, в чем ты грешен, что привело тебя сюда, не то он умрет от любопытства.

— Я никудышный рассказчик и не сказал бы, что разговор о моей персоне доставляет мне удовольствие, но все же попытаюсь... Я был в десятом классе, когда заметил глаза моей одноклассницы, они запали мне в душу. Закончились выпускные экзамены, и мы стали собирать документы для поступления в вуз. Однажды она проходила мимо моего дома, и я предложил ей подняться ко мне. Я был дома один. Родители были у родственников на именинах. Она за мной никогда ничего не замечала и, не раздумывая, поднялась. Я запер дверь и объявил ей, что домой ее не отпущу потому, что хочу на ней жениться. Испуганная, она взглянула на меня полными слез глазами. Я и тогда не выносил женских слез, поэтому вышел из комнаты, запер ее и сказал, что вернусь, когда она перестанет плакать. Я пошел к родственникам, спокойно там поужинал, немного выпил. Когда мы с родителями стали возвращаться домой, я объявил своим, что женился и что сейчас моя жена ждет нас дома. Что последовало за этим, вы можете хорошо представить, и я не буду злоупотреблять вашим вниманием. Мама, увидев дома девчонку с распухшими от слез глазами, сначала прокляла меня, а потом два раза проверила на моей спине прочность скалки. Ее она приласкала, ох, дочка, чтоб мне умереть, кто его знает, как тебя испугал этот безбожник, что теперь нам делать, мол, может, к родителям отвести? Куда ее вести, родители знают о ее замужестве, соврал я, бог знает, что они сейчас подумают. Я сам ошалел от своей молниеносно придуманной лжи. А она плакала и плакала. Отец был вне себя от злости, надо же было такое, мол, перед экзаменами. Ладно, говорит, дочка, давай вместе обдумаем, что нам делать? Хочешь, предложил он, позвоним твоим, пусть они придут. Она еле выговорила, что отец ее убьет, и слушать ее не захочет. Тогда мой отчаявшийся отец предложил: мы с матерью сейчас уйдем ненадолго, а вы будьте добры, что-нибудь сами придумайте — или смиритесь со случившимся, или найдите какой-нибудь выход. С полчаса вымаливал я у нее прощения за свой

поступок. Она осталась! Позже призналась, что ей, мол, мои родители очень понравились, потому и осталась. В то лето я не смог поступить в вуз. Осенью пошел в армию. Когда я приехал в отпуск из армии, дома меня уже ждал малыш. Мои родители были довольны невесткой. Говорили, что и в радости, и в горе она знает меру, потому и легко жить рядом с ней. К концу службы она подарила мне и девчушку. Вскоре мои родители уехали жить в деревню. У нас такая традиция, как только молодое поколение создаст семью—старшие возвращаются в деревню. Мы хотим, чтобы дом наших предков не пустовал. Даст бог, и мы в свое время так поступим. Благодаря желанию жены и с ее неутомимой помощью я поступил на физико-математический факультет и окончил его. Жена нигде не работала, зато не покладая рук трудилась по дому. Дети подросли, и она поступила учиться на вечернее отделение. Девочка выросла и стала ее помощницей. Мы стали ходить на дни рождения к бывшим одноклассникам и ее новым друзьям, ходить в кино и театры, принимать гостей у себя. Она стала модно одеваться, приобрела украшения. И тут я стал замечать, что у нее красивая походка, что ее не портят широковатые плечи, что ей подходят волосы, покрашенные в пепельный цвет. Сердце мое наполнялось радостью, любовь моя к ней была безграничной, безграничной была и радость.

В голос Дато вкралось волнение, рассказ давался ему теперь с трудом.

— Дней десять назад я заметил, что она в плохом настроении и как бы увяла. Я поднял руку, чтобы погладить ее по волосам, она чуть вздрогнула, но не отпрянула, и я почувствовал, как она напряжена. Глаза у нее были какие-то безжизненные, она была холодна как статуя. На мой вопрос, не плохо ли ей, она отрицательно качнула головой. Потом я стал замечать, что она то вся светилась, то ходила погасшая, глаза ее то сверкали радостью, то наполнялись такой печалью, какой я не видел у нее даже во время болезни детей. Она ничего мне не говорила, и потому я не посмел ни о чем спрашивать. Однажды я вернулся домой с работы, открыл дверь, в комнате от опущенных занавесок было темно. Я зажег свет и увидел ее сидящей в кресле, нарядной и красивой, но глаза ее вновь были потухшими. Она



взглянула на меня и тотчас же отвела взгляд. Я сел неподалеку, взял газету, сделал вид, что читаю. Зазвонил телефон. Испуганная, она вскрикнула и взглянула на меня, боясь, что я возьму трубку. Телефон настойчиво звонил. Я не выдержал, надел пальто и, сказав, что вернусь нескоро, направился к двери.

«Дато, — с мольбой обратилась она ко мне, — запри меня снаружи». Я обернулся, в ее глазах было такое страдание, что у меня сжалось сердце. Я еле сдержал слезы. Ничего не сказав ей, я запер дверь снаружи и ушел... В первый раз — по своему желанию, во второй — по ее просьбе, и оба раза в свою пользу! Это меня угнетало. Я не знаю, сколько я блуждал по улицам, шел снег или дождь, встретил ли кого-нибудь — ничего не помню. Когда я вернулся домой, она выглядела так, словно только что вернулась с кладбища, где похоронила самого дорогого человека. Я не мог прийти в себя. Я потерял не только покой, да что там покой — я потерял способность общаться с людьми. Она все молчала. Как-то, когда я уже прочел объявление и стоял у окна, думая, не поехать ли, она подошла, уткнулась мне головой в плечо и сказала: «Все в порядке, не волнуйся...». И тогда я твердо решил оставить ее ненадолго одну. Бросил все на волю божью и уехал. Написал ей записку: «Уезжаю на десять дней, делай, что велит тебе сердце. Я с тобой, моя любимая».

После долгого молчания Лука сказал:

— Трудно тебе будет жить, сынок.

— Да, Дато действительно нелегко будет жить... — В голосе Нестан прозвучало такое сочувствие, что все с удивлением взглянули на эту молчаливую женщину с погасшими глазами, — но хорошему человеку всегда трудно — и душевно, и материально...

— «Моя любимая» — это ты в точку попал, ее совесть замучает, — задумчиво произнес Зураб.

— Я хотел, чтобы она не чувствовала себя оскорбленной из-за того, что я так легко уступил, чтобы не думала, что не люблю ее больше.

— А что если она сделает то, что велит ей сердце, а потом в один прекрасный день вернется. Простишь?

— Если она уйдет, то никогда не вернется.

— Никуда она не уйдет, от таких, как ты, не уходят, — молвила Тика.

— Нечего было обзаводиться друзьями и общаться с одноклассниками. Женщина должна быть наседкой, сидеть дома, ухаживать за детьми, драить, стирать.

— А если она впридачу ко всему будет и немой, еще лучше, не так ли? — прервала его Тика.

— На таких женщинах, — продолжал Зураб и взглянул на Нестан, — держится отечество, если хотите знать...

— Дома мужчине наседки нужны, а вне дома они всегда ищут других женщин — и находят. Надоедающую верность своей наседки они с радостью меняют на кокетство других женщин, да еще называют их интересными и умными... — с горечью в голосе проговорила Марех.

Все замолчали. Никто не расходился, но и сидеть вместе стало невмоготу. Всеми овладело чувство отчуждения и неловкости. Краваи встала, подошла к роялю, оглянулась, увидела улыбающиеся глаза Дато, села за рояль и стала играть. Это была «Патетическая соната» — возвышенная и красивая. Она разлилась повсюду: в камине смешалась с огнем и от нее огонь стал ярче, заставила удивиться нарисованного на стене теленка, приподняла в улыбке кончики губ женщины, глядящей из рамы, оживила вышитые на занавесях цветы и, вихрем закружив снежные хлопья, наполнила лес, выпрямила во весь рост деревья, потом, кружа, вернулась обратно, легко скользнула в дверь, заглянула всем в глаза, скользнула по пальцам играющей Краваи и скрылась в рояле.

Краваи повернулась на стуле, обвела взглядом слушателей и, звонко смеясь, сказала:

— Когда я сыграла это на экзамене, меня наградили аплодисментами.

Нестан переплела пальцы рук и с улыбкой взглянула на девушку. Тика запахнулась в сползшую с плеч белую пуховую шаль. Баадур чуть повернулся в сторону Краваи. Лука провел рукой по голове и взглянул в сторону Дато, направляющегося к дверям, чтобы закрыть их.

— Ты обалденная девчонка! — произнес Зураб и ушел в свою комнату.

Марех тоже встала, и Лука, взглянувший в ее сторону, отметил ее унылую поступь.

Все разошлись, разбрелись по своим спальням.

В последующие дни все держались более естественно и ужинали с большей охотой. Они не торопились встречаться, но не торопились и расходиться. Часто сидели до рассвета и беседовали о кино, книгах, спектаклях. В основном касались темы человеческих взаимоотношений.

Однажды вечером Лука спросил Марех:

— А нельзя ли соединить в одно целое тех женщин, которые нам нужны в доме и которых мы называем интересными и умными? Разве это невозможно?

Марех растерянно взглянула на него и, помолчав, ответила:

— Вероятно, это возможно, я не знаю. По правде говоря, мне хитрости не занимать, но все равно, я не смогла этого добиться... Хотя не помню, очень ли я старалась...

— А мне интересно, что подразумевают под мужской порядочностью умные женщины, — проговорил как бы про себя Баадур.

— С этим нам легче будет разобраться, если Марех поведаст нам о своих маленьких хитростях и позволит нам считать это ответом на ваш вопрос, — предложила Нестан.

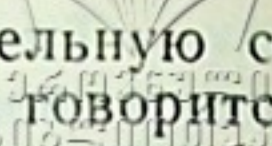
Марех надолго задумалась. Смутьившись, Нестан посмотрела на нее.

— Не обидела ли я тебя невольно?

— Нет, нет, Нестан... Знаешь, у меня напряженная работа, я главный экономист большого завода, в семье дел невпроворот, у меня в доме четверо мужчин, трое сыновей, младший школу заканчивает. Так что же я здесь делаю? С чего это мне вздумалось отдыхать? Для того, чтобы понять и ответить на вопрос Баадура, надо привести убедительные факты, а я не могу их припомнить, — Марех снова задумалась.

— До истины иногда и по мелочам докопаешься, — заметил Лука.

— Тогда, может, и разберемся сообща. Я уже двадцать четыре года живу со своим мужем. И как ни пы-



таюсь вспомнить хоть какую-нибудь значительную серьезную размолвку, не могу! Мы с ним, как говорится, на голом камушке поселились, но наш камушек не был холодным, он был солнышком согрет... Вспоминаются мелочи... Как-то вечером, когда я уже и не знаю, какую по счету гладила сорочку и еле стояла на ногах от усталости, он, вернувшись с работы, погладил меня по голове и мгновенно снял с меня добрую часть усталости. Он как-то особенно умеет это делать, об этом поэму можно написать. Здесь было все: я восхищаюсь формой твоей головы, люблю греть в твоих волосах руки, запах твоих волос подобен запаху весенних полей и кто его знает, что еще... Погладил он меня по голове, посмотрел на меня, посмотрел и говорит: я одну скороговорку знаю, сам придумал, а ну, если сможешь, повтори. Смогу, говорю. Он мне: тонкобровка-толстобровка. И подносит зеркало. Я взглянула и что вижу — утром брови выщипывала, так одна тоньше другой получилась. Как увидела это, расхохоталась, и он со мной, и усталость мою сдуло, как одуванчик... Однажды летом мы решили, пока дети в лагере, своими руками сделать ремонт. Мы очень уставали. Как-то стала я готовить обед, а он как всегда устроился рядом со мной на кухне и что-то начал рассказывать. Напрасно, говорю, стараешься развлечь меня. Отгадай, говорю, загадку, я сама ее придумала, мне обед ее подсказал: молодая — уменьшается, как постарел — увеличивается. Он серьезно задумался, потом долго упрашивал, скажи ответ. Я оборвала кончики последней зеленой фасоли, разломил ее, бросила в кастрюлю и объявила, что это зеленая фасоль. Фасоль?! Он так расхохотался, что и меня забрало... Как-то в конце квартала, далеко за полночь к нам приехал главный инженер нашего завода. Я очень удивилась, так как у меня было все в порядке. Он буквально вытащил меня из постели и повез на завод, где работал его друг и где на другой день ожидалась ревизия. Проработав, не поднимая головы, несколько часов подряд, уставшая, к утру я вернулась домой. На мое счастье наш главный инженер, несмотря на приглашение, ушел, потому что как только я открыла дверь — прямо перед моим носом на вешалке висела часть моего туалета, которую в спешке я забыла надеть. Я от смеха чуть не задох-

нулась, а он зажимал мне рот, чтобы я не разбудила детей. Вот видите, какие пустяки, какие незначительные события вспоминаются мне? Ну разве из этого можно сделать какие-нибудь выводы?

— Можно, — проговорил Дато.

— Отцом он был таким, что многие позавидовали бы. Он и отпуск свой к моим родам подгонял, и видели бы вы, с какой радостью и нежностью ухаживал за мной и детьми! Но была у него дурная привычка — уж очень он любил вмешиваться в чужие дела и потому у него был, как он выражался, «вечный контакт» с милицией то в качестве свидетеля, то в качестве ответчика. Перед тем, как приехать сюда, я разложила письма, которые он писал мне в роддом, на постели. Я это сделала сознательно, чтобы встряхнуть его. Чувства у меня уже нет, а может, и есть, да я о нем позабыла. Этот поступок унижает меня, но что делать? Спокойно забыть прожитые с ним двадцать пять лет и добровольно уступить его другой? К сожалению, в моем доме в последнее время чувствуется, что здесь никто никого не любит, на всех вещах отпечаток моего истерического состояния и его плохо скрываемого равнодушия. Каждая вещь, которую согревала наша любовь, умерла, и камушек наш, когда-то согретый солнцем, остыл. И наши общие слезы, и страх из-за болезней детей, он все забыл, и его «котеночком» стала другая. Если бы я знала, что он встретил ту, суженную ему богом, и ему не понадобится моя «надоедливая верность», я бы со всем смирилась, но если это ошибка? Ведь потом и он будет страдать... Нет, я должна немного выждать, бессмысленно устраивать истерики. Раздраженный, он уйдет, и мальчики будут страдать. Я приехала сюда... Теперь пусть он меня ждет, если сможет. Он часто уезжал в командировки. Он уезжал — я провожала, возвращался — встречала, и потому от одиночества и ожидания я страдала больше, чем он. Теперь пусть он ждет... А если не будет ждать...

Голос Марех стал глуше, слова тяжелее...

— Разрушить семью! Я чувствую, что все валится из рук, и делаю вид, что ничего не вижу, ничего не слышу. Я тоже оставила письмо, примерно такого же содержания, что и Дато, но с той разницей, что я не была искренней, я не написала того, что переживала в

действительности. Было бы честнее написать: «Черт с тобой, бессовестный ты человек, мне безразлично все — и ты, и то, что с тобой происходит».

Марех замолчала.

— Как же ты собираешься жить? — почти шепотом спросила Тика.

— Буду хитрить, если попадет в беду, помогу, но уже без души, очень уж она охладела. Если смогу простить, то уж ладно, если же нет, пусть отправляется, куда хочет. Я никому ничего отдавать не собираюсь, пусть не надеется.

— А если он уже ушел? — заинтересованно спросил Зураб.

— Значит, так Господу было угодно.

— Набожность, оказывается, к лицу женщине, — промолвил Баадур.

— Ну что скажете, не похожа я на наседку? А он на мужчину, на котором держится мир? Он, решивший разрушить семью, оставить троих сыновей хотя бы и ради интересной и умной женщины?

Ей никто не ответил.

— Но если я добавлю, что он у нас один из лучших архитекторов и подарил людям немало прекрасных зданий, что тогда? Если я скажу, что он преданный друг и «палочка-выручалочка» для всех, что тогда? Если он знает, что такое труд, что тогда? Молчите? Да, человеку, которым можно гордиться, мы можем простить низость, а деляге — нет! Бескорыстный труд на благо отчизны дело чести настоящего мужчины, так считаем мы, женщины. Нестан хорошо отметила, что мы хотим видеть рядом таких мужчин, которыми и дома можно гордиться, и на людях. От таких мужчин кое-что мы и потерпим.

Таким поворотом мысли были довольны и женщины, и мужчины.

— Ну, наш экономист так высказалась, что и добавить нечего, — с улыбкой произнес Лука.

Немного погодя Краваи встала, подошла к окну и раздвинула занавеси.

— Какой снег сыплет!.. Давайте в снежки поиграем, ну что случится, ведь никто не хочет спать.

Краваи переводила взгляд с одного на другого.

— Да, — умоляюще сказала она, — тетя Марех, дедушка, давайте в снежки поиграем, а...

В снежки играть вышли веселые, а вернулись при- тихшие. Играя в снежки, Нестан подвернула ногу, и обратно Баадару пришлось нести ее на руках. На второй день из-за распухшей ноги Нестан не смогли выйти из комнаты. Краван целый день просидела в ногах милой тетушки Нестан, виня себя за случившееся, все пережи- вала, что это она насильно заставила всех идти играть в снежки.

Вечером Марех начала готовить хинкали и увела с собой Краван.

Дато, Баадур и Лука играли в библиотеке в пре- феранс. Сидя около каминна, тихо беседовали двое. Жен- щина держала в руках железный прут и лениво воро- шила угли. Мужчина выжидающе смотрел на нее. Жен- щина повернула голову, взглянула на мужчину, улыб- нулась, на щеках у нее появились ямочки. Слегка по- краснев, она спросила:

— Значит, ты хочешь, чтобы я призналась, зачем приехала сюда?

— Мне очень интересно, здесь всех волнуют ка- кие-то идеи, все о чем-то ноют, а что происходит с то- бой, я никак не пойму. Неужто там, откуда ты приш- ла, было еще скучнее?

— А я нигде не скучаю.

— Тогда мне тем более непонятно.

— О, как ты настойчив! Мой ответ тебя удивит. Я с детства слышала, что мужчина не должен умереть, не построив дома, а женщина, не родив ребенка. Как известно, чтобы родить ребенка, женщине надо лечь с мужчиной, потому я и приехала сюда, — улыбаясь, произнесла женщина.

Мужчина, стараясь быть спокойным, тихо спро- сил:

— Да, но неужто для этого сюда надо было при- езжать, что мешало тебе в городе?

— Не получилось. Мне нравятся деловые, целе- направленные и принципиальные мужчины. А это или мои друзья, или мужья моих подруг, что исключает их из числа претендентов. Меня здесь никто не знает, я и решила, что найти подходящую кандидатуру здесь бу- дет нетрудно. Я так привыкла к одиночеству, что муж-

чину рядом с собой уже не вынесу. А потому — рожу ребенка и заживу себе преспокойно.

— Тика, — в голосе мужчины послышалось волнение, — хорошо подумай, если ты сделаешь неправильный выбор, это будет непростительной ошибкой.

— Я уже все обдумала, — она устремила на мужчину веселые глаза. — И даже уже сделала выбор.

Мужчина встал, направился к столу, налил себе воды, отпив немного, встал у окна, негромко отметив, что опять идет снег, вернулся к камину. Растерянный, он долго сидел молча.

— У такого любознательного, как ты, наверное, дух захватывает от нетерпения, верно?

Мужчине стоило огромных усилий воли, чтобы ни одна черточка на его лице не дрогнула.

— Задавай мне вопросы, если хочешь, я отвечу.

— Дато? — нетерпеливо спросил мужчина.

Женщина непринужденно рассмеялась:

— Ты что, неужели ты хоть чуть-чуть не понял Дато? Он же олицетворение совести.

— Баадур?

— Нет, я не собираюсь страдать от любви...

— Ну, батони Лука?

— Опомнись, Зураб, он мне в отцы годится.

У мужчины глаза вдруг стали бессмысленными, он сполз со стула на пол и сдавленным голосом забормотал:

— Моя фея, моя королева, приди ко мне этой ночью, и мы сказочно проведем ее.

Тика встала, сверху посмотрела на стоящего на коленях мужчину и ровным голосом сказала ему:

— Если бы ты был актером, я эту сцену тебе не зачла бы, ты играл неубедительно. Не торопись, это произойдет само собой, естественным образом.

В зал вошел Дато. Он протянул Тике свою сорочку и иголку с ниткой и, попросив пришить пуговицу, уселся там же в кресло. Зураб тем временем поднялся, отряхнул колени, стянул с себя джемпер и, громко насвистывая, вышел из комнаты. Тика проводила его взглядом и уселась в кресло. Со спокойным и равнодушным выражением лица она пришивала пуговицу.

— Отучили меня спать по ночам, а что я потом

один буду делать? — со смехом сказал, входя в зал, Баадур.

— Ты и так все время один, Баадур. Когда мы все вместе смеемся или беседуем, ты всегда молчишь, уставившись в одну точку. Мне кажется, что ты тогда никого не видишь и ничего не слышишь.

— Это потому, Тика, что он знает, женщинам нравятся молчаливые мужчины, — сказал, вернувшись обратно, Зураб.

— Я могу поклясться, что так хорошо и покойно мне никогда не было, — ответил Тике Баадур.

— Зураб, ты не знаешь, как там дела в кухне, хинкали еще не готовы?

Зураб вышел и снова вернулся.

— Велели передать, что ты можешь накрывать на стол.

Тика положила сорочку на тахту и принялась за дело. Потом позвала Луку, находившегося наверху, и всех остальных к столу. Лука помог Нестан выйти в столовую и усадил ее за стол. Марех внесла дымящиеся хинкали и поставила их на середину стола.

— Угощайтесь, мы с Краваи сейчас подойдем, не ждите нас, а то остынет.

— Молотый перец в левом ящике буфета, возьмите, кому надо, — сказала Нестан.

Тика встала и принесла перец, из кухни послышался звонкий смех Краваи.

— Как вкусно! — воскликнула Тика.

— Действительно, необыкновенно вкусно, я домашние хинкали ем впервые.

— Не говорите, батоно Лука, я не представляю вас в хинкальной.

— Почему в хинкальной? Ему в кабинет их приносят, — проронил Зураб.

Лука подтвердил, что это правда.

Краваи внесла хинкали и, сообщив, что тетя Марех сейчас придет, примостилась около Дато.

— Вам понравились хинкали, дедушка?

— Очень, просто изумительные...

— Я не заправляю фарш зеленью, — сказала вошедшая Марех, — в хинкальной с зеленью делают, потому и вкусом они похожи на котлеты, голубцы и

кебаб одновременно. В хинкали должен быть перец, соль и лук. И есть — непременно руками.

— Клянусь, что если мне даже больше никогда не придется есть домашние хинкали, я в хинкальную не ходок. Баадур, ты чего молчишь, вкусно ведь, — обратился к Баадуру Дато.

— Не примите за избитый комплимент, но честное слово, рядом с нами такие женщины, что и вареная картошка без соли покажется волшебным блюдом.

Бледное лицо Нестан украсилось подобием улыбки.

Дато взглянул и удивился перемене в ее лице. Краваи и Баадур встретились на мгновение взглядом.

— Вы посмотрите, как он умеет говорить! — рассмеялась Тика.

— Это он молвил истинную правду. Все безвкусно рядом с некрасивой, неприветливой женщиной.

— Ой, взгляните, — залилась смехом Краваи. — На Дато посмотрите!

Дато держал в руках надкушенный хинкали, усы его словно запорошило снегом.

Все взорвались хохотом. Нестан укоризненно сказала Краваи:

— Ах ты, озорница. Все-таки устроила сюрприз?

Зураб от хохота держался за бока, Дато вытирал выступившие от смеха слезы на глазах.

— В ее возрасте, — Нестан кивнула на Краваи, — у меня был возлюбленный. — Мы как-то хинкали делали, так когда ему попался с сюрпризом, он так разозлился, что сбежал.

— У тебя был возлюбленный? — у Тики запершило в горле.

— Да. А что, по-твоему, я не была молодой?

— Ты и сейчас молода, дочка. Но только и я удивился, ты так похожа на монашку, — сказал Лука.

— А потом он не вернулся?

— В тот день он не вернулся.

— А вообще?

— Ой, Зураб, мне впервые нравятся твои вопросы, мне самой так интересно...

— Не знаю, куда он делся, наверное, не любил меня.

— Не любил тебя? — Марех широко раскрыла глаза.

— А что? Вы меня удивляете, я обыкновенная женщина, которую можно любить или не любить.

— Расскажите нам, пожалуйста, о нем, ВОС-
308-201033
кликнула Тика.

— Вы, наверное, помните обильные снегопады в Западной Грузии, лет двадцать пять тому назад. Рикотский перевал две недели был закрыт. Радио и телевидение ежедневно передавали, что даже в Кутаиси автомобильное движение прервано. Он застрял в Кутаиси на своей машине, пропуская и свидания со мной, и занятия в институте. Дней через десять он прислал через друга письмо, в котором сокрушался, что не видит меня. Я спросила приятеля, как добрался он до Тбилиси. Он ответил, что два дня ехал поездом. Так почему же он сам не приехал, — спросила я. Друг взглянул удивленно и ответил, что машине не пройти. В тот же вечер я отправилась в Кутаиси. Побродила по снежным улицам. Торопиться было некуда, обратный поезд был вечером. За час до отхода поезда я позвонила ему. Он примчался на вокзал, удивившись тому, что я оказалась здесь. Я сказала, что соскучилась по нему. В тот же вечер я уехала. Когда он вернулся, меня не было в городе, я уехала с друзьями в Ленинград. По правде говоря, я его скоро забыла.

— Вы посмотрите, какая она?!

— Обыкновенная, — оборвал Тику Зураб.

— Тетя Нестан, ты так и не вышла замуж?

— Вышла, на первом же курсе.

— Обыкновенная женщина не придавала бы значения, что двадцатилетний парень не преодолел ради любви ничтожного препятствия, а дождалась бы его и все пошло бы по-старому.

— Нет, Марех, на это способна только необыкновенная женщина.

— Ладно, Зураб, оставь свои логические умозаключения.

— А, калбатано Марех, вот как мы умеем говорить!..

— Не обижайся, Зураб. Ты прав, представь себе, но так я говорю сейчас, когда мне сорок три, лет пять тому назад я так не думала.

— Нет, Нестан, если любовь вновь придет к тебе,

взглянул на женщину. — Я не верю, что ты решилась на это. К сожалению, ты для этого шага слишком умна. Ты только забавляешься этими разговорами, а мне их так приятно слушать, как лепет ребенка.

— У вас такое веселье, о чем вы говорите, можно и мне присоединиться? — спросил вернувшийся в зал Лука.

— Пожалуйста!..

— Будем очень рады.

Лука присел на чурбачок около камина и прислонился к стене.

— Вот, Баадур почти ровесник мне, а говорит, что любит меня, как ребенка. Оттого и смеемся.

— Ты и правда очень милая, дочка.

— Нет, батано Лука, не такая я уж милая, как вам кажется, — Тика приласкала устроившуюся у нее на коленях кошку. — Незаслуженная похвала вызывает во мне такое же чувство неловкости, как и незаслуженная брань.

— Женщина, которая так улыбается, не может быть плохой, — сказал Дато, подходя к камину.

— Вы знаете, как я могу, вот так улыбаясь, говорить и делать гадости? Не говоря уж об этом ангелочке, — Тика погладила по щеке присевшую около нее Краван, — я не такая разумная, как Нестан, и не такая подвижница, как Марех.

— Потому-то тебя и никто не берет, — едко заметил Зураб.

Тика засмеялась:

— Ты пошутил, а ведь так оно и есть.

— Будто бы, — обронила сидевшая рядом Баадуром Марех.

— Правда, правда! Появился как-то в моей жизни один молодой человек. Мы работали вместе. Одиноким, ни с кем особенно не сближался, немногословный и внешность неприметная. Целый год каждый вечер названивал мне.

— Ой, как стыдно! — прервала ее Марех. — Мы здесь развлекаемся, а Нестан одна сидит.

Все перебрались к Нестан.

— Тика нам что-то рассказывает, — пояснила Нестан Марех.

— Только очень прошу тебя, не занимайся само-

уничижением. Не губи нас, не заставляй нас думать о том, что если эта привлекательная женщина так дурна, то как нас-то земля носит. Сама знаешь, разочарованный человек ни на что не годен, — мягко сказала ей Нестан.

— Только не надо обо всем серьезно думать и говорить, раздумье — червь, который точит душу, ни к чему все это, — выдал Зураб.

— Раздумья необходимы для того, чтобы спокойно и без страданий принять смерть. Жизнь и смерть влечет друг к другу, как два живых существа. Разве это не так, батано Лука? — обратилась к Луке Нестан.

— Так-то так, но так же как и во всем, и здесь надо знать меру. Бесконечные раздумья, как наркотики, выматывают человека.

— Наверное, вы правы. Но я ужасная женщина, вы так веселились там, а у меня здесь ваши лица так погрустнели. Простите, кажется, я отбила у Тики охоту рассказывать.

— Ну, и дальше... звонил он тебе целый год и что? — спросил Дато, стараясь вновь вернуться к прерванной теме.

— Все напрашивался ко мне в гости, — в тон Дато ответила Тика, — я то соглашалась, то отказывалась. Как-то он явился, принес три гвоздики. Сознаюсь, я предпочитаю видеть цветы на полях и лугах, нежели в вазе. А он, окаменевший и молчаливый, как всегда, сидел, сидел, сидел... Я трещала, трещала и тоже замолчала. Он сидел так прочно и не собирался уходить, что я решила, не миновать мне судьбы. Чтобы хоть о чем-то говорить, я похвалила его пиджак, отметила, что он подходит ему. «Да, — согласился он, — это мне из Штатов прислали». Мне стало чуть интересней, во-первых, потому, что он заговорил, а во-вторых, в его голосе зазвучало что-то живое. «Тебе очень идет светло-голубой цвет». «Да, мне идут пастельные тона». Ну и ну! От радости у меня заколотилось сердце, скуки как не бывало. Я оглядела его всего. Носки и галстук на нем были одного цвета, брюки и сорочка — тоже одного, и все это сочеталось с пиджаком. Перед нами стояли рюмки, полные розового ликера. Я пожелала нам здоровья и залпом выпила. У него в глазах

мелькнуло удивление. Только он поднес рюмку ко рту, как я его спросила, любит ли он меня. Он ответил, что очень, и покраснел, как свекла. «Если очень, то отрокинь ликер на пиджак, и я выйду за тебя замуж», — предложила я. Во взгляде его была такая боль, словно ему прищемило палец. Меня так разобрало, что от хохота я чуть со стула не упала. А он сидел, как изваяние, и с удивлением смотрел на меня.

Когда я успокоилась, подошла к гардеробу, переоделась тут же, при нем, взяла его под руку, вышла с ним, посадила в такси и довезла до самого дома. Он, видно, решил, что я к нему иду, и очень удивился, что я не вышла из машины...

— Ты считаешь, что мужчина не должен одеваться со вкусом?

— А ты что волнуешься, ты ведь совсем не такой.

— Благодарю. А что, по-твоему, должен сделать хорошо одетый человек, облить себя?

— Представляешь, — улыбнулся Зурабу Дато, — скажи он, что не собирается жениться, и Тика была бы его, и пиджак бы спас.

Женщины рассмеялись.

— Ну? Стоило за него идти замуж, Баадур?

— Нет, конечно, нет.

— Ты такая циничная особа, что и он для тебя был бы слишком хорош.

— Ты иногда бываешь необычайно точен, Зураб. И еще я очень равнодушный человек.

— Почему ты так беспощадна к себе? — спросил Баадур.

— Наверное, потому, что я себя хорошо знаю... Что скрывать, очень уж я разочаровалась в жизни. Я и вправду решила родить ребенка и в его воспитании не повторять ошибок, допущенных в моем воспитании, — сказала с вызовом Тика. — Мне любопытно, будет ли он лучше меня?..

— Тебе ребенок для развлечения и экспериментов нужен? Как мы, люди, эгоистичны, на что только не идем ради своего любопытства.

— Я и раньше хотела ребенка, да видно Господь не милостив ко мне, не дал мне его... — сказала Тика.

— Не фантазируй, пожалуйста. Ты вышла из этого возраста, — равнодушным тоном произнес Зураб.

— Ты не хочешь спать, Краваи? — ласково спросила Тика.

Краваи покраснела и привстала, чтобы ^{уйти.}

— Она не хочет спать, — сказал Баадур, — пусть сидит, слушает, о чем мы говорим, этому в вузах не учат.

Краваи с благодарностью взглянула на него и снова села.

— Я из довольно состоятельной семьи, мне ни в чем не было отказа. Я не только внешне выглядела лучше своих одноклассниц и однокурсниц, но и считалась более способной и остроумной. Нестан! Ты теперь довольна, что я хвалю себя?

— О тебе будут судить по делам твоим, — отозвался Зураб.

Дато улыбнулся. Опершись локтем на кулак другой руки, он сомкнул пальцы и, вытянув кисть руки в сторону Зураба, стал тихо шипеть. Он так удачно изобразил кобру, что даже Зураб рассмеялся.

— Ты и впрямь ядовитый человек, — сказала Марех.

— Все мы хороши. Какое имеет значение, кого мы кусаем, других или себя, в обоих случаях выделяется яд, — ответил ей Зураб.

— Нет, столько хороших женщин вместе мне не приходилось встречать. А вам, батано Лука? — спросил Баадур.

— Тех, кто заходит ко мне в кабинет, мой Зураб, я не сравню с этими. Других я не знаю. Хотя в молодости я знал одну... — В голосе Луки прозвучала тоска.

— Давайте не торопиться с оценкой друг друга, впереди у нас целых десять дней!.. — патетично произнес Зураб.

— Продолжай, Тика, не стесняйся, не всегда говорить правду, значит, говорить только плохое, — подбодрила Тику Нестан.

— Я лучше продолжу, а то мы перегрызем друг друга. Я была на первом курсе, когда сбежала, как говорил мой отец, с каким-то «биржевиком». После двух месяцев борьбы мои забрали меня домой. И сейчас я

могу признать, что их решение было правильным. Своим поступком я причинила родным боль. Они тяжело переживали пересуды среди нашей родни. Шло время. Я вела монашеский образ жизни, и люди почти все позабыли. Через пять лет после случившегося я без памяти влюбилась в родственника своей подруги. Началось все довольно примитивно. Как-то январским вечером они заехали за мной и предложили дня на два махнуть в Гудаури. Я домоседка по натуре, а тут с радостью отправилась с ними. Нет, тогда я его даже толком не разглядела. Это произошло позже, в баре... Его сестрица увидела кого-то из знакомых и вскоре смех ее раздавался уже за другим столиком. Я обернулась к нему, чтобы что-то сказать, и замерла, увидев вдруг его изумленный, словно он только что меня заметил, взгляд. Мы попытались танцевать, но не смогли. Мы были друг другу чужими и в то же время очень близкими. «Тика, ты знаешь...» — начал он и не договорил, потому что примчалась Майко и, извинившись за свое отсутствие, начала рассказывать анекдоты. Я ничего не слышала. Словно в лихорадке была, и очень обрадовалась, что на второй день мы вернулись в Тбилиси. С того дня я не могла ни читать, ни работать над диссертацией. На душе было тяжело, у меня началась бессонница. Чтобы как-то продолжить работу, я решила поменять обстановку, собрала книги и на две недели уехала в Пасанаури. Ничего из этого не вышло. Я целыми днями сидела в кресле и через прозрачную штору смотрела на тянущиеся вверх снежные горы, которые казались мне маленькими по сравнению с моей тоской. Как-то вечером я услышала стук в дверь. Это он! Предчувствие не обмануло меня. Он вошел в комнату, в глазах его была та же тоска. Сердце мое сжалось. Он сел в кресло и стал смотреть на меня. Я стояла перед ним, прислонившись к стене. В комнате горел ночник, мир был ирреален. «Тика, знаешь...» «Знаю». «Каждую минуту я думаю о тебе». «Знаю». «Я потерял сон, ничего не могу делать». «Знаю, знаю». У меня дрожали колени, я присела на диван. Долго сидели мы, не двигаясь. «Если с тобой творилось то же самое, то тебе пришлось пережить трудные дни».

Я ничего не ответила. Он сказал: «Одевайся, пой-

дем погуляем». Долго ходили мы по снегу, потом сели в машину и вернулись в Тбилиси. Три последующих месяца мы встречались в кругу общих знакомых, чаще всего у Маико. Когда же поняли, что не в силах жить друг без друга, мы сказали родным, что едем в командировку, и отправились в Гудаури. Там началось наше печальное и тревожное счастье. Мне надо сказать, почему мы должны были бороться с собой и почему печаль была нашей вечной спутницей. Как говорил Гамсахурдиа, «он был единородным сыном князей Эристави». Его и называли именем одного из его героев. Кроме него, никого у его родителей не было, и они души в нем не чаяли. Нетрудно представить, как ревностно оберегали они своего сына «от связи с какой-то Тикой». А наше желание быть вместе не угасало. Чаша терпения моих родных тоже переполнилась. Я не могла оставаться с ними и переселилась в свою однокомнатную квартиру. Мы с ним объездили всю Среднюю Азию и Прибалтику. Нам было о чем говорить и что вспоминать. Все стало рушиться, когда наши отношения незаметно вылились в сердечную дружбу, в привычку быть рядом и обсуждать друг с другом свои дела и желания. Он был настоящим мужчиной и время от времени пытался «обновить» свои чувства. Но и я была истинной женщиной и от этих попыток мое чувство к нему таяло, угасало. В конце концов, когда я поддалась уже не знаю каким по счету уговорам и ультиматумам моих родителей и братьев, я поставила точку на наших потерявших смысл отношениях и вернулась к ним. Прошел еще год, мы продолжали встречаться.

За все это время я многое передумала, многое поняла.

Меня выводило из себя не то, что я не видела логического завершения наших отношений, а его нерешительность, которую я стала замечать. Мы, женщины, ждем от мужчин решительности, так же как они ждут от нас умения быть спокойными и разумными. В противном случае мы проходим следующие ступени разлада: раздражение, разочарованность, и, наконец, абсолютное равнодушие. Несколько раз мы расставались с ним, потом мирились. Но, говорят, от проклятий и дере-

во сохнет. И наше дерево любви стало увядать и было видно, что скоро оно высохнет. Однажды после очередной размолвки я призналась ему, что уже не люблю его. «Я не верю, что ты не любишь меня. Ты мне безразлична, невозможно, чтобы я тебе был безразличен». До конца осознав сказанное им, я убедилась, что действительно не люблю его. А сказала ему совсем другое. Услышав это, он долго молчал, а потом с болью в голосе сказал мне: «Ты и вправду не любишь меня, Тика». «Не знаю, может быть, мне это только кажется». Мне стало неловко. «Мы вместе уже три года, и никогда прежде ты не говорила таких слов». «Всему приходит конец. И наши с тобой отношения должны как-то закончиться». «И ты не пожалелась об этом?». «Знаешь, на определенной стадии взаимоотношений мужчины и женщины необходимо рождение ребенка, только тогда эти взаимоотношения не бессмысленны. А ты не хочешь этого». «Я не могу. Мои родители не вынесут этого».

Я уже не любила его, но слова эти полоснули по сердцу, как ножом. «Не можешь, тогда дадим друг другу свободу». «Ты это серьезно говоришь, Тика? Разве необходимо брачное свидетельство, чтобы родить ребенка?». Тут уж я не стерпела. «Не говоря уже об окружающих, и у меня есть родители, братья... Уходи, так будет лучше...» «Одумайся, Тика...» «Уходи, уходи». И он ушел. К горлу подступили слезы, сердце сдавило. Но скоро со мной что-то произошло, что-то щелкнуло и, словно лампочка перегорела, сердце отпустило. Этот щелчок я ощутила физически. А потом на душе осталось только пятнышко, как от пролитых на белый лист чернил. Это пятнышко потом сотрет время, ведь это универсальное средство, подумала я и успокоилась. Я не госковала по нему и при встрече не волновалась. Тогда-то мне стало ясно, что я не в меру эгоистична. Маико говорила, что я гадкая, что у меня так же блестят глаза, как и прежде. Он наблюдал за мной со стороны, а потом ушел в горы. Вскоре вернулся, сказав Маико, что не мог там оставаться. Через несколько дней после возвращения его сбила машина, и он бессмысленно погиб. Когда Маико примчалась ко мне, чтобы сообщить об этом, я встретила эту весть спокойно,

как весть о несчастье, случившемся с едва знакомым человеком. Маико ошарашенно взглянула на меня и ушла. Я машинально стала распарывать матрасы, перестирала и перебила всю шерсть. На это занятие у меня ушла вся неделя. Тогда я еще раз убедилась, что во время беды мне хочется заняться изнуряющим трудом, а не плакать и причитать. Работа притупляет душевную боль. Все это время я обдумывала тот серьезный шаг, который собиралась совершить. Наверное, и это помогало мне переносить боль. В день его похоронко мне забежала Маико — его родные просили меня прийти. Я отказалась, сказав, что у меня нет никакого желания смотреть на их горе.

Через полгода, уже на восьмом месяце беременности, я пошла к его родителям предупредить, что если со мной что-нибудь случится, пусть они возьмут ребенка на воспитание.

Родить ребенка я решила совсем не из любви к нему. Я решилась на этот шаг потому, что с его смертью кончался их род, и потому, что мне было глубоко жаль его родителей.

Но провидение не приняло жертвы, на которую я пошла без души, по расчету. Ребенок погиб во время родов. А я, как видите, чувствую себя великодушно, — с горечью заключила свой рассказ Тика.

— Да, действительно, сколько совершено ошибок. — чуть погодя заметил Зураб. — В вас, женщинах, природой заложено сатанинское начало.

— Есть чувство, которое выше любви, материнства, дружбы, которое не обсуждается, от которого не уйти — это любовь к родине. Каждый наш поступок должен быть продиктован любовью к родине. Сознательно или неосознанно, Тика исходила из этого, когда хотела продлить род, делая это не по велению сердца. Здесь она чиста и перед Богом и перед собой. Все остальное, по-моему, просто пустые разговоры, — спокойным, лишенным всяческих эмоций голосом, проговорила Нестан.

— Конечно же, она делала это сознательно, но постеснялась признаться в этом, — добавил Лука.

— Вы случайно не педагог грузинского языка, — спросил Зураб у Нестан.

Не обращая внимания на тон, каким был задан вопрос, Нестан ответила:

— Нет, я геолог, бывший...

* * *

В последующие дни каждый развлекался, как мог. Зураб и Лука ходили на охоту и почти каждый раз возвращались с добычей — приносили то лису, то зайца. Раза два с ними ходили Дато и Баадур. Женщины стряпали, прибирали, судачили. Тика ходила с картами в руках и всем гадала. Нестан она говорила, что та должна мчаться домой, что ее ждут гости, и один из них признается ей в любви. Марех и Краваи посмеивались над этим, улыбалась и Нестан. Зураб каждую ночь ждал прихода Тики, которая все не появлялась и комплименты раздосадованного этим Зураба, доставались не Тике, а Краваи. Он говорил, что, будь он помоложе, непременно похитил бы ее. Дато все время чем-то был занят и, видимо, не скучал. Баадур сидел перед камином, глядел на огонь или читал. Раза два он счистил снег с крыши. Марех, которой приходилось заниматься почти всеми домашними делами, была в восторге от такого отдыха. Кошка и Сатовлиа перешли во владение Краваи. Краваи так приручила кошку, что та позволила даже искупать себя. Лука что-то писал и большую часть времени проводил в библиотеке. Зурабу уже порядком наскучило здесь и он ждал, когда приедет автобус. Ели в разное время, когда кому хотелось. И только к ужину все собирались в зале, беседовали, читали стихи.

Как-то вечером все удивленно оглянулись на стук в дверь. Краваи вскочила, но Лука опередил ее.

— Гости прибывают. Сначала кошка, а сейчас, наверное, к нам петух стучит, — глядя на дверь, сказала Тика.

Лука отпер дверь. Из темноты появился высокий мужчина.

— Пожалуйста, батоно, — пригласил его Лука и отошел в сторону.

Пришедший отряхнул снег, переступил порог и остановился.

Мужчины поднялись на ноги. Незнакомец снял

дубленку, встряхнул ее за дверью и подошел к сидящим.

— Присаживайтесь, прошу вас! — Дато предложил вошедшему стоящее у камина кресло.

Мужчине было лет двадцать пять. Лицо у него было багровое от мороза, а руки — в крови. Краваи как-то боком, стараясь, чтоб ее не заметили, вышла из комнаты. Гость проводил ее удивленным взглядом, затем сел, посмотрел на свои руки и, не поднимая головы, произнес:

— Простите, что нарушил ваш покой, вторжение незнакомого человека всегда неприятно.

— Мы здесь все незнакомцы, — ответил ему Зураб.

— Напротив, мы рады вашему приходу...

— Что, выбор стал богаче? — ядовито улыбаясь, спросил Тику Зураб. Тика ему не ответила, на лице ее по-прежнему блуждала улыбка.

— Благодарю вас... — чуть погодя ответил Тике гость.

— Не за что! Только ради бога скажите, как вы сюда добрались, неужели не боязно было идти одному?

По лицу гостя скользнула легкая улыбка.

— А чего бояться... Дорога в самом деле трудная, часов семь иду от поселка. Я просчитался, поднимаюсь вдоль оврага. Продолжайте, пожалуйста, заниматься, чем занимались до моего прихода, не обращайтесь на меня внимания, только скажите, кто здесь хозяйка.

— Хозяйки здесь нет, она не приезжала, — сказал Баадур.

Гость окинул Баадура долгим взглядом и пробормотал:

— Очень жаль, я надеялся на встречу, она очень мне нужна.

— Мы не сможем заменить ее? — поинтересовалась Нестан.

— Нет, к сожалению. Хозяйка — подруга детства моей матери, у меня к ней важное дело. А вы не знакомы с ней? — в вопросе, адресованном Баадуру, звучало удивление.

— Нет, я не знаком с ней.

Марех поднесла гостю таз с теплой водой.



Digitized by Google
вашей

— Теперь уже можно опустить руки.

— Раз уж вы принесли, я воспользуюсь вашей любезностью, но очень прошу вас, не беспокойтесь, я не привык к излишнему вниманию и это вместо чувства благодарности вызывает во мне раздражение.

Дато, сказав, что скоро вернется, вышел из комнаты. Гость проследил взглядом и за ним.

Баадур задумчиво сидел в кресле, положив ногу на ногу, и смотрел на огонь в камине. Потом перевел взгляд на гостя и спросил:

— Как вас зовут?

Гость, глаза которого были не по возрасту холодны, жестко и ясно произнес:

— Торнике.

Баадур тихо повторил имя и снова уставился на огонь.

Торнике упорно смотрел в сторону Нестан. На женщине было черное с белым воротничком платье. У нее были пышные с проседью волнистые волосы, утонченные черты лица, но из-за усталых, ничего не выражающих глаз, красота ее как будто поблекла. Длинные руки безжизненно лежали на коленях, казалось, что мыслями она была далеко отсюда.

Вошли Дато и Краван. Торнике, улыбаясь, сказал вернувшейся Краван:

— Вот, оказывается, почему вы не ходите на работу.

Баадур заметил и удивился, что губы говорящего улыбались, а глаза нет.

Зураб оживился, с интересом посмотрел на гостя и спросил его:

— Вы знакомы?

— Она, наверное, видит меня впервые. Я живу неподалеку от ее работы. По утрам, когда она бежит на работу, мы встречаем друг друга.

Не глядя на Торнике, Краван едва слышно произнесла:

— Папа не знает, что я здесь...

— Отец не знает? — откровенно удивленным тоном спросил Торнике растерявшуюся девушку.

— Ну и что, не только ты, думаю, все мы потихоньку сбежали сюда, — пришла ей на помощь Тика.

— Благодарю вас, калбатано, я не голоден, — Торнике отказался от еды, предложенной Марех.

— Вы не тот девятый, который должен был в назначенное время со мной и Краваи подняться сюда? — спросил его Дато.

— Нет, — задумавшись, ответил Торнике. — Я только вчера прочел объявление и понял, где искать того, кого я вдруг потерял.

— Я все время думаю о том, кто же был девятым, что с ним случилось, почему он не приехал.

— Делать тебе нечего, — ввернул Зураб. — Не захотел, вот и не поехал, нашел место получше!

Торнике опять взглянул на Нестан, потом встал, достал из кармана дубленки небольшую книжку и протянул ей.

Вытащив из книги фотографию, Нестан стала с интересом ее разглядывать. С фотографии смотрели, уставившись в одну точку — наверное, на фотографа, — с десяток учащих в пионерских галстуках. На обороте детской рукой было написано: 1952 год, Краваи Лебанидзе с друзьями, а затем их фамилии и имена.

Все замерли в безмолвном ожидании. Нестан продолжала разглядывать фотографию, но внимательный человек заметил бы, что она прищурила глаза, словно обдумывая что-то, наконец, к общему удивлению, взглянула на Краваи чуть покрасневшими глазами и угасшим голосом спросила ее фамилию.

Вопрос для Краваи был столь неожиданным, что она не сразу ответила:

— Зедгенидзе, тетя Нестан.

Нестан взглянула на Баадура, потом перевела спокойный взгляд на Торнике и произнесла:

— Мой сын был бы твоим ровесником, если бы не погиб. Ты в пятьдесят восьмом родился?

Изумленный Торнике ответил:

— Да...

— Сын погиб в прошлом году.

Мужчины почти одновременно потянулись за сигаретами. Взволнованные женщины долго не могли взглянуть на Нестан, словно были повинны в ее несчастье.

Нестан вложила фотографию в книгу и подала ее

Луке. Он достал фотографию и принялся рассматривать ее. Прочитав надпись на обороте, он спросил:

— Как погиб твой сын?

— Его убили. Ножом в живот, он ввязался в чужую драку. Через три дня умер, его не смогли спасти, — мертвым голосом ответила Нестан.

— А куда делся убийца?

— Его поймали. Потом выпустили, месяц тому назад я видела его на улице. Он стоял с девушкой за билетами в кино.

— А отец?

— И ему трудно пришлось. У него еще есть дети, совсем маленькие. С малышами горе легче переносится, — словно в полусне ответила она.

— К чему эти допросы, мы же договаривались, — холодно сказал Зураб.

— Как же ты вынесла это, дочка?..

— Наверное потому, батона Лука, что была матерью убитого, а не убийцы. Это не высокие слова, я сама удивляюсь этому. По-другому я не могу объяснить, что жива.

Лука задумался. Он чувствовал, что Нестан говорила все это неспроста.

Нестан долгим взглядом смотрела на него, потом перевела взгляд на Баадура. Лука тоже посмотрел на него.

«Старый осел, — обругал себя Лука, — совсем уже отупел», — и обратился к Нестан:

— Есть ли у тебя желание мстить? Ты смогла бы?..

— Я ничего уже не могу, — прервала его Нестан, из чего Лука понял, что он задал правильный вопрос. — Я устала и все мои чувства угасли. Вам будет странно услышать это, но если бы сына оживили, я уже не смогла бы даже порадоваться этому. Мне кажется, что все было predetermined до его рождения. Потом уже я вспомнила, что за два месяца перед его смертью в доме все начало ломаться. Стены, потолок, стекла — все покрылось трещинами. Это было предзнаменованием, взгляните, на что стал похож дом. Этот стол, Торнике, что стоит перед тобой, тоже дал трещину. Обреченному человеку от судьбы никуда не уйти. — Голос Нестан звучал глухо, как из колодца. Никто не шевельнулся, только Торнике взглянул на стол.

— Нельзя идти наперекор судьбе, Торнике. Кому нужна была смерть двадцатитрехлетнего юности, что прибавилось от этого миру или людям? Потому, батюно Лука, разговоры о мести я считаю излишними. Нечто высшее знает, кому и что суждено в жизни.

Увидев застывший взгляд Торнике, Лука вздрогнул и пожал плечами.

Неловкость и тягостное молчание нарушила опять Нестан:

— Вы должны меня извинить, что с самого начала я не призналась в том, что я и есть ваша хозяйка... Это вышло непреднамеренно. Я собиралась в первый же день сказать вам правду, но вы так свободно себя чувствовали, что я побоялась вас стеснить и промолчала. Простите меня, — повторила Нестан и, заглянув в глаза каждому из гостей, прочла в них глубокое почтение и понимание.

— Я не чувствовала никакого недомогания, напротив, такой здоровой я никогда не была, — спокойно продолжала Нестан. — Но я стала замечать, что душа моя умерла. Оттого я и убежала сюда, в дом моих предков. И вас пригласила, чтобы провести последние дни с людьми, которые не стали бы надоедать мне проявлением своей жалости.

Нестан окинула всех потеплевшим взглядом.

— По той же самой причине, — продолжила она, — чтобы вы были спокойны и не чувствовали себя зависимыми, скрыта еще одна тайна. О ней я и сама не знала. Рядом с правдой всегда будет существовать ложь. Простим друг другу ложь, которая не вредит правде.

Долго все сидели молча, потом Лука произнес:

— Должно быть, такими, как ты, были жены наших царей.

Разговор не складывался, да никому и не хотелось говорить. Однако все понимали, что было бы слишком фальшивым, искусственным разойтись сейчас по своим комнатам и улечься спать. Дато смотрел на Марех и мог бы поклясться, что она вдруг похудела и побледнела. Резче стали морщины в уголках Тикиных губ. Лицо Баадура было бледнее полотна. Никто не решался нарушить молчание. Бессмысленное молчание всех

угнетало. Встала и вышла в свою комнату Краваи.
Все проводили ее взглядом.

Скоро Краваи вернулась, одетая в черное платье и черные туфли, тонкая, как тростинка, и направилась к роялю, черные волосы оттеняли ее бледное лицо.

Она села к роялю и начала играть. Дато и Торнике сидели по левую и правую стороны рояля. Они видели, как взволнована Краваи, как трепетали ее ноздри, как нервно опускала она на педаль маленькую ножку.

Все было в этой неистойвой мелодии — и снегопад, и ливни, и буря... Наконец небо начало проясняться, еще один мощный порыв ветра — и музыка умолкла.

Краваи застыла, потом повернулась на стуле и оглядела сидящих. Она достигла цели: все снова были вместе.

Лука поднялся, подошел к Краваи, погладил ее по голове.

— Спать пора, внученька. Пошли-ка все по своим комнатам. Сон необходимая и очень полезная вещь для человека. — с улыбкой сказал он, взял Краваи за руку и провел ее до комнаты, а сам поднялся в библиотеку.

В ту ночь Лука дважды услышал слабый стук и дважды открывал и закрывал дверь в библиотеку.

Уже рассветало, когда в доме наконец наступила тишина. Кому-то долго не спалось. Наутро все проснулись в ожидании необычайных происшествий. Чтобы хоть чем-нибудь заняться, одни пили чай, другие кофе, но все о чем-то настороженно думали. Было за полдень. Завтракали поздно. Дато заметил:

— Мы похожи на младенцев, перепутавших день и ночь.

В ответ слышались смешки. Женщины стали прибирать со стола. Лука вывел Сатовлиа во двор. Дато стал рубить дрова. Торнике равнодушно разглядывал висящие на стенах картины. Зураб бездумно смотрел в окно. Баадур сидел в кресле, заложив ногу на ногу, и смотрел на огонь. У его ног дремала кошка. Спустя время все вновь собрались в зале и произвольно сели так же, как и накануне вечером.

В комнате слышался спокойный голос Нестан:

— Вчера я сказала вам, что есть еще одна тайна,

вот ее я и хочу раскрыть вам. Те, кого она касалась, ничего не сказали, должна была молчать и я. Сегодня можно раскрыть ее. Краваи дочь Баадура. Они встретились здесь совершенно случайно. Только Дато знал об этом с первого же дня, ему Краваи открылась.

— Ну и ну, а я всех за ангелов принял. А чу признавайтесь, кто чья любовница или жена! И вы выдаете себя за порядочных людей? — Зураб столь неожиданно, так не к месту разозлился, что Марех невольно звонко рассмеялась.

— Чего ты смеешься, может, и у тебя нет сыновей, я не удивлюсь, если ты окажешься резидентом иностранной разведки.

Марех покраснела и замолчала.

— Что ты злишься, Зураб... Слава богу, все в порядке. Видишь, кроме тебя, никто не злится.

— Я мужик, Тика, и мог что-нибудь спороть! Ну и идиоты здесь собрались, да и я хорош!

— Ваше желание оскорбить нас так сильно, что вы и себя не жалеете, — сказал Торнике.

— А ты тоже некстати явился сюда и заварил кашу.

Торнике даже не счел нужным обратить внимание на этот выпад.

— На фотографии, батоно Лука, как вы уже знаете, сняты мать Торнике — Краваи Лебанидзе, я, Баадур и наши одноклассники. Баадур учился с нами только год, потом его перевели в другую школу, естественно, что я его не узнала.

Торнике было три года, когда не стало его матери. Вот и ходит он по одноклассникам и расспрашивает их обо всем, что касается ее. Все, что я знала, я подробно рассказала ему сегодня ночью. Сейчас очередь Баадура.

Нестан замолчала. Баадур сидел не двигаясь, словно разговор шел не о нем. Лоб его покрылся бисеринками пота, он смотрел на огонь и о чем-то лихорадочно думал. Потом взглянул на Торнике.

— Ты очень похож на мать... Я расскажу все, ведь когда-то надо сказать правду... Я перешел в другую школу и почти ничего не знал о своих бывших одноклассниках. Однажды вечером мы с друзьями сидели в

баре. Я поздно заметил сидящую за соседним столиком пару. Это были мои сверстники. Они не ели, не пили, не разговаривали и сидели, словно замерзшие. Чуть погодя я услышал шум — кто-то хлопнул по столу рукой. Я обернулся и заметил только мелькнувшую в дверях спину парня. Необыкновенной красоты девушка в белом платье сидела по-прежнему неподвижно. Узнав в ней бывшую одноклассницу, я не сразу решился подойти к ней. Я опять посмотрел в ее сторону. Она сидела, низко опустив голову. Я подошел к ней, напомнил, что мы знакомы, и попросил разрешения присесть. Она улыбнулась. Немного поговорив, мы перебрались за мой столик. Я знал, что ей не хочется оставаться здесь и, сказав ребятам, что скоро вернусь, проводил ее до дому. Девушка пригласила меня к себе. В квартире плакал ребенок. Она сказала, что это ее сынишка, а тот, что убежал из бара, — его отец. Я познакомился и с ее матерью. Посидел немного. Только я собрался уходить, мать позвала ее к телефону. Пока она говорила по телефону, мать поведала мне, что она разводится с мужем. С какой легкостью вышла замуж, с такой же легкостью разводится, сказала она огорченно. Девушка вернулась, тепло улыбнулась мне, и словно лучи озарили ее лицо... Потом несколько месяцев я не видел ее, но это не значило, что я не помнил о ней. Ее невозможно было забыть.

Как-то мы, студенты, устроили выставку картин. Я в то время был увлечен голубым и красным тонами. На одной из моих картин была изображена голубая девушка на огненном фоне, печально смотревшая на заходящее солнце. Мы радовались своей первой выставке и часто захаживали в галерею. Как-то и я зашел туда и перед своей картиной увидел Краваи. Она стояла и глядела на картину.

— Тебе нравится? — неожиданно для нее спросил я.

Она вздрогнула и, обернувшись, улыбнулась мне.

— Да, нравится.

— Поняла, что это ты?

— Да, конечно... Но это не я, а мой образ.

— Как это образ?

— Попытаюсь объяснить тебе. Я верю в потусто-

ронную жизнь, ты не удивляйся, верю, что и там тоже умирают, как и здесь. Наверное, наш мир для них потусторонний. Наш дух покидает свое пристанище и, освобожденный, продолжает свое существование в мире ином, через какое-то время умирает и там, и возвращаясь сюда, обретает плоть, как и прежде. На этой картине потусторонняя Краваи. Посмотри — здесь нет тела, здесь только душа, образ...

Она говорила об этом так просто, так убедительно. Мне и в голову не пришло спорить с ней. Опять я проводил ее до дома и поднялся к ней. От ее матери я узнал, что Краваи окончила музыкальное училище, что она без работы и что у ее отца есть другая семья.

Тогда и заболел я этой неизлечимой и всепоглощающей болезнью. С тех пор охватил меня неизлечимый недуг. Мою любовь к Краваи я не случайно назвал недугом. Она принесла мне чувство страха и боль вместо радости, извела и околдовала меня. Однажды она сказала:

— Мне иногда кажется, что я по воле Бога полюбила тебя.

Вместо того, чтобы обрадоваться, пораженный, я чуть не упал.

«Я это платье для тебя сшила, ты ведь любишь огненный цвет, а ты и не заметил».

Мы сидели в кафе, когда она говорила это, а у меня не было чувства радости, только хотелось биться головой о стену. Хотя в ее разговорах не было ничего необычного, они меня очень беспокоили. Я и сегодня не могу понять, почему. Мне она запомнилась всего в двух платьях, в белом и алом.

Шло время, я все больше походил на безумного. Объявил родителям, что собираюсь жениться, сказал на ком. Родители воспротивились, ссылаясь на то, что еще рано, нет, мол, еще и двадцати, трудно, мол, быть отцом чужого ребенка и многое другое. Я не слушал их, знал, что она не будет умелой хозяйкой и заботливой женой, так она была беспомощна, но для меня это ничего не значило.

Мне особенно запомнился один из вечеров, когда мы медленно, словно обреченные, шли по проспекту Руставели.

— У меня такое чувство, что должно что-то ужасное, — сказала она.

В ту минуту я думал то же самое. Мне стало не по себе, когда я и от нее услышал об этом.

— Говорят, что с Зедазени открывается чудесный вид, ты не свозил бы меня туда?

Я ответил, что поедем завтра же.

Около метро она встретила знакомую, недавно вышедшую замуж. Она обрадовалась, поздравила молодоженов, пожелала им счастья, сняла с руки старинный, подаренный теткой серебряный браслет и подарила его. Приятельница сказала, что не примет такой дорогой подарок, а сама не сводила восхищенных глаз с браслета. Краваи настояла на своем. Когда мы распрощались, она сказала мне:

— Ты не думай, что я такая добренькая, но в эти дни у меня на сердце беспокойно. Когда делаю кому-нибудь подарок и вижу, что доставляю радость, сама прихожу в хорошее настроение.

Тогда-то и понял я, что во всем нужен талант. Делать подарки это тоже искусство. Она всегда вела довольно странные разговоры, неожиданно могла выпалить такое... Когда я довел ее до дому, она сказала мне:

— Ребенка отдам отцу, пусть живет у него. Так будет лучше, да и вырастет он хорошим человеком. Я не рождена быть матерью. Ребенку, кроме безграничной материнской любви, необходимо еще много чего. А я ему этого дать не смогу.

«При разводе даже немолодые родители не думают о детях, не считаясь с тем, как будет лучше их ребенку...» Странно было слышать эти ее слова, однако я слишком хорошо ее знал и понимал, что на это она решилась от большой любви.

— А как ты перенесешь это? — спросил я печально.

— В любую минуту я смогу его повидать.

На следующий день я повез ее на Зедазени. На ней было платье огненно-красного цвета, которое прекрасно смотрелось на фоне предосеннего леса. Она все время молчала, на мои вопросы едва отвечала. Она думала о чем-то своем, рассеянно окидывая взглядом горизонт или упершись неподвижным взглядом в какое-нибудь дерево.

Она поднялась на стену разрушенной церкви. Стояла и смотрела то на крест, то на окружающие горы.

— Посмотри туда, какой красивый куст! — крикнула она мне.

Листья боярышника пожелтели, но на нем еще оставались спелые плоды. Мне захотелось отломать ветку и я пошел к кусту.

«Как этот лес, люблю тебя, как Джвари, как Светицховели». Я обернулся. Могу поклясться, что я отчетливо видел сияющий ореол вокруг нее. «От красоты у меня дух захватывает», — услышал я, отламывая ветку и думая о том, как вечером поведу ее к моим родителям. Но вдруг послышался ее крик... и я увидел ее в воздухе. Услышал и увидел, как она упала на камни. Когда я поднял ее и стер с ее лица кровь, я увидел нечто страшное. Из рта и глаз текла кровь, лицо было разбито. Она не кричала, только стонала. Я обнял ее и так сильно прижал к себе, что услышал, как хрустнул позвоночник. Этот хруст до сих пор стоит в моих ушах. Наверное, мы еще долго сидели не двигаясь, она едва дышала, голова ее лежала на моем плече, а вскоре я услышал ее последний вздох.

Не знаю, сколько времени я нес ее, как дошел до дому. Навечно запомнились мне ее белые руки, сложенные на груди, они были похожи на погибших голубей.

Потрясенные, все долго молчали. Зураб взял сигарету, руки его так дрожали, что, не сумев прикурить, он швырнул ее обратно.

— Потом, что было потом...

— Ее мать подала на меня в суд, считая виновником смерти дочери. Я не в состоянии был оправдываться, не смог ничего объяснить. Одно только сказал, что, потрясенный, я, наверное, задушил ее в объятьях. Отсидев десять лет, я еще десять лет не возвращался домой. Там и родилась она, от дочери такого же, как и я, заключенного. Недавно я вернулся. Мне трудно переносить одиночество. На родине я, как на чужбине, все потеряло для меня смысл, батоно Лука. Если Господу будет угодно, я скоро вернусь обратно.

— Жена живет там?

— Уже нет. Мы разошлись, она уехала в другой

город. Девочка росла у меня, пока были живы мои родители, ездила к ним.

Краван была смертельно бледна, вся дрожала.

— Она была красива? — спросила Марех.

— Необычайно, как расцветший на снегу цветок, — ответил Баадур. — Я назвал дочь Краван, хотя и мучает меня это имя всю жизнь.

Незаметно друг для друга все поглядывали на Торнике. Он сидел хмурый, сложив руки на груди, и было видно, что он принимает какое-то важное решение. Все чувствовали, что необходимо было что-то предпринять, чтобы разрядить напряжение, но не решались. Затем Лука, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Если человек повинен в смерти другого, независимо от обстоятельств — это жестокое преступление. Да, это так, но чтобы сказать правду, нужно иметь доброе сердце и ясное сознание, чтобы делать добро — решительность и хладнокровие. Откуда все это могло быть у двадцатилетнего парня!

— Если у соловья отнять голос, у бабочки — крылья, словом, отнять у всех то главное, что дала им природа, нарушится гармония и станет безликой земля. Что у нее было, кроме красоты...

— Я, я еще был у нее, — Торнике прервал Марех таким голосом, что она онемела. — Но я любил свою мать и не хотел причинять ей боль! — Он обернулся к Баадур и вдруг ледяным голосом произнес: — Ваша дочь тоже красива, и я убью ее.

Он достал из кармана револьвер и прицелился в Краван. Все замерли, никто не смог сдвинуться с места. Баадур не спускал глаз с Торнике.

Дуло револьвера повернулось в сторону Баадура. Вскрик Краван и выстрел послышались одновременно. Пуля мягко вошла в висящий за Баадуром на стене ковер. Дато стремительно бросился к Торнике и выхватил у него револьвер. Все бросились к Краван. Только Баадур и Торнике словно примерзли к своим местам. Потом Торнике открыл дверь и шагнул в темноту. Краван уложили в постель, укрыли одеялами. У нее поднялась высокая температура, она бредила. Мужчины сидели молча. Зураб стал складывать вещи. По дому разносились только его тяжелые раздраженные шаги.

Дверь открылась и вошел Торнике. Дато сказал ему, что девочка в жару, женщины около нее и целый час уже не могут сбить температуру, что она бредит. Торнике выслушал его, потом надел дубленку, шапку и попросил Дато вернуть оружие. Дато протянул ему револьвер. Торнике вновь зло взглянул на Баадура и так хлопнул дверью, что в доме задрожали стекла.

К полуночи температура у Краваи несколько упала. Она перестала бредить, попросила всех подойти к ней, оглядела их и взглянула на дверь. Тика сказала ей, что Торнике ушел. Девочка спросила, который час. Баадур ответил ей.

— Я очень хочу спать, идите к себе, мне легче...

Было три часа, когда Баадур заглянул в ее комнату, прислушался к ее спокойному дыханию и вышел. Марех устроилась в кресле у камина, сказав, что ляжет спать, когда девочка крепко уснет.

Все алело вокруг, и снег, и согнувшиеся под его тяжестью деревья. Она бежала, не чувствуя пути, ей казалось, что она бежит на месте. Эта огненная ночь пугала ее, и в глазах ее не было ничего, кроме страха. Она часто останавливалась и, словно в поиске чего-то, лихорадочно водила фонарем по снегу. Губы ее горели, во рту пересохло, она не смотрела на дорогу, взгляд ее был направлен туда, в конец леса, где, как она помнила, стояла церковь. Остановившись, она направила луч фонаря на дорогу и увидела следы. Следы были явно мужские. Она снова побежала. Услышав, что что-то упало, резко остановилась, но не удержавшись, упала лицом в снег и сжалась в страхе, что сейчас на нее нападет медведь. Потом почувствовала, что кто-то схватил ее за волосы, поднял и подтолкнул в сторону церкви. Что-то оторвало ее от земли. Ее крик наполнил весь лес, она летела и кричала, не слыша своего крика. Кто-то продолжал держать ее за волосы, но ей не было больно, или же она ничего не чувствовала. И лишь ощутив снова под ногами землю, она перестала кричать. Увидела вдруг, что куда-то провалился, исчез алый цвет ночи, темнота подчеркивала белизну снега, и вдруг она поняла, почему исчез алый цвет — где-то затерялся ее фонарь. Едва она остано-

вплась, как увидела, что из леса появились две тени, глаза их сверкали, они мчались к ней. Закрыв лицо руками, она присела. Так она могла не слышать ничего и не видеть сверкающих глаз.

— Вернись! — услышала она голос, от которого вся задрожала.

— Идем! Встань! Идем! — звал ее другой голос. Она заставила себя открыть глаза. Вокруг ничего и никого, кроме леса, не было. Она встала, уставилась сначала в темень, прячущуюся между стволов деревьев, потом обернулась.

— Па-а-па-а!.. — она думала, что кричит изо всех сил, но сил уже не осталось и голос ее замер в десяти шагах. На ее крик из-за деревьев вышло громадное существо. Все его тело было покрыто шерстью. Оно махало рукой, звало к себе. Краваи опять закричала, снова закрыла лицо руками и упала. Теперь за ее спиной слышались какие-то звуки: хохот, крики, грохот. Она вскочила. Все погнались за нею: и леший, и черти, и медведь. Все бежали за ней следом и кричали на разные голоса. Она бежала, задыхаясь от усталости. «Солнце — мать мне, месяц — отец, малые звезды — мне братья и сестры», — громко запела она, споткнулась и опять упала. Первое, что она почувствовала, придя в себя, это приятное прикосновение снега. Она приподнялась и увидела, что лежала на самом краю обрыва, в шаге от нее начинался глубокий овраг. Оказалось, что церковь, что была в конце леса, стояла за оврагом. Прикрыв рот руками, она закричала:

— Ээ-эй, выходи, мне страшно!!!

Никто ей не ответил. Внезапно она успокоилась и уже ничего не боялась. Стала спускаться в овраг, хотя была уверена, что у нее не хватит сил выйти оттуда живой. Она прошла до середины, когда увидела над головой какой-то свет. Удивилась. Свет нес с собой не тепло, а холод и двигался над ней. Останавливалась она — останавливался и свет над ней, начинала двигаться — свет двигался следом. Она уже стала подниматься по оврагу, когда к ногам ее что-то свалилось.

— Сатовлиа, мой хороший, что ты делаешь здесь? Давай я тебя согрею, какие у тебя холодные апы,

как колотится твое сердечко. Ты смотри, как у нас над головой что-то светит! Смотри, Сатовлиа, никто не поверит тому, что мы видели. Уже светает, теперь станет легче. Что ты будешь делать, если я умру, как ты вернешься обратно, несчастный, вдруг тебя волк съест или медведь напугает, ведь твое сердечко разорвется от страха... Свет потух... А я и не заметила, как он пропал. Вот следы в церковь ведут, значит, он здесь! Я знала, что ночью он не ушел бы.

В сумраке церкви подле окна виднелось какое-то темное пятно. Там сидел мужчина, обхватив руками колени. Она опустилась перед ним, прижалась щекой к его губам. Он дышал.

Мужчина вскочил. Сатовлиа выскочил из рук Краваи и заскулил.

— Я пришла потому, что мне плохо... У меня все болит... И голова, и сердце. А она меня в овраге догнала. Хорошо еще, что ты здесь. Ее бы волки съели... Я знала, что... А за мной черти гнались, и медведи... — Краваи упала как подкошенная.

Мужчина поднял ее на руки, вынес наружу, уложил на снег, растер ей уши и виски, Сатовлиа, скуля, бежал к оврагу и возвращался обратно. Торнике прижался ухом к груди девушки, сердце ее билось слабо.

— Краваи! — позвал он ее, — Краваи, открой глаза!

Он поднял ее на руки. С трудом преодолев овраг, дошел до леса. Здесь идти стало легче. Краваи открыла глаза, что-то бессвязно пробормотала. Из леса слышались выстрелы и отдаленные крики.

— Она вся горит... — Торнике прибавил шаг.

Показались Баадур и Дато. Следом остальные. Последним вышел Зураб, в руках у него было ружье, изредка он стрелял, вероятно, отпугивая зверя.

Увидев Торнике с Краваи на руках, Баадур остановился, уставился на них, потом сжав виски руками, опустился на колени.

— Как она, что случилось?! — рванулся к Торнике Дато.

— У нее температура, она без сознания, — громко, чтобы услышал Баадур, ответил тот.

Подбежали и остальные. Торнике опустил Краваи в снег, с усилием выпрямился.

— Быстрее, Баадур! — воскликнул Дато.

— Быстрее, будем нести ее по очереди.

Тика и Марех бросились к Краваи.

— Я врач и с полной ответственностью заявляю, — обратился к Баадур Торнике, — если сейчас же не растереть ее с ног до головы снегом до покраснения кожи, она погибнет, — он повернулся и ушел.

Тика и Марех раздели девушку. Батони Лука растирал ей ноги, Зураб руки. Дато спину. Скоро тело Краваи порозовело. Ее укутали во все, что у них нашлось и двинулись домой.

Торнике шел вдоль оврага. Пройдя немного, обернулся, но в сумраке ничего не разглядел, кроме бежавшего за ним Сатовлиа. Он продолжил путь. Больше всего ему хотелось выспаться, для этого надо было преодолеть три пригорка, выйти на дорогу и найти заброшенный дом. А там до поселка рукой подать. Но дороге не было конца. Напрасно думал он, что идти вниз будет легче — мышцы ног болели нестерпимо. Он чувствовал себя опустошенным, никчемным, словно старое ветхое дерево.

Поднимаясь сюда, он весь был поглощен значимостью своей миссии, не чувствовал ни расстояния, ни усталости. А сейчас — не в состоянии даже думать ни о чем. Колени подкашивались, он не мог сдержать охватившей его от холода дрожи.

Он шел механически, не ощущая благодатного солнечного тепла, чувствуя только, что ему жжет шею.

— Э-э-гей, — слышалось откуда-то. Он огляделся, однако никого не увидев, решил, что ему помешало.

«Э-э-гей, приятель, помоги мне» — слышалось ему снова. Он заглянул в овраг. Скользя ногами и хватаясь за что попало, едва удерживаясь на ногах, какой-то мужчина пытался подняться наверх.

— Это еще кто? — громко произнес Торнике и стал спускаться.

Мужчине было лет пятьдесят.

— Я иду к дому с башней. Да вот видите, не рассчитал свои силы. Вы здешний? — заочневшей рукой

он ухватился за Торнике, а другой пытался уцепиться за торчавшие из земли корни.

— Нет.

Они стали подниматься вместе.

— Далеко еще?

— Не очень, только надо еще преодолеть крутой подъем.

— Вы знаете наверняка, где этот дом?

Мужчина задыхался.

— Да, я сейчас оттуда. Помолчите, а то устанете еще больше.

— Куда уж больше. Ну, вышли, наконец. Я и не чаял уже выбраться из этого оврага. Шел вдоль оврага, да чьи-то следы меня сбили с толку. А кто там живет, что там творится?

— Да ничего особенного, только все от мала до велика какие-то странные. Может, отдохнем немного.

— Если я сяду, то встать уже не смогу. Там что, и дети есть?

— Одна девушка. До приезда сюда они, оказывается, и не знали друг друга. Руки снегом потрите...

— Нет, не могу, я уже не в силах, у меня от голода желудок сводит. Вы торопились, наверное. Я задержал вас. Может, я сам доберусь. Спасибо большое.

— Как наверх выберетесь, выйдете на трассу, а там уж недалеко. Дом с автобусной остановки виден.

— Благодарю, — мужчина едва держался на ногах. — Спасибо. Он повернулся и пошел.

Торнике посмотрел ему вслед. Снег был выше колен, мужчину от усталости шатало, как пьяного. «Свалится он, не сможет подняться наверх... В такую дорогу человека зовет или любовь или ненависть», — подумал Торнике.

Человек упал, потом вновь появился и, шатаясь, продолжил путь.

— Он же не доберется, — вслух произнес Торнике и крикнул мужчине вдогонку:

— Э-э-й! Подожди меня!

Мужчина остановился и обернулся. Торнике подошел и подставил ему плечо. Мужчина благодарно взглянул на него.

Торнике почти взвалил мужчину на себя, колени у

него подкашивались, сил больше не было. Наконец они дошли до дома.

Толкнув дверь ногой, Торнике с трудом дотянул мужчину до тахты и свалился сам, успев сказать удивленной Тике, стоящей перед камином:

— Не бойтесь, калбатоно Тика. Позовите мужчин, пусть они займутся им.

Вскоре появились все обитатели дома, кроме Краваи. Торнике вопрошающе взглянул на Тику. Взяв его за руку, она повела его в комнату Краваи.

— Мы сразу же ее растерли, — зашептала Тика. — Температура сначала упала, потом подскочила, а потом она заснула. Мы простить себе не можем, что проглядели ее! Она, оказывается, через окно перелезла. Сатовлиа начал скулить, царапаться и разбудил батони Лука. Марех дремала в кресле у камина, если бы девушка вышла в дверь, та бы обязательно услышала. Баадур боится, не отразится ли эта ночь в лесу на ее психике. Там, в одном месте, на протяжении нескольких метров прерываются ее следы, мы так ничего и не поняли.

Торнике смотрел на Краваи, прислушивался к ее глубокому дыханию, едва сдерживаемые слезы жгли ему горло.

— Тика, — произнес он разбитым голосом. — Уложите меня где-нибудь, я устал, как гончая.

— Пойдем, я тебя в библиотеке уложу, туда шум не доходит.

Они прошли большую комнату, где мужчины разделли и уложили гостя, укрыв его одеялами. Тика устроила Торнике и вернулась к сидящим у камина женщинам.

— Это Арчил, — на вопросительный взгляд Тики ответила Марех. — Чего ты радуешься, видишь, куда привела его совесть? Лучше было бы, чтобы он дождался меня дома, там легче разобраться во всем.

— Что ты будешь делать?

— Я ничего не знаю. Но обещаю, что мы вас не побеспокоим. Ладно тебе, — бросила Нестан, — мы должны помогать друг другу, а для чего еще мы живем. Давайте обед приготовим, постираем мужчинам. Приведем все в порядок. Распогодилось, и завтра, наверное, автобус поднимется.

Дато вышел во двор и стал рубить дрова. Баадур очистил крышу от снега. Лука отправился на кухню готовить пищу для Сатовлиа.

К вечеру все было готово.

Нестан с удовольствием наблюдала за тем, как ели Арчил и Торнике, двое уставших и проголодавшихся мужчин.

— А ты как сюда попал? — наконец спросил Зураба Арчил.

— Так же, как и другие, — сухо и недовольно ответил Зураб.

Не обратив внимания на его тон, Арчил вновь переспросил его:

— Прошу прощения, что тебе здесь нужно, ты что, тоже из скучающих? — спросил он, смеясь.

— Здесь нет скучающих. Калбатони Нестан ошиблась, она должна была пригласить не скучающих, а растерянных в этой жизни людей.

— Ты и растерянность?..

То, что Зураб и Арчил знакомы, вызвало большой интерес присутствующих. Все перестали есть и внимательно прислушивались к их беседе.

— Тебе бы сидеть и кутить с красотками в лучших ресторанах Москвы и Ленинграда. Все-таки что тебя сюда привело?

— Чем тебе эти женщины не нравятся, разве они уродливы или некрасивы...

— Что, видит око, да зуб неймет?

— Как знать! Ты лучше скажи, что тебя привело сюда.

Арчил, смутившись, взглянул в сторону Марех, которая притихла, хотя по выражению ее лица трудно было определить ее состояние, зато Тика была слегка удивлена и растеряна.

— Что заставило тебя покинуть красавицу-столицу, — вновь слышался голос Зураба.

Глаза Арчила блеснули гневом.

Марех с шумом встала, взяла хлебницу и направилась в кухню. Арчил проводил ее взглядом и гнев погас в его глазах. Зураб заметил это и понял, что Марех не допустила бы неприятностей, а Арчил не мог

не считаться с этим, так как чувствовал себя виноватым перед нею.

— Если я и причинил кому боль, к счастью, у меня хватит мужества попросить прощения.

— Просить прощения — разве это по-мужски! Причинить близкому человеку боль, а потом попросить прощения!.. Это очень легко. Убить человека, а потом извиниться. Отлично!

— Признание своей вины — это еще не все. Ему должно сопутствовать искреннее покаяние, и только после этого станет ясно, возможно прощение или нет, — сказал Лука.

Он все время наблюдал за Арчилом и Марех и предчувствовал что-то недоброе.

— Как всегда, вы изрекаете истину, батоно Лука! — обрадовался Зураб.

— Для человека честного не приговор, а покаяние становится наказанием. Я юрист по профессии и не мог не размышлять над этим, хотя бы в силу долгих наблюдений. Между прочим, в нашем кодексе существует и такая статья, тридцать восьмая, о смягчающих вину обстоятельствах, о чистосердечном признании или добровольной явке с повинной.

— Вы считаете, что все правильно в нашем кодексе, батоно Лука? — заинтересованно спросил Дато.

— Не все. Была бы моя воля, я кое-что бы изменил. Я считаю, что некоторые статьи чрезмерно суровы, а некоторые слишком мягки.

— Батоно Лука, вы так строги? — воскликнула удивленная Тика.

— Я бы сказал, справедлив.

— А что вы скажете, батоно Лука, о несправедливо осужденных, — Арчил не сводил глаз с Зураба.

— Иногда они выходят оттуда законченными преступниками.

— А почему вы сажаете их в тюрьму?

— И мы порой ошибаемся.

— А в результате ваших ошибок одни навсегда теряют веру, другие несут незаслуженное наказание, — не унимался Арчил.

— Потому-то я и говорю, что тюрьма это не выход, — угрюмо произнес Лука, — некоторые преступ-

ники, давая показания на суде, я наблюдал это, переживают сильнее, глубже, чем при вынесении приговора. Разве такой человек должен сидеть в тюрьме?

— Ложь. Большинству на руку создавать такое впечатление. Это симулянты, они разыгрывают спектакль в расчете на добрых людей, — сказал Зураб и пнул кошку ногой.

— Если бы в твоём голосе не звучало такое раздражение, кто-нибудь из нас обязательно с тобой согласился бы, — обратился к нему Дато. — Что с тобой? Неужели тебе не знакомо чувство сострадания к ближнему, грусть, печаль? У тебя просто талант настраивать против себя людей.

— Я не помню точно, но кто-то из поэтов писал, что грусть, печаль свойственны великим людям, — заметил Арчил.

— Я помню: Грусть бессмертна и вечна, Пусть не думают — это хандра! Грусть таланту поэта подобна И правителей мудрых судьба! — патетически прочитала Тика.

— Ну, тогда Баадур самый великий из всех. Грусть! Она без цвета и запаха, как вода, эта ваша грусть! — бросил Зураб.

— Значит, есть люди, которым говорить о своём поступке значительно труднее, чем выслушать приговор, — сказала Марех и взглянула на Арчила.

— Да, есть такие. Признание для них — путь на Голгофу.

— А среди вас, служителей правосудия, эти люди вызывают симпатию?

— Конечно. Кто искренен, да. Но, если я почувствую ложь в поведении говорящего, то... Мое сочувствие всегда с теми, кто искренен в покаянии, кто достоин сострадания. Таких я всегда помню, никого не забываю... Когда они выходят на свободу, я помогаю им, чем могу. Человечность проявляется не только в принципиальности, но и в поддержке и всепрощении. По-моему, человек, не способный на это, ни во что не ставящий чужие страдания, даже если он принципиален, тоже преступник.

Марех почему-то смутилась, лицо ее залилось краской. Для Луки это не осталось незамеченным.

Все чувствовали, что Зураб здесь ни при чем. Арчил растерялся и удивился такому повороту дела. Он понял, чего требовали от него, и взглянул на каждого из собравшихся. Он увидел поддержку в глазах Нестан, сочувствие во взгляде Торнике и мольбу во взгляде Тики.

— Суд над человеком, упавшим в яму, будет на нашей совести, — сказал Торнике.

— О том, чтобы подняться, в первую очередь должен заботиться сам упавший, — твердо сказал Лука.

Арчил нервно расстегнул воротничок сорочки. Наткнувшись на отчужденный взгляд Марех, опустил глаза.

Арчил нагнул голову и сдавленным голосом начал говорить:

— Несколько месяцев тому назад я встретил ее в семье своего приятеля. Она каждый раз краснела, когда я приглашал ее танцевать. Танцевала она скованно, молча, и я вдруг почувствовал, что нравлюсь этой женщине. Я удивился. Считая, что я давно уже перешагнул тот возраст, когда мужчина может привлекать внимание молодой женщины, я обрадовался, убедившись, что это не так. Я пригляделся к ней: она была молода, привлекательна, несколько экстравагантна. Когда я отвез ее домой, она не торопилась выйти из машины. Я поцеловал ее, она улыбнулась и смотрела мне в глаза. Она разрешила позвонить ей. Прошел месяц, я не звонил...

Марех взглянула на него с укоризной.

— ...Хотя я всегда помнил о ней и хотел позвонить. Мне что-то мешало. Вскоре она позвонила сама. «Слушаю», — ответил я. — «Это вы, Арчил?» «Да, я?!» Молчание затянулось. «А я думала, что вы узнаете меня...» «Да, я узнал вас, узнал! Как вы поживаете?» «Вы еще помните меня?» «Конечно! Я узнал заш голос». «Вы помните обо мне хорошо или плохо». Голос ее был грустным. «Конечно, хорошо! Где вы, как живете?» «Я дома, и больна по вашей милости». «По моей милости?» — удивленно спросил я. «Вчера я забыла поднять стекло в машине. Ветер дул мне в лицо, шею, в затылок. Я боюсь сквозняков, легко простуживаюсь и стараюсь избегать их. А вчера я думала о вас и за-

была поднять стекло. И сейчас у меня болит горло...» «Ангина?» «Пока еще нет, только горло болит». Я положил трубку, купил в аптеке лекарства и поехал к ней.

Она сама открыла мне дверь. Долго сидели мы, как немые. Потом она сказала мне: «Я сначала подумала, что вы приедете, но потом, раз вы не засыпали меня вопросами нет ли кого у меня, можно ли прийти, будет ли это удобно, я сказала себе, что вы не собираетесь приходить». «Да, я поступил непредусмотрительно». «Потому вы мне и нравитесь». С того дня прошло несколько месяцев. Это был вечный праздник, ни разу не было так, чтобы мне не понравилось что-либо сказанное или сделанное ею. Позавчера мы решили пройтись пешком. Я стоял на троллейбусной остановке на проспекте Руставели и ждал ее. Я был в таком хорошем настроении, что с нежностью гладил деревце, к которому прислонился, а сам поглядывал в сторону выхода из подземки. Сердце мое дрогнуло. Она не видела меня. Счастливыми глазами, полными жизни, она искала меня. Ей повстречался знакомый. Она нетерпеливо оглядывалась, ей хотелось избавиться от назойливого собеседника. Увидела меня, торопливо попрощалась и ускорила шаг. Она не отрывала от меня светящихся глаз. Я обнял ее и подвел к деревцу. «Ты замечала это деревце?» «Нет. Какое оно маленькое...» «Уже сорок лет я знаком с ним, с тех пор, как стал ходить в школу, я почти каждый день вижу его. Оно и тогда было маленьким, когда эти тополя посадили. Сейчас они рядом с ним великаны. Когда я уезжаю из города, то скучаю по этому деревцу. И каждый раз боюсь, что его могут спилить. Когда вижу, что оно на месте — радуюсь». «Подари мне это дерево...» «Дарю и, если уеду куда-нибудь, то буду думать о вас обоих». «Думай только о нас и больше ни о ком, ладно?». Мы долго бродили, показывали и «дарили» друг другу любимые улицы, фонари, дома, заветные места. Потом сидели в кафе. Она сидела, закинув ногу на ногу, держа в руках бокал с шампанским и, слегка прищурив глаза, говорила: «Нет, Ачи, я люблю тебя сильнее.»

В конце концов я привел ее к себе...

Лицо Марех ничего не выражало. Она сидела, при-

жавшись щекой к руке, взгляд ее был устремлен вниз, на стол.

— Я завел ее в свой кабинет. Она прислонилась спиной к стене, ласкающим взглядом окинула комнату потом подошла к тахте и поцеловала мою подушку. Каждый ее поступок, каждое движение казались мне исполненными поэзии. Утром она вышла принять душ. Я взглядом проводил ее, мысленно вошел за нею в ванную и представил, как грациозно она мылась. Переполненный счастьем лежал я и ждал, когда она вернется.

Наконец она появилась в оранжевом халате моей жены. Вытирая волосы, она со смехом сказала: «Твоя жена толстуха, ее халат на мне, как ряса». Сначала меня словно током ударило, потом меня охватила неожиданная злость. Жена! За день я ни разу не вспомнил о ней. Раньше я еще вспоминал, чаще с горечью, как о дорогой вещице, которая не была мне нужна, но с которой трудно было расстаться. Сейчас меня словно молнией поразило упоминание о ней и охватило бешенство. Я весь дрожал. Вскочил и прошел в ее комнату, выдвинул ящик шкафа и снова прочел письмо. «Ачи... Я очень устала, уезжаю, отпуск проведу с друзьями. Не волнуйся, так надо, чтобы нам стало лучше, чем сейчас». Я крикнул сидящей перед зеркалом женщине, чтобы она одевалась. «Я думала, что еще обниму тебя». «Отложим это на другое время». «Не сегодня, не завтра, а в другое время?». Я не ответил ей. Как в волшебном зеркале увидел тот день, когда моя жена, не замечая меня, стояла и читала что-то на столбе у остановки такси. Потом что-то записала в свой блокнот. Тогда я подумал, не собирается ли она разменивать квартиру... Мы поехали, около ее дома я сказал, что уезжаю из города и позвоню, когда вернусь. Я с такой скоростью ехал обратно, словно был врачом, торопившимся к тяжелобольному. Объявления были различными: меняю, продаю, сдаю. Наконец, сам не понимаю почему, но я остановился на этом объявлении, записал номер телефона и, забыв о существовании лифта, пробежал все семь этажей и, даже не закрыв дверь, бросился к телефону...

Арчил замолчал. Долгое время никто не нарушал молчания. Наконец заговорил Дато.

— Батоно Лука, меня очень заинтересовали ваши замечания по поводу уголовного кодекса. Я не знаком ни с кем из юристов, и сейчас меня разбирает такое любопытство, что я не в силах сдержать его. Простите меня, но, может быть, вы скажете, что подразумеваете под «недостаточно строгими» статьями?

— Радость ты моя, палочка-выручалочка, — приласкала Дато Тика.

— Недостаточно строгими?.. К примеру, статья сто двадцать первая. Мужеложество наказывается лишением свободы сроком на восемь лет.

— А что вы предлагаете? — подал голос Арчил.

— Расстрел. Я разве не прав?

Все согласились, сказав, что он безусловно прав.

— А разглашение тайны усыновления? — спросил опять Арчил.

— Штраф в двести рублей, — ответил Лука и насторожился.

— И больше ничего? — удивился Баадур.

— За то же действие с последовавшими за ним тяжелыми последствиями дают от одного года до трех лет.

— Под тяжелыми последствиями имеется в виду самоубийство или побег из дома, не так ли? — вмешался Торнике.

— Вы считаете это справедливым? — переспросил Арчил и взглянул на позеленевшего от злости Зураба.

Немного поколебавшись, Лука негромко, но четко произнес:

— Я заменил бы этот срок пожизненной ссылкой.

-- Я не говорил! — Зураб с такой яростью стукнул кулаком по столу, что женщины вскрикнули.

— Что ты вопишь, — брезгливо, не повышая голоса, сказал Арчил, — но ведь пригрозил. Он знал о твоих делишках, и ты боялся, что он выдаст тебя; ты испугался и опередил его, сначала обвинил в измене, а потом пригрозил...

— Может быть, он случайно проговорился, спьяну... — огорченно сказала Марех.

— Ничего не происходит случайно. Нам, мужчинам,

это на руку, мы часто ссылаемся на то, что были пьяны и ничего не помним, — прервал ее Торнике.

— Твой дружок вышел из тюрьмы и ты прячешься? Ты нашел отличное место, здесь он тебя действительно не найдет, — не унимался Арчил.

Руки Зураба сжались в кулаки, губы посинели. Марех взглянула на Арчила с мольбой. Муж отвел взгляд.

— Пригрозил Зураб, а в тюрьму угодил другой? — удивился Торнике.

— Да, за незаконное ношение оружия.

— Как же узнали, что у него есть оружие, он стрелял в кого-нибудь? — спросил его Баадур.

— Узнали. Как-то на улице его остановила милиция и так быстро обнаружила оружие, словно сама спрятала в его машине. Сколько дают за это, батано Лука?

— Пять... Хватит об этом, мы утомили женщин.

— Калбатано Марех, я заметил около дома заброшенный колодец, пойдете со мной, я брошу туда револьвер, а то, чувствую, не миновать мне тюрьмы, — иронически улыбаясь, сказал Торнике и поднялся. — Я и так хотел выбросить его, а такого удачного случая у меня может не быть.

Марех встала и вышла вслед за Торнике.

Лицо Нестан выражало огорчение и растерянность, отчего она казалась необычайно привлекательной. Дато смотрел на нее искрящимися от радости глазами, потом что-то зашептал сидящему рядом Луке. И он медленно повернул голову в сторону Нестан.

Тика, сказав, что проведает Краваи, вышла из комнаты. Баадур незаметно для других взглянул на Зураба.

Тот сидел, сжав кулаки, низко опустив голову.

Вернулись Марех и Торнике.

— Короче! Я завел этот разговор, чтобы ты держал язык за зубами, не губил ни этого мужика, ни самого себя, ясно? Кинься ему в ноги, чтобы он тебя простил.

— Нечего говорить со мной таким поучительным тоном, — Зураб встал и вышел из комнаты. Скоро он вернулся одетый по-дорожному, держа в руке сумку.

— Уезжаю. Счастливо вам оставаться, не скучайте, поведайте друг другу все о своих героических поступках. А тебе, — он повернулся к Тике, — желаю двойняшек.

Тика от души расхохоталась.

— Дорога плоха, — сказал Торнике.

— Тебе не придется выволакивать меня из сугробов, как-нибудь дойду, — сказал Зураб и вышел, даже не прикрыв за собой двери.

Наступило глубокое молчание. В кресле перед окном сидел Лука, рядом с ним стояли Баадур и Нестан, втроем они грустно смотрели в окно.

— Помните, что он сказал о грусти?.. — нарушила молчание Тика. — Грусть, мол... без цвета и запаха, как вода. Вот откуда его бездушность. Вообще-то интересно, какого цвета грусть. Дато, какого цвета твоя грусть?

Дато ответил ей, улыбаясь:

— Цвета любви, Тика.

— А твоя, Баадур?

— Как яйцо цесарки, в серую крапинку, — почему-то Баадур посмотрел на Нестан, а не на Тику.

— Серого... как же извела тебя тоска... Моя грусть — цвета уходящего солнца, — Лука поднялся из кресла.

— А моя чем-то на вашу похожа, батоно Лука. В конце апреля из моего окна видно, как между двумя многоэтажными домами заходит солнце, даже не касаясь лучами стен. Медленно опускается между серыми домами желтый диск и уносит с собой мое солнце. Когда солнце заходит, мне кажется, что и жизнь кончается. В это время я хочу облегчить душу слезами... Я даже название картине придумала — «Сумерки солнца в городе».

— А теперь представьте ту же картину, только солнце восходит, зажатое между двумя домами. Какая удивительная красота! С какой величавостью поднимается оно и какой бывает минута, когда солнце обнимает небо и землю! И легко, словно песню жаворонка, возносит ввысь душу человека. Если хотите, Нестан,

я нарисую вам картину и назову ее «Утро солнца в городе».

— Большое спасибо, Баадур, — взволнованно сказала Нестан, — и за предложение большое спасибо.

Нестан и Баадур смотрели друг на друга. Лицо Нестан окрасилось легким румянцем, так красит небо румянцем утренняя заря. Чтобы скрыть свое волнение, она обернулась к Тике: — А твоя грусть какого цвета, давайте уж, пусть все скажут.

— Цвета одиночества, — ответила Тика.

— У нее запах заброшенного дома, — задумчивым голосом сказала Марех.

— А мне было не до грусти. Столько горечи было в моей жизни на протяжении последних двух десятков лет, что мне было не до грусти.

— Нельзя столько говорить о грусти, она не простит нам шутливого тона, — серьезно сказал Арчил и добавил: — Моя грусть пахнет волосами Марех и очень мне нравится. — Он вдруг запнулся, уставившись на дверь. Прислонившись к стене, около двери стояла Краван и удивленно смотрела на Торнике. — А теперь спросим у этого ягненка, какого цвета ее грусть.

— Цвета выброшенного в дождь котенка, — сказала Краван.

— Боже мой, что же будет со мной, когда я не смогу видеть вас. Вот когда придет ко мне настоящая грусть... — заскулила Тика.

— Мой адрес и номер телефона знают все. Я всегда буду рада видеть вас.

— Мне почему-то и плакать и кушать хочется одновременно, я не знаю, как мне быть, — засмеялась Краван. — Тетя Нестан, а что бы вы сделали?

— Конечно, покушала бы, — тут же ответила Нестан и присела около нее.

— Тетя Марех припрятала для меня хачапури, я знаю.

— Правильно, припрятала, я сейчас подогрею, — вскочила Тика.

Наступило молчание.

— Мне все кажется, что с вами происходит то же, что и со мной. Мне и радостно и грустно одновременно, сердце в груди не умещается, — сказал Лука.

— Да-да, — проговорил Дато. — Вот и у меня такое состояние... Петь хочется.

— Спой, Дато! А больше никто не поет? — Марех вопросительно оглядела сидящих.

— Я вторым голосом подпою, — предложил Торнике.

— У меня басы получаются, — отозвался Лука.

Чистым первым голосом начал Дато, печальным вторым отозвался Торнике, бархатный бас подал Лука. Остальные притихли. Краваи положила на тарелку надкушенный хачапури и, улыбаясь, плакала горячими слезами. Когда песня умолкла, Баадур поднялся и достал бутылку коньяка.

— Нет, сейчас нельзя не выпить. И мы сейчас должны поднять первый тост за счастье.

Долго сидели они и произносили самые возвышенные тосты. Было за полночь, никому не хотелось спать, никому не хотелось расставаться.

— Я передумал уходить на пенсию. Оказывается, я всю жизнь работал для того, чтобы с помощью телефонных звонков и влиятельных знакомых улаживать дела тех, кому и без моей помощи жилось неплохо. А вот до настоящих людей у меня, как говорится, руки не дошли.

— Батоно Лука, — лукаво улыбнулась Тика, — правда, вы «старик и быстро устаете», но вы должны поведать нам о женщине, как вы говорили, похожей на нас, с которой были знакомы в молодости.

— Ну и интриганка, надо же было вспомнить это, — улыбнулся Дато.

— Не стоит утомлять вас. В сравнении со мной, вы очень молоды, может, и не поймете меня. Сейчас все не так, как во времена моей молодости. Отложим на другой раз, — Лука погладил приютившуюся рядом с ним в кресле кошку.

— Нет, сейчас, батоно Лука, дорогой, сейчас расскажите, — поддержала Тику Нестан.

— Расскажите, дедушка, милый.

— Хорошо, но дайте слово, как только вам надоест меня слушать, сразу скажете мне об этом.

— Обязательно скажем, — с улыбкой согласилась Марех.

— Это давняя история. Тогда я был в возрасте Дато. Еще раньше, в студенчестве, оказывается, я нравился моей ровеснице. Мы вместе учились в университете. Я на археологическом, на юридический я с третьего курса перешел — она на факультете психологии. Изредка мы встречались на улице или во время альпиниад. Несколько раз я видел ее на вечеринках. Мне она казалась существом легкомысленным, а общение с такими меня не прельщало. Как-то на проспекте Руставели она налетела на меня, сообщив, что как раз сейчас думала обо мне. Я усмехнулся, надо же, мол, с чего бы это. Она стала расспрашивать, как мои дела, обошла ли меня эпидемия гриппа. Я ответил, что меня обошла, а у Нани, моей жены, вот осложнение дало. Она захлопала в ладоши: как, мол, хорошо, и у моего мужа осложнение. Этот грипп, оказывается, очень опасен, можем овдоветь, а там нам ничего другого не останется как пожениться. Не сбавляя тона, она поблагодарила меня за согласие, повернулась и ушла. Как-то еще раз мы встретились в метро. Она так представила меня своей подруге, что я чуть от стыда не сгорел. «Ты знаешь, кто это? Это главный персонаж моей новеллы. Новелла называется «Что есть жизнь?» — И со смехом принялась рассказывать ее: «Встречаю знакомого, в которого я тайно влюблена. При встрече с ним у меня сердце готово было выскочить из груди. — Как ты похудел!!! — говорю ему, — Ты таким симпатичным и в студенчестве не был.—Что поделаешь, я на вынужденной диете, — отвечает он.—Что с тобой?—спрашиваю.— Желудок, говорит, болит.—Ай-яй-яй, — посочувствовала я ему. — Я знаю, что это такое. Нет, я сама не болела, но по детям своим знаю. А что у тебя, запоры или...—Запоры, я теперь на овощной диете.—Давно?—спрашиваю его. — Да, уж изрядно, — отвечает он. Мы оживленно говорили еще о колитах и, довольные, расстались».

Хорошая ведь новелла, улыбнулась она мне. Она говорила правду, но я не ожидал, что она будет так надо мной издеваться. После этого, при встречах с ней, я отводил глаза, во всякой шутке должна быть мера.

Я как будто привык к ее выходкам, но все же удивился, когда она однажды в полночь позвонила мне и,

не дожидаясь моего согласия, сообщила, что завтра первым автобусом я еду с ней в Цхинвали. Разумеется, я мог отказаться, она была мне не так уж близка, чтобы считаться с ее прихотями, но каково, а? Отказываться было поздно, да и дел у меня не было никаких, и я решил поехать с ней. Вот с такой легкомысленной женщиной, которая все поднимала на смех, я должен был путешествовать. Я подумал, что она узнала о том, что я купил машину, вот и решила воспользоваться этим.

Когда я приехал на автовокзал, она сидела в зале ожидания так, словно была здесь уже давно. Я спросил ее, что произошло. Она безразлично взглянула на меня и сообщила, что, зная мое доброе сердце, она была уверена, что я приду. И сказала это таким тоном, словно это я просил ее поехать со мной. Удивленно взглянула на меня, когда узнала, что я на машине. Мы проехали почти полпути, но она не издала ни звука. Чтобы не сидеть немymi, я спросил ее об одной знакомой, сборник стихов которой был недавно издан. Она ответила, что читала их. Поинтересовавшись, понравились ли они ей, я услышал, что у нее стихи такие же, как у всех. Как это, спрашиваю, как у всех?

«Если не знаешь имени и фамилии автора, то не поймешь, кем они написаны — мужчиной или женщиной».

Мысль эта показалась мне странной.

«А ты знаешь поэтов, что пишут не как все?»

«Конечно. Бесики, Важа, Илья, Галактион, Гогла... и другие». «Ну, а о прозе что скажешь?»

«Я не очень в ней разбираюсь, но мне нравится такая проза, когда и читать интересно, и за душу берет, и пересказать можно. В сегодняшней прозе часто рассуждают, а действия нет».

Ее самоуверенность меня раздражала.

«Что делать, пока я не услышу другого мнения, придется руководствоваться твоим».

«Благодарю», — с насмешкой в голосе сказала она, и глаза ее лукаво заискрились. Потом она спросила меня:

«Что поделявает твоя археология. Нашел бронзу четвертого тысячелетия до нашей эры, которая свиде-

тельствует о высоком уровне грузинской металлургии?»

«Ты и в этом разбираешься?» Она не знала, а я и не говорил ей, что поменял профессию и целиком окунулся в юриспруденцию.

«Настолько, насколько ты знаешь о создании китайского алфавита. Я повторила сказанное тобой лет десять тому назад».

«Ну и память!.. Нет, не смог найти».

«Если бы очень захотел, то нашел бы».

«Я очень хотел».

«Если бы ты пожертвовал самым дорогим для себя, то добился бы цели».

«Не знаю, я не думал об этом. Автор этой выдумки ты?»

«Да, я пробовала однажды и получилось». Она наклонилась вперед и сказала:

«Проведи рукой по спине, пригладь мех, я хочу облокотиться».

Мне стало смешно, я провел рукой по ее спине и спросил:

«Наверное, она тебе дорого обошлась, раз ты о ней так заботишься».

«Так же, как и ты заботишься о машине, раз печь не включил».

«Она не работает».

«Тогда, извини».

Наступило долгое молчание. Мы уже въезжали в Цхинвали, когда слегка раздраженным тоном она спросила меня:

«А тебе? Во сколько тебе обошлась машина? Видно, ты научился делать деньги?»

Поняв, что испортил ей настроение, я мягко сказал ей:

«Когда подошла очередь, одной тысячи у меня не хватило. Уже не у кого было занимать. Тут я и вспомнил бывшего одноклассника, вот, думаю, кто деньги делает. Позвонил ему, попросил одолжить мне тысячу и пообещал, что пятьсот рублей верну быстро, а остальные, мол, через год. После долгого молчания он сказал мне, что даст мне пятьсот рублей, а остальные,

говорит, не могу, почему мне, мол, знать, что с тобой через год будет».

Неожиданно для меня она расхохоталась.

Мы заехали на базар, ей надо было купить цветы. Я нарочно не спрашивал, куда и к кому мы едем. Я заметил, что все смотрели на нее, особенно мужчины. И я вдруг ощутил, что иногда мужской завистливый взгляд приятен. Мы купили гвоздики, вернулись в машину и поехали по длинной улице. Она остановила меня у высокого здания. Когда мы вышли из машины, она подошла ко мне, взглянула виноватыми глазами и сказала:

«Если услышишь там что-нибудь о себе, не верь и не бери в голову, я прошу тебя».

В приемной больницы она спросила у медсестры, лежит ли еще здесь Хорбаладзе. Та указала нам на второй этаж. Мы вошли в палату. Комната была необычайно длинна. Тут же у входа стоял стул, она указала мне на него глазами. Я сел. У кровати около окна сидели трое. Одна из женщин позвала: «Цицино, иди сюда». Цицино расцеловала пожилую женщину и посмотрела на кровать.

«Лела! Ну, хватит, хватит. Не реви, а то знаешь ведь, махну хвостом и уйду. Ты же знаешь, мне это сделать нетрудно».

Я услышал что-то вроде всхлипа, кажется: «Как я скучала по тебе». До меня доходило учащенное дыхание.

«Чего это тебя так разнесло, что с тобой?»

«Я пью столько лекарств, это все от них. Как хорошо, что ты приехала, а то всю жизнь бы мучилась, что, мол, кто его знает, как она скучала по мне, а я не успела повидать ее. Они думают, что я буду жить, а я обречена. Им страшно смотреть на меня, а все равно говорят, что я хорошо выгляжу, потому и занавески всегда у меня опущены, чтоб я не могла разглядеть себя. Твоя прямота меня больше обнадеживает, чем их красивая ложь».

«Ты знаешь, что я тебе скажу?! Ты хорошо устроилась! Надоело стирать, жарить, варить, бегать по врачам, адвокатам, учителям? Хочешь отдохнуть от свекрови, мужа, соседей. Не получится! Никто за тебя не

станет это делать! Никуда не денешься, тебе надо вставать!».

Я услышала смех, звучащий сквозь слезы, потом слова:

«Сними шубу, а то мне кажется, что ты бежать собралась».

Она перевесила шубу на спинку кровати. Несмотря на возраст, фигура у нее была, как у двадцатилетней девушки.

«А это кто, почему ты меня не знакомишь?»

«Это мои друзья, Иала и ее муж, Гедеон».

«Да, об Иале ты говорила мне».

«Устали они от меня. Мама дежурит возле меня, а готовит диетическую пищу и смотрит за моими детьми Иала».

«Еще немного, а там ты сама встанешь и займешься домашними делами», — вставила Иала.

«Когда я поднимусь?..» — грустно улыбнулась Лела.

«Лела, я не одна приехала. Угадаешь, с кем?»

Все с удивлением оглянулись.

Немного помолчав, Лела спросила:

«Ты помирилась с мужем?»

«Фу-у-у. А ну, подумай хорошенько».

«Анзор?»

«Дурочка, неужели к больной женщине я привезла бы поклонника детских лет? Да еще поэта! Между прочим, он тебе привет передавал. Пусть, говорит, выздоравливает эта плутовка. Не догадалась, эх ты!

«Лука! Лука!»

«Правильно, молодец! Лука, подойди».

Я подошел к кровати.

«Ой, дочка, а я-то думаю, кто этот незнакомый человек», — засмеялась мать Лелы.

Я был готов к худшему, но, увидев больную, вздрогнул.

В голосе Лелы опять послышались слезы.

«Как я рада! Я очень рада, что наконец это случилось. Она еще два года тому назад говорила, что вы непременно будете вместе. Я должна вам сказать это сейчас: на своей свадьбе она плакала, винила вас в своем необдуманном поступке. Когда развелась с му-

жем, говорила, что несчастье ее дочери на зашей совести. Она так молила Бога, — видите, Он услышал».

«Ну, ладно, с чего ты это все вспомнила...»

«Она специально вела себя так вызывающе и беспардонно, в надежде, что вы ее заметите».

«Эй, эй, эй! Куда тебя понесло! Я тебе дам смеяться... Лучше скажи, ты все эти книги сейчас прочла?».

Я сидел ошеломленный. Если признаться, то мы с женой давно потеряли интерес друг к другу, но ради детей терпели, смирились со всем. А Цицино продолжала:

«Сколько у тебя сегодня посетителей... Что тебе принесли? Я так люблю разворачивать свертки. Недавно я к приятельнице зашла и не застала ее. На балконе у двери стоит у них маленький столик. На нем лежало что-то, аккуратно завернутое. Ох, грех ты мой. Я развернула и в руках у меня оказалась старая негодная электроплитка.

«Счастья тебе, дочка», — погладила ее по колену мать Лелы, потом встала и передала ей поочередно все свертки.

Здесь было полно сладостей. Цицино выбрала одно пирожное, надкусила, а потом предложила отведать и нам.

«Попробуйте, как вкусно. Лука, попробуй».

«Когда ты лежала в Тбилиси, было лучше, в перерыв, бывало, забежишь, полакомишься у тебя всякой всячиной, и айда, опять на работу».

«Потому я и переехала сюда, что ты все съедала». Они расхохотались.

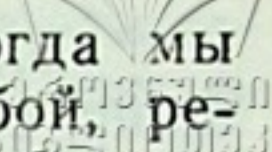
«Счастья тебе, дочка. Я у нее на лице давно улыбки не видела».

«Как я погляжу, Лела, тебе понравилось лежать. Да нет, и раньше было видно, что ты не прочь поваляться. Помнишь, ты на Элбакидзе упала и не встала до тех пор, пока не проверила, не сломались ли в сумке солнечные очки. Минут десять ты лежала. Что, неправда?»

Лела опять рассмеялась.

«Расскажи, как за тобой медведь погнался...»

«Лучше сама расскажи».



«А, не нравится над собой смеяться?.. Когда мы сдали вступительные экзамены, довольные собой, перешли с Арагвского ущелья через Ломисский хребет перейти в Ксанское ущелье. Для этого мы должны были навестить ее бабушку, которая указала бы нам кратчайший путь, по которому до захода солнца мы смогли бы попасть в ближайшее осетинское село. С первыми лучами стала она нас будить. Мы молили не будить, говорили, что сегодня не собираемся в путь. Она заставила нас все-таки подняться, говоря, что собирается показать нам что-то удивительное. В конце сада, на грушевом дереве сидел и лакомился медведь».

«Я и сегодня благодарна ей, что она показала мне эту чудесную картину. Может быть, тебе воды подать?».

«Да, пожалуйста, Цицино.. спасибо.. К вечеру мы пошли с тем, чтобы переночевать у родственников, а на заре двинуться в путь. Мы припозднились, в дороге поддерживали друг друга, старались говорить во весь голос. В конце концов мы осилили подъем. Надеюсь, что быстренько спустимся к деревне, мы почти успокоились. Вдруг что-то зашуршало, за шорохом слышалось движение, а за ним наши вопли: «Помогите, медведь!» Какая там дорога. Не разбирая пути, ошалевшие мчались мы. Вдруг смотрю, Цицино растянулась на земле и не встает...»

«От страха я закрыла лицо руками. Вдруг на меня навалилось что-то тяжелое и я потеряла сознание. Пришла в себя от того, что Лела, заливаясь слезами, целовала меня, — вставила Цицино, — в какой-то момент она сообразила, что мчится одна и вернулась. Оказывается, это дети были. Вот какая Лела у нас, так она умест любить».

«Я так испугалась, не то что тебя, себя не помнила. Я хотела тебе сказать, что не любовь к тебе, а скорее совесть заставила меня вернуться. Мысль о том, что я буду делать, если медведь съест тебя, а не меня, толкнула меня обратно».

«Говорят, совесть хорошая вещь, — засмеялась Цицино и добавила, — когда Лела встанет, мы обязательно должны перейти из Арагви в Ксани».

Иала и Гедеон поднялись и, взяв с нас слово, что мы зайдем к ним, ушли. Мать Лелы обратилась к Цицино:

«Благороднейшая душа у Гедеона, дочка. Он машину собирался покупать, когда с Мерабом произошло несчастье. От машины он отказался, не время, мол, сейчас. С тех пор, как Мераба посадили, Гедеон заботится об их семье больше, чем о своей.

Глаза Лелы опять потухли. Ее мать, видно, не умела вселять надежду, скорее умела сострадать. Было видно, что Цицино не знала, что ей делать дальше.

«Лела, на следующей неделе я возьму отпуск без содержания и на десять дней заменю тетю Марину, а там и ты встанешь».

«А Лука, он отпустит тебя?» — Лела не могла сдержать радости.

«Конечно, отпущу», — сразу же ответил я.

Цицино нагнулась к Леле и тихим, задушевым голосом сказала ей, улыбаясь:

«А я тебе еще кое-кого привезла. Белый, нежный и немного грустный».

Удивленные, взглянули мы на нее.

Цицино встала, раздвинула до конца занавески и улыбнулась Леле. Мы взглянули на окно. За окном тихо и густо шел снег. По щеке Лелы скатилась слеза.

«Мне сейчас кажется, что и я, как снежинка, могу летать в воздухе», — сказала она.

Я не выдержал и, сославшись на то, что хочу покурить, вышел из палаты. Цицино еще долго оставалась там. Измученная, подурневшая вышла она оттуда, двигалась словно манекен. Сочувственно обнял я ее за плечи и, прижав к себе, повел к машине. Усталым голосом она попросила ненадолго заехать к Иале.

У них уже был накрыт стол. Когда мы сели за стол, она намекнула, что блюда здесь как раз по мне. Заметив на столе фасоль и капустный салат, я улыбнулся ей. Цицино сказала Иале, что, не желая портить настроение Леле, она сказала про нас неправду. «Мы с Лукой только хорошие знакомые». Задумчиво, словно прося прощения, Иала попросила оставить Гедеона в неведении. «Если можно», — просяще добавила она. В это время с вином в руках вошел Гедеон. Цицино попросила рассказать, что говорят врачи о состоянии Лелы.

«Да что говорить, положение серьезное. У нее что-

то с позвоночником. Она встать не может. Это ужасно! Давайте не будем об этом. Вы мои гости, давайте забудем о неприятностях».

Гедеон наполнил стаканы. «Позвольте мне сначала выпить за причину, которая привела вас сюда. Мы люди сильные, выносливые. За то, чтобы наша сила передалась Леле и помогла ей одолеть недуг».

Мы молча отпили вина. «Гедеон, эти кувшины ты сам делаешь?» — спросила Цицино.

«Да».

«Они похожи на печальных женщин».

Гедеон посмотрел на нее благодарным взглядом: «Выберите, какой вам понравится».

Цицино встала, выбрала и отложила один кувшин и снова села. Я заметил, какие у нее изящные движения.

«Иалу ты рисовал?»

«Да. Давно это было, тогда она была красива».

«Она и сейчас красива».

Гедеон снова налил нам вина и предложил тост за гостей и хозяев дома, за дружбу грузинского и осетинского народов, заставил выпить и женщин, сказав, что вино развеет их грусть, приободрит их.

«Иала, ты дашь мне отросток одного из твоих цветов? Сколько их у вас, оказывается. Тот, что на ирис похож, мне больше всех нравится». Иала подошла к цветку, отломил веточку и положила рядом с кувшином.

«Это из Рачи. Давным-давно привез».

Цицино улыбнулась.

«Ты потрясающий человек, Гедеон!»

«Точно», — улыбаясь, согласился он и, заметив, что бокалы пусты, вновь наполнил их.

«По дороге сюда я заметила одно дерево. Его ветви странно изгибались, принимали прямо невероятные формы. Интересное это было дерево, но я бы у себя во дворе его не посадила. Оно было похоже на разъяренную женщину. Вы не знаете, что это за дерево?».

Я не знал. Оказывается, пока мы с ней ссорились, она все замечала и обо всем размышляла. Я-то думал, что эта женщина занята только собой.

«Я узнаю, что это за дерево», — пообещал ей Гедеон.

«Я буду тебе очень благодарна».

Цицино обращалась к Гедеону на «ты», а он на «вы». Удивительно, что это не резало слух, напротив, придавало общению мужчины и женщины оттенок почтительности.

«Как говорится, лучше позже, чем никогда. За ваш, хоть и поздний, но прочный союз, согласия вам до глубокой старости. Очень уж вы похожи друг на друга, а это признак того, что вы будете счастливы. За вас!»

Я посмотрел на Цицино и меня охватило такое чувство, словно в темной комнате зажгли свет. Лицо ее вспыхнуло, молящими глазами смотрела она на меня. Выпитое вино смягчило черты ее лица, глаза наполнились теплотой. Она безмолвно о чем-то просила меня. Я догадался о чем, потому встал, взял в руки бокал и, поблагодарив за сказанное, с удовольствием выпил. Она улыбнулась, и глаза ее мерцали, как светлячки. Изумленный, я подумал о том, как часто меняется облик Цицино. Цицино молча отпила вино. Иала насторожилась. Прислушались и мы.

За дверью сначала послышался топот, потом дверь открылась и в комнату вошел мальчик с покрасневшим от холода лицом. Иала, спрашивая, где же он пропал, сняла с него заснеженное пальто, вытряхнула за дверью, высушила мальчику волосы и ввела в комнату. Мальчик лет семи был красив и похож на отца.

«Это наш Мириан», — в голосе Гедеона звучала гордость. Мальчик поздоровался, присел к столу. На этот раз я сам разлил вино в бокалы и с позволения хозяина дома предложил выпить за детей. Цицино выпила за мальчика и сказала мне:

«Если ты так детей любишь, своих не забывай. Уже стемнело, нам пора ехать».

«Ничего не случится, если вы поедете утром. Завтра воскресенье. Вы, женщины, посплетничаете, а мы выпьем, поговорим», — сказал Гедеон.

Иала шутливо заметила:

«Женщины — сплетничают, мужчины — беседуют, не так ли?!» Потом она обратилась ко мне: «Гедеон прав, останьтесь, пожалуйста, я прошу вас».

«Будь что будет. Хозяева дома у нас чудесные, вино изумительное, мы с удовольствием останемся», — тотчас же, не задумываясь, ответил я.

«Мужчины правы, Цицино, давай поговорим. Лука пьет, ему за руль нельзя садиться».

«Лука, я очень хочу поехать».

«Я все делал по-твоему, теперь моя очередь. Я очень хочу остаться здесь», — твердо сказал я.

Цицино умолкла. Мы с Гедеоном продолжали пить вино. Женщины подсели к камину. Я частенько поглядывал на Цицино. Каждый раз, когда я смотрел на нее, сердце обдавало теплой волной, на глаза почему-то набегали слезы. В белой кофточке на фоне огня она выглядела необычайно. Мне казалось, что я знал ее всю жизнь. При взгляде на нее меня охватывало такое чувство блаженства, как, должно быть, бывает у родителей при встрече с сыном после долгой разлуки. В эти минуты я очень любил ее. Иала что-то говорила, они улыбались. Там же, у камина, на лежанке спал Мириан. У меня было ощущение, что этот уютный мир я уже видел, когда-то жил в нем.

Было за полночь, когда мы встали из-за стола. Я вошел в спальню, остановился у окна. За окном шел и шел снег. Я переживал такое чудесное преображение, был в таком настроении, что готов был целовать каждую снежинку. Я ждал Цицино, и мое ожидание было тихим и сладким, я не торопился. Вошла Иала, постелила постель, выключила верхний свет, включила бра, положила ночную рубашку на подушку. Иала, словно извиняясь, улыбнулась мне и вышла, пожелав покойной ночи. В открытую дверь я видел задумчивое лицо Цицино. Она прибирала со стола. Чуть погодя дверь открылась. Я оказался перед ней прежде, чем она вошла в комнату. Она спокойно взглянула на меня, прислонилась к двери. Я обнял и крепко прижал ее к груди. Она не ответила на мое объятие и стала от этого еще ближе мне, еще желанней. Долго стояли мы так, потом я сказал ей тихо:

«Мне кажется, что мы всю жизнь вместе».

Я подвел ее к кровати и посадил, сел на пол и, обняв за ноги, положил голову ей на колени.

«Ведь все, что говорила Лела, правда?»

«Да, тогда это было правдой».

«И сейчас ведь правда».

«Сейчас нет».

Она говорила тихо, но можно было почувствовать гордость в ее словах. Я сел рядом с ней, взял ее за подбородок и повернул к себе. Она взглянула на меня. В глазах ее был невозмутимый покой.

«Почему ты скрывала, почему ты не подсказала мне?»

«Ты не хотел, потому и не догадывался. Знаешь, ведь если человек не захочет, то и камня на берегу не заметит. Лука, я не собиралась устраивать тебе западню».

«Я сам камень».

Я снова обнял ее, она воспротивилась.

«Почему ты такая?»

«Я не верю тебе».

«Дурочка, кому ты не веришь, ведь ты и я это одно целое. Ты сама себе не доверяешь?»

«И себе не доверяю».

Я засмеялся, мне было смешно, но объяснить свой смех я считал ненужным. Я гладил ее по голове, ласкал. Я заметил, нет, не заметил, а почувствовал, что она стала мягче, податливее. Я опять опустился на пол, стал целовать ее колени. Она провела рукой по моим волосам, потом рука очутилась на шее, под сорочкой. У нее была гладкая маленькая рука, легкие пальцы. Я замер. Никогда, ни с какой другой женщиной не чувствовал я такого блаженства. Я опять крепко прижал ее к груди, потом надолго прижался к ее губам. Она едва ответила мне. Если бы в меня ударила молния, я ничего бы не ощутил. В висках стучало, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Легко и мягко, как кошка, выскользнула она у меня из рук. Она стояла и смотрела в окно на летящие хлопья снега, а я еще чувствовал у себя на плече ее голову и на шее ее пальцы. Я лег на постель, заложил руки за голову и принял весьма категоричное решение. Она должна быть моей,



мы должны жить вместе. Я сам себе удивлялся, я не торопился лечь с ней в постель, а только жаждал ее любви.

«Ложись, отдохни, уже за полночь», — тихо позвал ее. Она обернулась, посмотрела на меня, о чем-то попросила взглядом. Я встал, подвел ее к постели и усадил, снял с нее сапоги. Потом укрыл ее одеялом и прислонил спиной к стене. Она благодарно прижалась носом к моему плечу. Я больше не мог бороться с собой, она почувствовала это и спокойным голосом спросила меня:

«Значит, ты считал, что у тебя нет сильней мечты, чем найти в земле какую-то бронзовую статуэтку?»

«Есть, у меня есть».

«Тогда пожертвуй ею, и это поможет тебе».

«Ты мне дороже всего. Я не могу пожертвовать тобой», — чуть ли не вслух подумал я.

«Я очень хочу, чтобы Лела поправилась. И я пожертвую Богу свою сокровенную мечту, может быть, она выздоровеет. Тебе ведь очень жаль Лелу?».

Я ответил, что очень.

«Мне и детей очень жаль. Давеча Иала говорила мне, что у них такие печальные глаза, что смотреть на них у нее нет сил».

Голос ее, полный слез, задрожал.

«Мальчики у нее или девочки?»

«Мальчик и девочка — десяти и двенадцати».

Мы сидели рядом, прислонившись друг к другу, но я почувствовал, что теперь Цицино навсегда потеряна для меня.

Окно было залито тоскливым светом, как бывает обычно на рассвете.

Мы долго сидели молча.

«Ты хочешь спать?» — спросила она.

«Не хочу», — ответил я.

«И я не хочу».

Она встала, надела сапоги. Достала из шкафа шубу и мою куртку. Написала что-то на листке и положила его на стол. Потом взяла меня за руку и мы на цыпочках направились к прихожей. Взяла кувшин и веточку. Когда мы вышли во двор, она громко сказала мне:

«Все равно нам не спится, лучше уж тронемся по-тихоньку».

В дороге она заснула. Я осторожно вел машину и понимал, что никогда не забыть мне этой женщины.

Наступило молчание.

— Поразительно, но историю эту я уже слышала много лет тому назад, — дрожащим голосом промолвила Нестан.

— Наша земля так невелика, что и не зная друг друга, мы знаем друг о друге все, — задумчиво проговорил Арчил.

Лука, заволновавшись, встал и, тяжело ступая по лестнице, поднялся в библиотеку.

Наутро, объявив, что положенные ему десять дней истекли, Дато начал собираться. Его проводили до калитки. Договорившись, что в Тбилиси они встретятся, Дато расцеловал всех и пошел вниз. В поселке он нашел водителя автобуса и взял с него слово, что тот поднимется в деревню и заберет оттуда всех, кто захочет уехать.

На другой день Торнике, Тика и Краваи объявили, что хотят поехать еще куда-нибудь и... уехали.

На третье утро, услышав шум автобуса, заволновались Лука, Марех и Арчил, начали собираться. За ними потянулся Баадур. Оглядев комнату, увидел Нестан, прислонившуюся к стене. Опустил сумку на пол и склонился у почти погасшего камина, подбросил дров, поднялся, поднял с пола сумку и вышел из комнаты.

Нестан стояла на пригорке возле дома и провожала всех взглядом. Когда она обернулась, дом ей казался скучным, хмурым и некрасивым, словно домик на рисунке, сделанном художником-ипохондриком. Недвижимым казался даже дымок над крышей. Она снова посмотрела вниз, ей махали рукой. Вдруг она почувствовала жалость к себе и удивилась этому чувству и слезам, которые, как жемчужные бусинки, посыпались одна за другой из глаз. И сквозь слезы она не могла разобрать, то ли ей показалось, то ли действительно один из четверых повернулся и стал подниматься в гору.

Перевод Веры АПОЛИНСКОЙ



Роман **МИМИНОШВИЛИ**

ПРОГНОЗИРУЯ БУДУЩЕЕ ДЕРЖАВЫ...

Говорят, прогноз — неблагоприятное дело, и говорят так большей частью в отношении спортивных соревнований. Тем не менее все же приходится делать прогнозы относительно будущего страны, исходя из анализа происходящих исторических процессов, чтобы определить основные направления политики. Конечно, они не всегда оправдываются, как и прогнозы погоды, ибо анализ происходящих процессов и внутреннего механизма, вызывающего эти процессы, не всегда точен. А уж социальные, экономические, политические движения изучаются слишком поверхностно, эмпирически (без учета миллиарда вариантов их возможного переплетения) для того, чтобы давать точные прогнозы. Еще хуже, когда эти сложнейшие взаимоотношения подгоняются под заранее составленную схему, корректируются ею. Поэтому политические прогнозы, сделанные даже гениальными умами, не всегда оправдываются. Одно дело, когда эти прогнозы делаются в интересах науки и не являются судьбоносными для человечества, а другое, когда их «осуществляют» силой. Даже Маркс, Энгельс, Ленин не смогли предвидеть будущее человечества, предсказывая гибель капитализма и торжество социализма. Не удивительно поэтому, что мы с сомнением относимся к прогнозам доктора философских наук Эдуарда Володина, или, как он считает, к «реалистическому прогнозу», сделанному в статье «Новая Россия в меняющемся мире» («Литературная Россия» от 26 января 1990 г.). Но дело не в безобидном прогнозе, а в той

политике, которая может понадобиться для его «осуществления», а она не так уж безобидна.

В самом начале статьи звучат нотки сожаления по поводу крушения империи, «великой державы»: «Горько и трудно начинать эту тему. Горько и тяжело оттого, что нам выпало тяжелое бремя причастности к разрушению великой державы, какой является Союз республик, и сверхдержавы, бывшей центром того, что называлось лагерем социализма».

Автору мыслится СССР как продолжение Российской империи, — это видно из того, что дальше он говорит о доме, который строился целое тысячелетие: «Режут по живому и ломают дом, который строился не с 1940-го или с 1917 года, а более тысячелетия».

Как это понять: царская Россия — «тисрьма народов», «жандарм Европы», и Советский Союз — «центр лагеря социализма», — это одно и то же, один дом или два дома, один, построенный на развалинах другого, «на обломках самовластья»?

В свете этого неудивительно, что автор определяет стремление к суверенитету союзных республик как сепаратистское движение, как «окраинный национализм»: «Сепаратистские процессы идут по всем западным и южным границам Советского Союза. Национализм верховодит в этих политических движениях, и проблема отделения уже поставлена в качестве политического лозунга и практического действия». В этих движениях он видит ярую русофобию, за что «националистам» придется держать ответ перед историей: «Сопряженность национальных движений на окраинах с самой яркой русофобией...»

Вероятно, под «окраинами» мыслится и Грузия («Окраина» — по отношению к чему, к какому «центру»?). Ничего не могу сказать о других республиках, ибо не верю нашей прессе, утверждающей, что существует русофобия в Прибалтике, Молдавии и т. д., не верю потому, что по опыту нашей республики знаю, как некоторые журналисты из кожи вон лезут, чтобы найти то, чего нет — русофобию в Грузии, но уверен в другом: кому-то нужно настроить русский народ против других республик.

В чем эти деятели видят русофобию?

В стремлении к защите своих национальных интересов, родного языка и культуры. Волна негодования обрушилась на прибалтийские республики, Молдавию, как только эти республики Законом о Государственном статусе языка постарались ликвидировать фактическое неравенство языков коренного на-

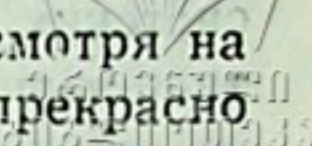
селения и русского. В защите прав языка коренного населения увидели ущемление прав русского языка. Да, в какой-то мере ущемление — ограничение безраздельного его господства. Но ведь это естественно: суверенная республика, если она является государством, если это ее конституционная гарантия, должна говорить на языке коренного населения и, не пспирая прав граждан и гостей республики, обращаться к любому другому языку, практически, естественно, к самому распространенному в республиках — русскому. «Защитники интересов русского народа» ограждают русскоязычное население, постоянно проживающее в других республиках, от необходимости изучать язык коренного населения, уважать его историю и культуру. Они не видят, что таким образом делят людей на первостепенных и второстепенных. Они считают, что утверждение конституционных прав языков республик ведет к дискриминации русского языка. Вот что пишет наш философ: «Лидеры фронтов уже разделяют жителей республик по национальному признаку на полноценных и недочеловеков».

Автор обвиняет «центр», который в ущерб интересам русского народа занимается «странным миротворчеством» — не подавляет национальные движения (видимо, он уверен, что русофобию можно подавить силой). Почему уважаемый философ не задумывается о том, что «центр» и Россия в сознании «окраин» и его самого, русского философа (выступающего с позиции «центра» уже в силу того, что другие республики называет «окраинами») отождествляются. Может быть, все, что происходит в республиках, это не русофобия, а реакция на жесткую и не совсем «миротворческую» политику «центра», проводимую в течение тысячелетия, которое, как отмечает автор, потребовалось для создания державы? Тогда при чем здесь русский народ? Почему сваливать имперские грехи на народ? Почему автора удивляет, что в республиках (на «окраинах») не жалуют деятелей, оплакивающих распад «великой державы», в сущности, авторитарного государства? Вот как рассуждает уважаемый философ: «Что до русофобии, то здесь я касаться ее не собираюсь, хотя скажу, что она заметно поубавилась бы, если бы «центр» не занимался странным миротворчеством, которое больше похоже на игру в поддавки за счет национального достоинства России и русских. Да, собственно говоря, нам ли обращать внимание на злобные выходы окраинных националистов, когда за нами история и знание роли России в сохранении тех народов, нынешние националистические лидеры которых исходят злобой из-за этой же

истории и из-за этого же знания? И не с нашим опытом исторической жизни отвечать тем же провинциальным бонапартам — не они же представляют народы, с которыми мы столетиями устраивали страну и защищали державу».

«Провинциальные бонапарты» как-нибудь переживут насмешку «центрального» автора, ибо они давно наслышаны об исторической миссии «Третьего Рима» — Российской империи, спасшей народы от уничтожения. Да, Российская империя спасла народы от скажем, отуречивания, но сама делала все для их обрусения. Так что, эти народы не строили добровольно державу столетиями, а невольно способствовали созданию «тюрьмы народов». И это надо знать и помнить, конечно, не забывая и о добре, посеянном русским народом.

Уважаемый философ рассуждает, исходя из постулатов советской историографии, утверждающей, что все народы стремились к присоединению к России. На примере Грузии этого не скажешь. Даже агрессивно настроенные по отношению к Грузии Турция и Иран не позволяли себе односторонне нарушать свои договоры о военном союзе или протекторате, не посылали негрузинских ханов и «наместников» в качестве правителей страны, не навязывали свое государственное устройство. А единоверная царская Россия вероломно нарушила договор 1783 года и в 1801 году аннексировала Восточную Грузию. Александр I в своем Манифесте лицемерно объяснил этот варварский акт желанием грузинского народа. О каком желании может идти речь, когда генерал Лазарев, нагло вторгшийся в покои последней царицы Мариам, дабы вынудить ее незамедлительно переселиться в Петербург, был поражен кинжалом в самое сердце? О каком желании народа можно говорить, когда в течение столетия не прекращалась освободительная борьба грузинского народа, утопляемая в крови? Мы знаем, какие донесения делали до акта аннексии не только русские военные и политические деятели, доказывающие важное стратегическое значение Грузии для империи, но и многие ученые, члены Императорской Академии наук о полезных ископаемых и природе Грузии. А как была присоединена к России остальная Грузия, ее западная часть, после акта 1801 года? Царь Имерети и владетельница Гурийского княжества были вынуждены искать убежище в Турции, владетельница Мегрельского княжества, владетельные князья Абхазии и Сванэти были выселены в Россию... Говорить о том, что царское правительство хотело спасти Грузию, не приходится: оно не воспрепятствовало опустошительному нашествию Ага-Магомет-



хана в конце XVIII века, наоборот, поощряло его, несмотря на свои союзнические обязательства! Иранский шах прекрасно знал, что он будет бороться с Грузией, брошенной ее протектором — Екатериной II. Царские чиновники не препятствовали туркам в позорной работорговле, которой они занимались в Грузии, более того — они «очищали» Черноморское побережье Абхазии и Аджарии, южные провинции Грузии от коренного населения, переселяя сотни тысяч людей в Турцию и подготавливая почву для колонизации «свободных» земель. Характерен такой факт: часть абхазов была вынуждена покинуть родину. На фелюгах они причалили к турецким берегам. Там по ним открыли артиллерийский огонь, тогда они вернулись в Сухуми, но русский гарнизон оказал такое же «гостеприимство», и уцелевшие люди в конце концов нашли пристанище в Аджарии, где и поныне живут их потомки. Об этом эпизоде хотел рассказать народный депутат СССР Вахтанг Шамиладзе на II съезде, но ему не дали слова, и он был вынужден официально сдать текст выступления.

Не буду подробно останавливаться на повторной аннексии Грузии в 1921 году, осуществленной уже большевистской Россией. Скажу только одно. Социально-экономическая жизнь, которой жила независимая Грузинская Демократическая республика, во многом напоминает наши перестроечные реформы, достаточно сказать, что с самого же начала грузинская валюта была конвертируемой... Вот более 70 лет мы ждем, когда же советский рубль достигнет того же уровня! От чего нас «спасло» советское правительство — это от «контрреволюционеров», «троцкистов», «кулачества», от интеллигенции, их детей и внуков, десятками и сотнями тысяч репрессированных!

Не забывая о добре, о котором много писалось, мы должны помнить и о зле, к которому, естественно, не причастен русский народ, терпящий не меньше бед и лишений. Мы знаем и помним, что мы братья не только по счастью, но и по несчастью.

Э. Володин не ограничивается философскими рассуждениями по данному вопросу, но и прибегает к определенной угрозе. Это настораживает: «Сейчас самое ответственное дело — не позволить окраинным националистам разделить по сортам население республик. Отделятся ли Прибалтика, Закавказье или иные регионы, никто, кроме России, не может остаться гарантом равноправия народов или их представителей в нынешних пока еще союзных республиках. «Центр» здесь не помощник, иначе не допустил бы принятия республиками ра-

систских законов... Только Россия способна, применив политико-экономические и иные (?) средства, создать свои представительства в национальных союзных республиках и не позволить националистам возвести расовую теорию в политическую доктрину».

Трудно понять, о каких «расистских» законах идет речь, но совершенно очевидно одно: автор хочет, чтобы Россия, на правах старшего брата, показав свои мощные бицепсы, хорошенько отшлепала младших братьев, используя для этой цели не только политические и экономические средства, но и нечто другое (привычное?). И этот человек говорит о каком-то «республиканском расизме»? Не «центр», а сама Россия силой должна заставить республики издавать законы, которые автору не покажутся «расистскими»? Какие законы он имеет в виду? О языке? О применении всесоюзных законов в республиках? О переходе на республиканский хозрасчет и самофинансирование? О гражданстве республики? Какая из республик приняла закон, ущемляющий права людей, признающих себя гражданами республики или ее гостями, ставящий кого-то выше по национальному или расовому признаку? Я такой республики не знаю. Создается впечатление, что автор создает образ врага, чтобы против него настроить русский народ, который, естественно, в силу своего природного благородства не может примириться с несправедливостью. Нельзя так играть на чувствах людей!

Автор чувствует, что негодование русского народа будет неполным, если ему не сказать о том, как республики грабят его богатства: «Десятилетиями дотации из бюджета России в бюджеты союзных республик шли для «ликвидации фактического неравенства», пока успешно не обессилили донора. А обессиленный разве кому выгоден и интересен? Вот одна из объективных причин появления окраинного национализма, вот одно из объяснений того, что национализм ставит вопрос о развале СССР».

Наконец-то наш философ докопался до истины! Но истина ли это? Безусловно, Россия, самая богатая из республик, понесла больше потерь, но не другие республики прикармливали богатство русского народа. Пресловутый всесоюзный экономический комплекс, гонка вооружений, ассигнование международного социалистического движения, карибский кризис, дорогостоящие строительства в Египте, Индии, в других странах, афганская война, покорение космоса и т. д. тяжелым бременем легли не только на могучие плечи России, но и на

более слабые плечи «младших братьев». Надо развеять миф о том, что Россия кормила «иждивенцев» в лице республик, во всяком случае, это никак не относится к Грузии. Любопытен анекдотический случай: когда в Грузию приехал Н. С. Хрущев, в фойе нового Дворца спорта засыпали опилками пол, чтобы скрыть, что он выложен плитами местного мрамора, который подлежит вывозу из республики, может быть, для станции столичного метро! За годы советской власти на валюту был вывезен практически весь марганец наилучшего качества, по неполным и заниженным данным на сумму свыше 200 миллиардов долларов! А это, учитывая реальное соотношение доллара и советского рубля, в пять раз превышает бюджет Грузии за 70 лет! Значит, и мы были «донорами», да и другие республики тоже? Да, были, но неизвестно, чьими. Вот это и есть истинная причина того, что так дальше жить нельзя, надо оберегать и Россию, и Грузию, и другие республики. Вот почему ставится вопрос, что СССР должен стать совершенно иным содружеством наций.

Но наш автор рассержен, он сам рассердил себя и хочет рассердить Россию, чтобы она мстила «неблагодарным» республикам: «Не приведи бог заключать России в будущем какие-либо военные договоры с новыми государствами — бывшими союзными республиками. Это будет основанием для дальнейшего политико-экономического шантажа, а не дело России продолжать старые и безнадежные игры». И дальше опять угроза: «Россия остается материком, евразийским континентом со всеми сырьевыми запасами и промышленным потенциалом, интеллектуальной мощностью и, если надо напомнить, ракетно-космическим комплексом и оснащенной передовой техникой армией».

Россия, по мнению автора, должна забрать себе весь космический комплекс, ракеты с ядерным потенциалом. А как же другие республики, тоже принимавшие участие в их создании, а как же ядерные испытания, проводимые не в России и принесшие много экологических бед другой республике? А как же военные полигоны пусть меньшего масштаба, разрушавшие, например, памятники грузинской культуры? Чем можно возместить эти потери?

Автор, видимо, готов, скрепя сердце, примириться с мыслью о выделении из СССР некоторых республик, но Россию представляет себе как неделимую на «удельные княжества» современную РСФСР. По его мнению, башкиры, калмыки, северокавказские народы — это «российские народы». Конеч-

но, дело самих этих народов решать свою судьбу, но считать их «российскими», по меньшей мере, некорректно. Ведь Северный Кавказ был завоеван огнем и мечом в XIX веке, не говоря о более раннем завоевании Сибири и Дальнего Востока. Почему уважаемый философ хочет во что бы то ни стало сохранить империю, не спрашивая об этом мнения «российских народов»? Силой их, конечно, можно удержать (благо, есть опыт!), но правильно ли это?

Дочитав до концаopus уважаемого философа, его «реалистический прогноз», мы невольно подумали и о будущем нашей республики. Каким его можно представить в свете приведенных выше рассуждений? Никаким! Не будет никакого будущего, если у уважаемого философа появится много последователей. Что он не единственный в своем роде пророк нетрудно убедиться, прочитав некоторые другие публикации в «Литературной России», но, к счастью, не все русские и не все советские люди «философы». Большинство, подавляющее их большинство — это люди труда, благородные, любящие ближнего своего, и они не допустят разгорания имперских амбиций, сделают все для перестройки огромного государства на благо всех народов, всех республик, суверенных, свободных. Так и будет!



Валериан АДВАДЗЕ

Истина: историческая и сегодняшняя

I

Процесс перестройки вызвал в нашей стране и в парламенте исторического значения борьбу, которая должна привести к ликвидации унитарного государства и к построению на его руинах содружества по-настоящему свободных суверенных равноправных государств.

Борьба эта — одна из составных частей текущего мирового исторического процесса. Империи пали. Бывшие колонии приобрели независимость. Народы, в недалеком прошлом еще жившие в джунглях и, естественно, не имевшие государственности, обрели ее. Этот исторический процесс приближается к концу. Мы опоздали.

Начался другой процесс — интеграция суверенных равноправных государств. Наша страна отстала и тут. Результатом этого и можно считать то, что национальный вопрос в СССР обрел особую напряженность.

К сожалению, в центре не хотят видеть истинных причин обострения национальных конфликтов в нашей стране. Чаще всего их связывают с ухудшением экономического положения людей, что в корне неверно. В то же самое время ясно, что если не установить истинные причины тяжелой ситуации, сложившейся во взаимоотношениях народов в нашей стране, мы не найдем выхода из создавшегося положения.

К сожалению, и платформа КПСС в области национальной

политики создана в основном на старых стереотипах, что является прямым следствием консервативного мышления. Это не тот документ, который должен был быть создан на современном этапе мирового развития в условиях демократизации и гласности, революционных преобразований советского общества.

Лично для меня ясно, что решения сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС и принятое на их основе Верховным Советом и вслед за ним Съездом народных депутатов постановление не смогут решить национального вопроса в стране, и надо ждать новых социальных и национальных опышек. Решения, которые не учитывают объективной реальности, остаются на бумаге, жизнь же идет своим путем.

Мое мнение о «платформе» вообще таково: центр осознал, что народы, населяющие союзные республики, не хотят жить по-старому, управлять же ими по-прежнему он не может, поэтому он и вынужден что-то предпринять, поэтому он и обратился к косметике, которую выдают за радикальную перестройку. На самом же деле в этом документе нет и следа радикальных перемен, не сделано ни одного шага на пути решения проблемы. И в нынешней катастрофической ситуации это не более, чем самообман.

Проект платформы не был даже рассмотрен на пленумах союзных республик, а его обсуждение в прессе прошло старыми методами — он был принят «целиком и полностью». Многие даже приводили аргументы в защиту унитарности государства, приоритета законов федерации по отношению к ее субъектам... «Думается, нет нужды доказывать, что в едином многонациональном государстве должно существовать верховенство союзного закона. Вне этого существование единого государства бессмыслица». («Правда», 19 августа 1989 г.).

В статье «Нужен закон о федерации» («Правда», 20 августа 1989 г.) декан юридического факультета Московского государственного университета М. Марченко писал, что принцип приоритетности федерального закона в отношении субъектов федерации — общепринятый принцип как в социалистических федерациях, так и в несоциалистических, как бы ни назывались субъекты федерации: союзными республиками, штатами, краями, кантонами и др.

Но как можно поверить в то, что доктор юридических наук, профессор М. Марченко не видит разницы между входящими в состав СССР суверенными государствами — союзными республиками, с одной стороны, и всякими штатами, ок-

ругами, краями и кантонами как административно-территориальными единицами — с другой. Так в чем же состоит уникальность Союза ССР, о которой так много кричат в центре?

В выступлениях на Первом и Втором съезде народных депутатов, а также и на сессиях Верховного Совета ясно прослеживаются две линии: одна — центристская, позиция защитников унитарного государства, пронизанных страхом перед развалом федерации и требующих ее укрепления. Они агрессивны по отношению к республикам, ратуют за законы, общие для всех, превыше всего ставя интересы «державы». Вторая линия прослеживается в выступлениях большинства депутатов из союзных республик, в которых речь идет о исторических, географических, национальных особенностях народов, звучит протест против подхода с одинаковыми мерками ко всем народам.

II

Если мы не признаем исторической правды, нам не решить сегодняшних проблем, прочное здание федерации невозможно строить на лжи. Историческая же правда состоит в том, что создание советской федерации не было следствием добровольного волеизъявления народов. Оккупированная в 1921 году независимая Грузинская Демократическая республика не могла по своей доброй воле в 1922 году войти в состав Союза ССР. То же самое можно сказать и о прибалтийских республиках. На договоре 1922 года вообще отсутствуют подписи их представителей. И таким образом, утверждение о том, что они подтвердили свою верность этому договору (несмотря на отсутствие подписей), и вхождение их в СССР в 1940 году произошло по доброй воле и желанию народов — это не только сокрытие исторической правды, а и явная ложь.

Но далее. Достигнуты ли были те цели и задачи, которые были поставлены перед советской федерацией при ее создании? Частично, да. По сравнению с 1922 годом во всех союзных республиках наблюдается экономический и культурный прогресс. Но есть и другие примеры для сравнения: развитые капиталистические страны, соседствующие с союзными республиками, небольшие капиталистические государства, в которых экономика в целом, уровень жизни населения неизмеримо выше, чем у нас. И вместе с тем никакой надежды на то, что мы их когда-нибудь догоним.

Возникает и другой вопрос: какой ценой достигли мы тех успехов, которые у нас есть по сравнению с 1922 годом? Ценой потери суверенитета республик, ценой массовых репрессий, гибели миллионов невинных людей, ценой нравственного перерождения общества, уничтожения природы.

Крайнее обострение экономических, экологических, социальных и демографических проблем во всех союзных республиках, экономический и политический кризис, которые переживает вся страна — также являются следствием унитарности советской федерации. Мы целиком согласны с тем положением «платформы», в которой говорится, что залогом прочности нашей федерации является абсолютно «добровольное объединение» союзных республик в единое союзное государство. Но, как уже было сказано, «абсолютно добровольного объединения» не было, да и не могло быть в 1922 и 1940 годах. Но думает ли центр осуществить этот принцип доброй воли сейчас, заключить новый договор? Нет и нет! Договор 1922 года открытый и имеет юридическую силу, утверждает он. Никаких новых договоров (хотя на старом нет подписей ряда республик)! Может, это страх, что некоторые республики не захотят заключить такой договор? Но где же в таком случае «добрая воля»? И даже если бы договор 1922 года был добровольным и устраивающим все стороны, неужели за 70 лет ничего не изменилось в нашем столь изменчивом мире, неужели не могли возникнуть обстоятельства, требующие пересмотра этого договора? Разве истории человечества известны «вечные договоры»?

Идут бесконечные разговоры о восстановлении ленинских принципов самоопределения наций и даже в полном их значении. Но в чем это должно выразиться — на это ответа нет. Высказывания типа: «преобразуем советскую федерацию, наполним ее реальным политическим и экономическим содержанием» остаются пустыми фразами, лозунгами.

После сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС мы часто слышим от руководителей страны: «Давайте жить в настоящей советской федерации. Мы ведь в ней еще не жили». Однако за пять лет перестройки реальных изменений в федерации не произошло. СССР остался таким же унитарным государством, каким был до перестройки. Что же такое «настоящая советская федерация», никто не ведает.



То, что центр не желает никаких реальных преобразований в федерации, видно из центральной прессы, которая сама своеобразно готовилась к Пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу. Она объявила настоящую войну тем, кто стремится к большей независимости. Слово «конфедерация» (излишне говорить о праве выхода из СССР, оговоренном Конституцией) вызвало страшную озлобленность и обвинения в национализме, в национальном экстремизме, в эгоизме, сепаратизме, изоляционизме, региональном затворничестве, в стремлении к личному счастью, к национальному одиночеству и прочее. На тех, кто защищал законные национальные интересы своего народа, навешивались ярлыки националистов и карьеристов, заботящихся о своих исключительно корыстных карьеристских интересах («Правда», 7 июля 1989 года).

Многие использовали великое оружие — права человека. Нельзя игнорировать права человека, — пишет газета, — неверно и незаконно противопоставлять человеку права государства, народа или любого общественного института. Оправдано использование правовой власти лишь в интересах человека. Это основа основ. («Правда», 14 августа 1989 года). Но как можно защищать жизнь человека или его достоинство, если мы не защитим жизнь и достоинство нации?

Первейшее и важнейшее право нации — это право на самоопределение вплоть до отделения в самостоятельное государство. Но даже это, гарантированное Конституцией, требование (не говоря о реальном воплощении его) было встречено танками, наточенными саперными лопатками и химическим оружием.

Важнейшее право нации — составлять большинство населения на своей территории, территории, которую на протяжении веков, тысячелетий она защищала от завоевателей, которая полита ее кровью. Защитников федерации вовсе не волнует тот факт, что в некоторых республиках коренное население составляет уже меньшинство. Аналогичная перспектива грозит и другим. Как же тут не бить тревогу? И если борьбу народа за то, чтоб составлять большинство населения на своей территории, объявляют «национальным экстремизмом», как же назвать проводившееся интенсивное переселение народов на чужие территории, может, «интернациональным экстремизмом»?

Вот, на наш взгляд, единственно разумный материал, ко-

торый газета «Правда» напечатала 2 сентября прошлого года, и даже на первой полосе: «Деревни и земли России пустуют, тогда как русских людей занесло то в Казахстан, то в Киргизию, а то и в Прибалтику. Не они ли, эти русские, больше всех трубят о родине, о преданности земле. А сами побросали родные места и скитаются по союзным республикам. Родина там, где ты родился. Мне кажется, нужно подать клич, чтобы русские вернулись в свои родные места возрождать заброшенную родину». (М. Сердюков, г. Ковров, Владимирская область. Строки из писем). Но та же «Правда» писала, что разговоры о приоритете коренной национальности «бикфордов шнур, который поджигает разгул дикарских страстей, откровенного хулиганства и бандитизма» (7 июля 1989 г.) Каков букет определений, а?! Газета № 1 страны пишет, что национальные чувства не более как дикость, хулиганство и бандитизм. Создав «образ врага» России, авторы той же статьи далее пишут: «Не думаем, что в угоду им России следует отказаться от своего исторического предназначения — слишком велика ее ответственность перед народами нашего государства». Чем это не типичный пример психологии великодержавного шовинизма, имперских амбиций?

Не это ли «историческое предназначение» привело Россию к аннексии свободной демократической Грузии в 1921 году и к оккупации прибалтийских республик в 1939 году, к расстрелу молодежи в 1956 году и к убийству женщин и девушек 9 апреля 1989 года в Тбилиси? Не то же «историческое предназначение» по отношению к народам социалистических стран привело Россию к подавлению восстания в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968, что вызвало осуждение всех цивилизованных стран? Какое «историческое предназначение» привело Россию в Афганистан в 1979 году? Эти позорные страницы никто уже не вырвет из истории России.

И все же кто определил России ее «историческую миссию», кто возложил на нее «ответственность» перед народами нашей страны? А может, она сама взяла на себя ответственность самовольно решать судьбы других народов?! Если же народы нашей страны сами «возложили» на нее эту ответственность, как же может быть, что желание какого-либо из них «освободить» Россию от столь «великой ответственности» наталкивается на подобный шантаж: «Следствием выхода (имеется в виду выход из СССР) могут быть разрушительной силы социальные катаклизмы».

Возникает вопрос: почему, как и кем будут вызваны «разрушительной силы социальные катаклизмы», если Грузия или Литва выйдут из состава СССР? И может ли первая газета страны прибегать к подобному шантажу?

Более откровенна статья В. Соколова в «Литературной газете». Он пишет: «В нас кипит идея отделения. Этой разрушительной идее противостоит гигантский монолит РСФСР, который не дрогнет сам и сумеет остудить горячие головы». Далее автор призывает выкинуть из Конституции «бессмысленную формулу» — о праве свободного выхода из состава Союза («Литературная газета», 2 августа 1989 г.). Ясное дело, что остудить требуется горячую голову самого Соколова.

На фоне борьбы нарцтов, входящих в состав Союза, за свою независимость, пробудилась и Россия, начавшая движение за собственную суверенность. Был создан Народный фронт России. И это можно только приветствовать, это прекрасно. Только тот народ, который осознал свое национальное достоинство, может с уважением относиться к национальному достоинству других народов. Но выступления многих их представителей носят агрессивный и шовинистический характер. Примером тому может служить опубликованная в № 50 за прошлый год «Литературной России» статья кандидата экономических наук В. Чепуренко «Время в конце концов и России взять слово».

В самом же начале статьи автор лукавит, говоря, что на трибуну Первого съезда народных депутатов десятками поднимались представители прибалтийских республик. От них не отставали, продолжает он, и депутаты из Молдавии, Грузии, Армении. Мы заглянули в стенограммы заседаний Первого съезда. Из трех республик Прибалтики было всего 10 выступлений, одно из них — интерфронтовца. Так что о десятках выступлений говорить не приходится.

Еще более далеки от истины утверждения В. Чепуренко о том, что большинство выступавших из этих республик главным виновником их крайне тяжелого экономического положения объявили Россию. Критика центра и в самом деле была, России — нет! Но весь трагизм ситуации заключается в том, что сами русские депутаты отождествляют центр с Россией и критику центра болезненно воспринимают как антирусскую. Но кто виноват в этом? Российская федерация среди 15 союзных республик «равная среди равных», русские составляют половину всего населения страны. А в союзном правительстве 90 процентов русских — министров, председателей комитетов.

Фактически страной правят русские, а как правят, это знаем не только мы, но и весь мир.

Для того, чтоб вызвать недовольство русского населения, разжечь шовинистические «великодержавные настроения», Чепуренко строго выговаривает, упрекает русских депутатов, в том числе и экономистов, в том, что они в своих выступлениях на Первом съезде народных депутатов, а затем и на сессии Верховного Совета не показали всю абсурдность нападок на русских, не защитили свой народ от безудержной тжи фальсификаторов. Я не пропустил ни одного заседания съезда и Верховного Совета. И я решительно утверждаю, что не заметил никаких нападок на русский народ, на народы Российской Федерации. Поэтому и эти утверждения Чепуренко считаю от начала до конца фальсифицированными.

Автор приводит статистические данные отраслевого баланса за 1987 год, из которого явствует, что по действующим ценам семь республик вывозят в другие республики больше продукции, чем ввозят. Среди этих семи республик и Грузия, но по ценам на мировом рынке активное сальдо в обмене республик принадлежит только РСФСР и Азербайджану.

Исходя из этого, В. Чепуренко делает вывод, что в других республиках неадекватно осваивают значительную часть созданной Россией продукции на сумму в 38,5 миллиардов рублей. И он, вновь обращаясь к русским ученым, риторически вопрошает: разве они не знали об этом неэквивалентном обмене, наносящем ущерб России? И если знали, почему молчали? Если бы они об этом заявили в свое время, продолжает он, ведь выступления депутатов из Прибалтики не были бы столь пылкими.

Бия себя в грудь, автор сокрушается: как сейчас пригодились бы России эти 38,5 миллиардов рублей, ведь за год она могла бы решить проблему автомобильных дорог, могла бы построить 40 тысяч километров первоклассной дороги.

И не собираюсь перепроверять расчеты Госкомитета по статистике, и не только потому, что это не под силу одному человеку, а просто потому, что не считаю нужным это делать. Вывоз и ввоз продукции в республики, их соотношение ни о чем не говорят. Существуют другие каналы, по которым идет перекачка средств из союзных республик в центральный бюджет.

Из закона 1990 года о госбюджете видно, говорит далее В. Чепуренко, что республиканским бюджетам выделяются субвенции из союзного, то бишь российского.

Выступая на Первом съезде народных депутатов первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. Воронов заявил, что Узбекская ССР получает 3 миллиарда дотации из союзного бюджета. Представитель же Узбекистана Т. Аманов в своем ответе подчеркнул, что узбеки переживают тот факт, что Совет Министров СССР, не разобравшись в существе вопроса, считает, что Узбекская ССР живет на дотации. Но, сказал Аманов, ведь мы сдаем более двух третей хлопка, выращиваемого в стране. А это 11 миллиардов рублей, внесенных в казну, и не просто рублей, а золотых рублей. Вот вам и ответ на доводы В. Чепуренко.

Ясно одно, что в финансах, ценообразовании, экономике страны царит такой хаос, что сегодня трудно разобраться, кто кого «кормит».

И если уж дело дошло до того, что мы предъявляем друг другу счета, мы вынуждены спросить у В. Чепуренко и редакции «Литературной России»: нужны ли были наступательная доктрина и те опромные военные расходы, которые несла наша страна на протяжении десятков лет? Кто были творцы этой доктрины? (Во всяком случае, не прибалты, не грузины, не армяне и др.). И оправданы ли те огромные военные расходы, которые мы несем в условиях доктрины оборонительной? Кто определяет объем этих расходов? (Комитет по обороне и государственной безопасности, созданный демократически избранным парламентом, состоит из сорока депутатов, из которых 27 из России; а от восьми республик в нем нет ни одного представителя). Во сколько обошлась (и обходится) нашей стране помощь развивающимся странам, дабы сохранить их «социалистическую ориентацию»? Во сколько обошелся (и обходится) Афганистан? Разве спрашивали союзные республики, когда оказывали эту помощь или когда вводили войска в Афганистан? И если России так трудно «кормить» союзные республики, почему центр и большинство российских депутатов были против перехода прибалтийских республик на хозрасчет и самофинансирование? Почему бы России не избавиться от них? Пусть отпустит, даст им полную экономическую и политическую самостоятельность. А когда они обратятся к ней за сырьем и топливом, пусть продает им по мировым ценам. Это должно устраивать Россию. Неужели имперские амбиции стоят тех 38,5 миллиардов рублей, которые тратятся ежегодно на союзные республики? Сколько миллиардов стоит политическая независимость Грузии, прибалтийских республик, отнятая центром? И можно ли измерить полити-

ческую независимость народа в рублях? Во сколько миллиардов можно оценить тот ущерб, который нанесла власть центра экономике наших республик, экологии, демографии, морали? Можно ли все это измерить в рублях?

В выступлениях ряда депутатов и на Первом и на Втором съездах, а также на сессиях Верховного Совета сквозил страх перед развалом Союза, звучали призывы к укреплению унитарного государства. И выступления депутатов, и работа прессы — все направлено на усиление, упрочение тоталитарного государства, что в сегодняшних условиях невозможно, бессмысленно и в конечном итоге ведет именно к развалу, поскольку народы уже не хотят жить по-прежнему и принудить их к этому невозможно.

В самом деле судьба советского государства в опасности. Государство стоит перед распадом. Но опасность эта исходит не от тех, кто хочет отделиться, а от тех, кто находится в центре, не слышит и не желает понимать, почему все громче раздаются требования об отделении.

Борьба народов за независимость вошла в новую фазу. Центр должен видеть свою задачу не в том, чтоб держать в плену народы (все равно это не может долго продолжаться), а в том, чтоб оказаться на высоте понимания требований эпохи, понять стремления народов и действовать в соответствии с ними.

Пока центр не осознает и не признает, что у народов союзных республик есть полное право на суверенитет и независимость, национальный вопрос в стране не будет решен. Центр не должен полагать, что коренные интересы народов СССР ему лучше знать, чем знают их сами народы. Утверждениями, что лучше находиться в составе унитарного государства, нежели быть суверенным и независимым, что выход из СССР — это катастрофа, уже никого не убедить.

Выступлениями против борьбы народов за свою независимость и суверенность партия подрывает свой авторитет как в своем народе, так и в глазах мировой общественности.

Если сохранение Союза столь уж необходимо, тогда обязательно его радикальное преобразование. Этот союз в сегодняшних условиях должен быть по-настоящему суверенным, свободным, добровольным союзом равноправных государств (с правом выхода). Содружество наций. Только такой союз может устроить всех его членов в политическом, экономическом, культурном и военном отношениях. И на современном этапе развития истории человечества альтернативы этому нет.



Николай ЛЮБИМОВ

НЕСЛЫХАННАЯ ПРОСТОТА

(ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИИ)

В 1927 году в издательстве артели писателей «Круг» вышел сборник литературно-критических очерков А. З. Лежнева «Современники». В статье «Борис Пастернак», написанной убежденным поклонником поэта, указаны и его слабости: «Пастернак пользуется смысловым затемнением, как фактором эстетического порядка... его пресловутая непонятность есть для него средство так или иначе повысить эстетическую ценность произведения... она вовсе не самопроизвольна и мечаянна, а вполне сознательна. Пастернак пишет непонятно потому, что хочет писать непонятно»¹.

И еще: «Ни пропуск ассоциаций, ни смещение плоскостей не могут быть выведены из установки на ощущения целиком. Они производятся гораздо более часто и охотно, чем это требуется такой установкой. Причина, как мне кажется, лежит здесь... в... ограниченности пастернаковского материала, который нуждается для своего освежения в ряде приемов, создающих эффект неожиданности. Смещение плоскостей и опущение ассоциативных звеньев приводит к смысловому разрыву, к затрудненности понимания. Та же вещь, которая прозвучала бы обыденно или банально, приобретает характер новизны и значительности, когда вам приходится ее разгадывать, когда

¹ Лежнев А., Современники. М., Круг, 1927, с. 38.

то, что должно быть показано, видно лишь отчасти, ^{краем.} Пастернак играет смысловым разрывом и кажущейся алогичностью как приемом»².

Путь Пастернака показал, насколько прав был Лежнев. За тридцать лет до того, как поэт написал свои автобиографические заметки «Люди и положения», он указал на грехи молодости, в которых кается сам и от которых ему удалось с такой чудодейственной силой избавиться.

В 1936 году в книге «Об искусстве» Лежнев так комментирует известную строфу из пастернаковского «Второго рождения»:

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

«Я не знаю, что имеет в виду Пастернак, и все же отрадно слышать этот призыв к простоте или это сознание ее необходимости. Но меня останавливает странность определений. Возможно, что Пастернак и прав в том смысле, что так воспринимает литературное сознание иных современников, простоту и стремление к ней. Но как должно быть заталмужено это сознание для того, чтобы простота казалась неслыханной и воспринималась, как ересь!»

Поверил я в искренность стремления Пастернака, когда прочел первые его переводы из грузинских поэтов, которые Бухарин напечатал в «Известиях».

В 1934 году я прочитал «Стол — Парнас мой» Яшвили:

Будто письма пишу, будто это игра,
Вдруг идет как по маслу работа.
Будто слог — это взлет голубей со двора,
А слова — это тень их полета.
Пальцем так колотя, все, что видел вчера,
Я в тетрадке свожу воедино,
И поет, заливаясь кончик пера,
Расщепляется клюв соловьиный.

А на стол, на Парнас мой, сквозь ставни жара
Тянет проволоку из щели.
Растерявшись при виде такого добра,

² Лежнев А., Современники. М., Круг, 1927, с. 51—52.

Столбенеет поэт-пустомеля.
На чернил мишуре так желта и сера
Светового столба круговина,
Что смолкает до времени кончик пера.
Закрывается клюв соловьиный.

А в долине с утра — тополя, хутора,
Перепелки, поляны, — а выше
Ястреба поворачиваются, как флюгера
Над хребта черепичною крышей.
Все зовут, и пора, вырываюсь, ура,
И вот-вот уж им руки раскину,
И в забросе, в забвении кончик пера,
В небрежении клюв соловьиный.

И был потрясен. Эти стихи стали событием. Они появились, когда русская поэзия переживала трудные годы. Не стало Есенина. Не стало Маяковского. Не стало Багрицкого. Молчала Ахматова. Поэзия Пастернака была тогда еще не так популярна из-за ее трудности для восприятия. От жаровщины и безыменщины любителей поэзии, как говорится, с души воротило. И вдруг — нежданно-негаданно — оказалось, что где-то в туманной дали Закавказья (я побывал в Грузии и в Армении только в 50-х годах и до сих пор храню в душе воспоминание о том удивительном гостеприимстве, какое там встретил) живет настоящая поэзия, глубокая и мудрая в своей простоте. Переводя грузинских поэтов, Пастернак оплодотворил этими переводами свою поэзию. Он понял, что для того, чтобы писать прекрасные, оригинальные стихи, вовсе не обязательно ходить вверх ногами. Он приобщил русского читателя к грузинской поэзии. И безмерно расширил круг ее читателей и почитателей, один из коих «есмы аз». Высокой художественностью своих переводов грузинских поэтов Пастернак обязан тем, что не чувствовал себя случайным гостем в грузинской культуре, тем, что полюбил в Грузии все: ее народ, ее природу, ее язык, обиход, даже ее пития и яства. На званных вечерах у него стол был уставлен грузинскими винами и грузинскими национальными блюдами, которые мастерски готовила его жена, Зинаида Николаевна. Грузия чувствовала эту любовь и платила ему за нее с истинно кавказской щедростью.

Мы привыкли говорить, что художественный перевод способствует сближению народов. Но это не пустая фраза. И

познал это на опыте, ибо всей душой полюбил Грузию, прочтя переводы Пастернака из ее поэзии. Такую поэзию мог создать только великий народ.

Итак, в неслыханную простоту Пастернак впервые встал, переводя грузинских поэтов. Переводы грузинских лириков — это поворотный пункт в его «собственной» поэзии.

Окончательно уверился я, что грядет новый Пастернак, когда прочел его новые стихи в «Знамени» за 1936 год. Меня обрадовало признание поэта, что пока еще и он, Пастернак, отвечал скрипящим капричьо на пепел рухнувших планет, а главное, призыв к поэту вообще и к самому себе в частности — вновь скрепить распавшуюся еще в конце прошлого века связь времен в русской поэзии, призыв — твердо знать, какое, милые, у нас тысячелетье на дворе и чем оно живет и полнится, ощущать ритм биения народного сердца и, не втираясь в шеренгу подлипал, как выразился Борис Леонидович в следующем цикле своих стихов, напечатанных в «Новом мире» в конце того же 1936 года («Из летних записок»), подразумевая когорту тогдашних одописцев, жить с народом единой жизнью, быть выразителем чаяний его, упований и устремлений, более того — влечь его за собой.

Не выставляй ему отметок, —

так определяет Пастернак истинное отношение поэта к народу:

Растроганности грош цена.
Грозой пади в объятья веток,
Дождем обдай его до дна.

Не умиляйся — не подтянем.
Сгинь без вести, вернись без сил,
И по репьям и по плутаньям
Поймем, кого ты посетил.

Твое творение не орден:
Награды назначает власть.
А ты — тоски пеньковой гордень,
Паренья парусная снасть.

(«Все наклоненья и залогии...»)

Это уже предвещало Пастернака «Рождественской звезды», «Гамлета», «Магдалины», «Гефсиманского сада», «Быть знаменитым некрасиво...», «В больнице», «Души». Пастерна-

ку претили все формальные изыски, через которые он с таким блеском прошел («Все наклоненья и залогии изжеваны до одного. Хватить бы соды от изжоги!») и которые тепеь вызывают у него горькую усмешку («Так вот итог твой, мастерство?»)

А перед памятными днями Шевченко (1939) Пастернак выбрал для перевода его поэму «Мария». И то, что он не отказался перевести что-либо из произведений как будто бы очень далекого ему поэта, выросшего из народных сказаний и песен, и то, что остановился именно на «Марии», свидетельствует и о переломе в его стилевой системе, и о начавшейся тяге к темам философским и евангельским.

Летом 1941 года мне дали довольно бледный экземпляр отпечатанных на машинке новых тогда для меня стихотворений Пастернака, написанных им перед войной. И хотя время, казалось бы, совсем было не подходящее для упоения звоном лир, ибо читал эти стихи под грохот зениток в Болшеве, куда уезжал к знакомым отдыхать от дежурств на крыше, я был обрадован, как при беседе с человеком, который давно тебя чем-то пленил, но с которым до сей поры ты никак не мог найти общий язык, и вдруг... Наконец-то! Средостения более нет. Ах, Боже мой, — думалось мне, — какой же это дивный поэт, какой русский и какой в то же время всечеловеческий!.. И с какой чудесной неожиданностью случилось с ним это преобразование!

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

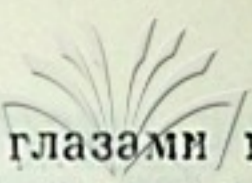
И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

(«Иней»)

Или о дроздах:

У них на кочках свой поселок,
Подглядыванье из-за штор.
Шушуканье в углах светелок
И целодневный таратор.

(«Дрозды»)



Позднее в «Земном просторе» перед моими глазами выросли две егѳ елки.

У Мандельштама даже в лесу от елки пахнет стеарином. У Пастернака елка, привезенная из лесу, все еще пахнет снегом. По силе вживания и вчувствования в природу «Иней» и «Дрозды» могут сравниться с более поздней «Липовой аллеей».

Но вот приходят дни цветенья,
И липы в поясе оград
Разбрасывают вместе с тенью
Невыразимый аромат.

Гуляющие в летних шляпах
Вдыхают, кто бы ни прошел,
Непостижимый этот запах,
Доступный пониманью пчел.

Он составляет в эти миги,
Когда он за сердце берет,
Предмет и содержанье книги,
А парк и клумбы — переплет.

Пастернак приметливым взглядом впивается во внешний мир. Этого мало — он смотрит на себя глазами внешнего мира:

Холодным утром солнце в дымке
Стоит снопом огня в дыму.
Я тоже, как на скверном снимке,
Совсем не отличим ему.

Пока оно из мглы не выйдет,
Блеснув за прудом на лугу,
Меня деревья плохо видят
На отдаленном берегу.

(«Заморозки»)

Так может выразиться тот, кто живет с природой одной жизнью, кто «тает сам, как тает снег», кто «сам, как утро, брови хмурит» («Рассвет»), кто ощущает себя не вне ее и не над ней, а внутри нее, не как ее властелин, а вполне равноправный и с пчелами и с дроздами. Именно стихи о природе, впоследствии вошедшие в книгу Пастернака «На ранних часах», я воспринял как его второе рождение.

Весной 1947 года он читал у меня свои новые стихи. Чтобы облегчить Борису Леонидовичу произношение обиталище, я за ним заехал в Лаврушинский. Дорогой рассказал о его последних книгах стихов — «На ранних поездах» и «Земной простор» — и честно признался, что до них отдавал ему дань глубочайшего уважения, а полюбил его всем существом после переделкинских пейзажей.

— Да-да-да-да-да, вы правы (он любил повторять «да»), я только после этих книг человеком стал. Я навывдавал читателю уйму векселей, а читатель — особенно молодежь — был ко мне милостив и терпеливо ждал, и вот только сейчас я начал с ним расплачиваться.

А в последнюю нашу встречу (весна 60-го) он с не свойственной ему ворчливостью сообщил:

— Одна швейцарка задумала доставить мне удовольствие — прислала мне книгу ранних моих стихов в своих переводах на немецкий. Вот удружила! В них и по-русски-то ничего понять нельзя...

Конечно, тут есть «красное словцо», но в каждом красном словце мелькает хотя бы ответ истинного отношения человека к затронутой им теме.

Уже перед концом жизни Пастернак в автобиографии вынес своей затянувшейся «начальной поре», когда он, пользуясь его собственным выражением, «возводил косноязычие в добродетель» и «был оригинален поневоле», столь же суровый приговор: «Слух у меня тогда был испорчен выкрутасами и ломкою всего привычного, царившего кругом. Все нормально сказанное отскакивало от меня. Я забывал, что слова сами по себе могут что-то заключать и значить, помимо побрякушек, которыми их увешали».

«Я не люблю своего стиля до 1940 года...»

На чтении присутствовал незаурядный поэт и переводчик Юрий Никандрович Верховский. После чтения он высказал мысль, против которой Пастернак не возразил:

— Каждый большой художник слова, заплатив дань неуравновешенной молодости, в зрелом возрасте тяготеет к классической ясности и глубине. Так случилось — в той или иной мере — с поздним Сологубом, с поздним Блоком, с Белым — автором «Первого свидания», так случилось с Гумилевым и Ахматовой, так случилось, если хотите, и с Маяковским, автором «Во весь голос». И вот сейчас, — заключил Юрий Никандрович, — мы присутствуем при рождении классического

Пастернака, который, не утратив того положительного, что он приобрел во время своих футуристических исканий, пришел к классической собранности сознания, к классической четкости образов и к классической стройности архитектоники.

А кто помог ему выйти на эту дорогу? Грузинские поэты. Далеко не только собравшиеся в тот вечер у меня так воспринимали «Стихи из романа» Пастернака.

Когда Бориса Леонидовича уже не было в живых, мы как-то разговорились о его творческом пути с Семеном Израилевичем Липкиным, с чьими вкусами мои вкусы большей частью сходились. Сходились в главном: мы оба — неисправимые реалисты, и никакими ракетами — ни средней дальности, как у Маяковского, ни наивысшей, как у раннего Пастернака, — нас восхитить трудно. Говорили мы в тот раз, главным образом, о стихах Пастернака из его романа.

— До стихов из романа Пастернак как бы приостановился в раздумье, — заметил Липкин. — А тут вдруг на наших глазах этот исполин прикоснулся к чему-то — и зашагал, зашагал, зашагал...

Пастернак во время наших последующих встреч часто возвращался мыслью к литературе. Меня радостно изумили его слова о Есенине:

— Мы с ним ругались, даже дрались, до остервенения, — вспоминал Борис Леонидович, — но когда он читал свою лирику или «Пугачева», так только, бывало, ахаешь и подскакиваешь на стуле.

До стихотворения «Свадьба» я не подозревал, как близка, как родственна Пастернаку деревенская, страдная и хороводная, сарафанная и шушанная кольцовско-есенинская стихия.

О русской классической прозе:

— Пушкин, Достоевский и Чехов писали так, как будто они еще и не начинали быть писателями.

Пастернак мог давно не перечитывать какого-нибудь писателя, но раз оставшееся и притом всегда на редкость точное представление о нем отпечатывалось в его читательской памяти. Переводческий труд облегчало ему то чувство стиля, каким он был наделен. Однажды Борис Леонидович поразил меня меткостью характеристик, которую обнаружил в разговоре о как будто бы далеких ему писателях.

После довольно длительного перерыва в наших свиданиях он спросил меня, что я за последнее время успел сделать. Я ответил, что перевел «Брак поневоле» и «Мещанина во дворян-

стве» Мольера, а теперь перевожу драматургическую трилогию Бомарше.

— Наверно, переводить Мольера было труднее? спросил Борис Леонидович и сам за меня ответил: — Мольер писал так, как будто только записывал подслушанную им живую речь живых людей, а Бомарше, конечно, очень, очень талантлив, но это литератор, сознающий, что он литератор, и щеголяющий своей литераторской выправкой. А для перевода эта его витиеватость куда легче, чем простота Мольера.

И тут же я вспомнил слова Пастернака:

«Пушкин, Достоевский и Чехов писали так, как будто они еще и не начинали быть писателями.»

Зрелому Пастернаку дороже всего была именно естественная, непосредственная простота, но отнюдь не простота примитива, а емкая, сложная простота, пушкинская и чеховская, чайковская и шаляпинская, левитановская и нестеровская, щепкинско-садовская и станиславская, у каждого большого художника своя, особая, до него неслыханная. Бытовой, приземистый реализм (выражение Вл. Соловьева) был чужд Пастернаку, что уживалось у него с пристальным вниманием к бытовым мелочам. Реализм в высшем смысле (выражение, часто употребляемое Достоевским), — вот каков реализм позднего Пастернака.

История русского стихотворного перевода показывает, сколь неравноценны вклады различных поэтов в поэзию оригинальную и переводную. Поэзия Пастернака являет собой пример того, как благотворно влияет погружение поэта в искусство перевода на его поэзию оригинальную, — конечно, если поэт, чьи произведения он воссоздает, ему чем-то родственен, если он его захватывает.

Пастернак, нимало не подавляя своей творческой индивидуальности, возродил классические традиции русского стихотворного перевода. Один из основных своих принципов он сформулировал как «намеренную свободу, без которой не бывает приближения к большим вещам»³. Но ведь под этим подписались бы обеими руками лучшие наши поэты-переводчики XIX века!

Заботясь об интересах читателя, Пастернак тем самым заботится и об интересах переводимого автора. Однажды в разговоре со мной он обронил такое признание:

— Я в своих переводах читателя с горки на саночках

³ Жур. «Молодая гвардия». 1940. № 5, с. 15—16.

прокатил, а другие переводчики пусть вымучивают свои бук-
вальные точности (Пастернак употребил гораздо более сильный,
но неудобный для печати глагол).

И в самом деле — переводы Пастернака свободны от не-
внятицы, в них нет ни ребусов, ни загадочных картинок, неиз-
бежно возникающих у переводчиков-буквалистов. И это тоже
роднит его с лучшими нашими переводчиками XIX века.

Истинные поэты не могут не ощущать плодотворящей
силы народного языка. Для них это живоносный и целебный
источник. Для того, чтобы произведение словесного искусства
в переводе не превратилось в мумию, переводчик не только
волен — он должен пользоваться всеми изобразительными
средствами, которыми располагает его родной язык, в частно-
сти и в особенности — язык народный. Так именно и поступал
Борис Пастернак. Словарь его переводов не менее богат,
чем язык его поэзии оригинальной. И опять-таки это ставит
Пастернака в один ряд с самыми сильными из его предшест-
венников.

Вспомним, на каком фоне появилась его книга избранных
переводов и первый его перевод из Шекспира — «Гамлет»
(1941). В ту пору были далеко еще не окончательно разгром-
лены формалистские теориейки художественного перевода и
даже некоторые одаренные переводчики находились под их
пагубным воздействием. В ту пору имели хождение «шекспе-
рименты» как на сцене, так и в переводе. Толстенный том из-
бранных сочинений Шекспира, который в 1937 году выпусти-
ло издательство «Academia», напоминает тяжелую гробовую
плиту, которой переводчики словно пытались изо всех сил
придавить вечно живого Шекспира.

Пастернак доказал русскому читателю, во-первых, что
Шекспир — великий поэт, а во-вторых, — великий драма-
тург, что он писал для сцены, так же как впоследствии дока-
зал, что Гете не только мыслитель, о чем мы могли судить
и по переводу Холодковского, и по переводу Брюсова, но и
поэт.

Мало кто из русских поэтов-переводчиков умеет вживать-
ся в искусство переводимого автора так, как вживался Пастер-
нак. Если только поэт в целом близок ему по мироощуще-
нию, он с художественной точностью воссоздает стихотворе-
ния, написанные и не в его манере. Краски у Пастернака
— оригинального поэта — ярки. А когда читаешь в его переводе
одно из лучших стихотворений в мировой поэзии — «Синий

цвет» Бараташвили, кажется, что оно написано не словами, а мягкой небесной синевой.

В начале 50-х годов я провел вечер у Пастернака в его квартире в Лаврушинском переулке. Были у него Ахматова, Симон Чиковани, Нато Вачнадзе, Ливанов. Бориса Леонидовича попросили почитать стихи. Он отказался; от него не отставали — тогда он предложил прочитать свой перевод стихотворения Чиковани «Гнездо ласточки».

Я слушаю Пастернака, а смотрю на Чиковани; на лице у Симона написано особого рода выражение, какого прежде ни у кого не видел, — выражение счастья узнать свои стихи на неродном языке.

Последнее четверостишие «Первого снега» Леонидзе звучит в переводе Пастернака так:

Бах! Но стая за рекою.
Либо сим же часом вплавь,
Либо силой никакою,
И надеяться оставь.

Эта фраза «неправильна», но она хороша в первую голову своей «неправильностью»: когда человек должен принять мгновенное решение, то он ни вслух, ни про себя не строит упорядоченных силлогизмов, его речь сбивчива в своей лихорадочной прерывистости.

В 59-м году издательство «Искусство» поручило мне редактуру двухтомника пьес Кальдерона. Зашла речь о том, кого просить перевести «Стойкого принца». Я высказал мнение, что лучше Пастернака не перевести никому. Меня попросили съездить к нему в Переделкино и вступить в переговоры.

Борис Леонидович согласился.

— Знаете, что я вам скажу, — добавил он, — я как раз недавно смотрел по телевизору «Учитель танцев». Какая молодец Щепкина-Куперник! Вот именно так надо переводить испанцев, как переводит она, — с такой сногшибательной, непостижимой легкостью! Ритм ее стиха — это вихревой ритм испанского танца. Перед тем, как засесть за «Стойкого принца», я перечту все ее испанские переводы.

Пастернак-переводчик, как и поэт оригинальный, и в синтаксисе не менее разнообразен, чем в лексике.

Пастернак — оригинальный поэт обладает редкостной силы темпераментом.

Как гулкий колокол набата,
Неистовствовал соловей.

Какой беде, какой зазнобе
Предназначался этот пыл?
В кого ружейной крупной дробью
Он по чащобе запустил?

Земля и небо, лес и поле
Ловили этот редкий звук,
Размеренные эти доли
Безумья, боли, счастья, мук.

(«Весенняя распутица»)

Не укрощает он темперамента и в переводах.

В изображении дореволюционных переводчиков Петефи выглядел унылым и вялым, таким третьесортным Суриковым. И вдруг —

Ну так разбушуйся, лира!
Выйди вся из берегов.
Пусть струна с струною сцепит
Смех и стон, и плач и лепет.
Спутай жизнь и смерти зов!

Пастернак — признанный мастер звукописи. Таков он и в своих переводах. Как сказал бы Фет, он обладает способностью звуком навеять на душу читателя самые разнообразные впечатления.

Но для зрелого Пастернака звукопись — не самоцель. Вот почему мы ее обычно не замечаем, хотя она и усиливает наше впечатление от его мыслей и образов. От звукосочетаний, передающих гул и грохот громовых раскатов или ропот морских валов, он без труда переходит к убаюкивающей инструментовке:

Зашурши, камыш! Мне дорог
Тихий тростниковый шорох.
Тополь, всколыхнись лениво,
Содрогнись листвою, ива,
И тогда я вновь усну.

(Монолог Пеня из «Фауста»)

В своей оригинальной поэзии Пастернак не ломает метрики русского стиха, он виртуоз ритма.

В том дневнике критика, который Лежнев вел на страницах «Октября», он на примере одной строфы из стихотворения Пастернака показал, как покорен ему ритм, как ритмические колебания, как биение ритмического пульса помогают ему решать ритмические задачи:

Перегородок тонкоробость
Пройду насквозь, пройду, как свет,
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.
(«Волны»)

В его «Фаусте», помимо всего прочего, нас поражает наряду с разнообразием рифмовки смена ритмов, призванных передать и торжественный хорал, и залихватскую песню гуляк, и обыкновенную «среднюю», разговорную речь, и раешное озорство и балагурство.

Словом, интонацией, ритмом, звуком создает он самые разнообразные характеры во всей их сложности. И этот его дар, пожалуй, нигде так полно не раскрывается, как в «Фаусте». Речь Вагнера терминологична, понятийна, безобразна, бесцветна. Рядом с этим словесным гербарием — причудливый сплав речевой характеристики Мефистофеля, с его развязно-небрежным тоном циника, поддержанным канцеляризмами и просторечием, и с его монологами, в которых злоеющий словесный колорит и бешеная раскачка ритма служат одной цели — показать истинное обличье Мефистофеля.

Оригинальная поэзия Пастернака и его поэзия переводная являют собою, как и у Бунина, нерасторжимое единство, единоподчиненность усилий, органическую, нерушимую, теснейшую взаимосвязь.



Автандил МЕНТЕШАШВИЛИ

Грузия — РСФСР [1920 — 1921 годы]

26 мая 1918 года в Тбилиси, в бывшем Дворце наместника, на заседании Национального Совета Грузии Н. Жордания зачитал Акт о независимости Грузии. После 117 лет пребывания в составе Российской империи грузинский народ возродил свою государственность.

Акт о независимости провозглашал постоянный нейтралитет Грузии в международных делах и стремление установить добрососедские отношения со всеми членами международного сообщества, в особенности же с сопредельными народами и государствами. Однако в первые же дни грузинское правительство вынуждено было нарушить торжественно провозглашенный нейтралитет, так как провозглашение независимости произошло в сложных внешнеполитических условиях. Турки, воспользовавшись отказом Закавказского Сейма признать Брестский мир, начали наступление и захватили значительную часть территории Грузии и Армении. Национальный Совет Грузии 14 мая обратился к Германии с просьбой о помощи и покровительстве, содержащей пожелание всемерно способствовать наиболее безболезненному разрешению международного и политико-государственных вопросов Грузии, обращение к генералу фон Лоссову о принятии соответствующих мер, обеспечивающих германским войскам продолжение пути на Северный Кавказ, дабы приблизиться к границам Грузии настолько, чтобы обезопасить ее от посягательств извне, а до этого иметь

возможность оставить в Грузии германских офицеров, чтобы с их помощью грузинское правительство могло использовать германские войска для установления внутреннего порядка и борьбы с анархией¹.

Правительство Германии охотно откликнулось на просьбу, ибо это позволяло независимо от Турции «добраться до кавказского сырья и приобрести влияние на эксплуатацию железной дороги, идущей через Тифлис... Ввиду того, я ходатайствовал перед имперским канцлером за удовлетворение пожеланий Грузии», — вспоминает фельдмаршал Э. Людендорф².

28 мая 1918 года представители Грузии и Германии подписали в Поти на пароходе «Минна Хорн» уже согласованные в Батуми тексты договоров.

В письме за подписью И. Церетели, Н. Жордания, Н. Чхеидзе, Н. Рамишвили, Е. Гегечкори, направленном в Международное социалистическое бюро, говорилось: «Мы подписали договор с германцами, передали им распоряжение нашими железными дорогами, предоставили им экономические права, которых они добивались, приняли к себе их полки... Мы знали, насколько тяжело это условие. Знали, что ими умаляются суверенные права нашего государства, что ограничивается наш нейтралитет. Но у нас не было другого способа избавиться от турецкой оккупации...»³.

Подписание Германией соглашений с правительством Грузии означало фактическое признание (de facto) грузинского правительства германским. В секретном письме, адресованном генералом фон Лоссовым грузинскому правительству 28 мая 1918 года в Поти, он брал на себя обязательство добиться того, чтобы «германское правительство объявило свою готовность оказать поддержку Грузии в переговорах с русским правительством относительно выхода Грузии из состава Российской империи и, после отделения ее, признать Грузию свободным и независимым государством»⁴.

Интересна реакция Советской России и стран Антанты на сближение Германии и Грузии.

В. И. Ленин, оценивая ситуацию, сложившуюся летом 1918 года в Грузии, указывал, что «...независимость Грузии превратилась в чистейший обман, на самом деле есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян»⁵. Кстати, страны Антанты, ведшие войну с Германией, так же как и Ленин считали, что независимость Грузии была нереальной. Так в пись-

ме и. о. государственного секретаря США Фрэнка Л. Полка послу США в Великобритании Пейджу от 31 июля 1918 года читаем: «Судя по речи доктора Кюльмана от 24 июля, опубликованной в «Журналь де Женев», правительство Германии признало «независимость» Грузии. Заявление доктора Кюльмана, тон турецкой прессы и другие факты указывают на то, что Центральным державам удалось полностью взять под свою власть Грузию»⁶. Как видим, В. И. Ленин оценивает ситуацию с классовых позиций, американский госдепартамент с позиции воюющей страны, а между тем грузинский народ стоял перед национальной катастрофой, не имея другой альтернативы для предотвращения захвата страны извечным врагом — османской Турцией.

Грузинская делегация в Берлине в июне-ноябре 1918 года добивалась юридического признания независимости Грузии со стороны Германии, правительство которой для окончательного урегулирования этого вопроса считало необходимым заручиться предварительно согласием Советского правительства.

Какова была его позиция на этот счет? В письме И. В. Сталина С. Г. Шаумяну от 8 июля 1918 года о политике Советской власти в Закавказье сказано: «1. Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией. 2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана. 3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту «просьбу», конечно, можем удовлетворить»⁷.

В телеграмме Чичерину от 5 июля 1918 года Сталин, в ответ на его просьбу написать воззвание грузинскому народу, писал: «Воззвание грузинскому народу написать не могу, нет желания обращаться с воззванием к погибшим»⁸. Далее в телеграмме говорится о необходимости настаивать перед немцами «на неприкосновенности Кубани как части России, в крайнем случае можно признать независимость Грузии, лишь бы Германия признала официально вопрос о Кубани, Армении

и Азербайджане вопросом внутренним для России, на этом надо настаивать решительно и бесповоротно»⁹.

Летом германское правительство «добилось» согласия Советской России о признании Грузии независимым государством. 27 августа 1918 года между РСФСР и Германией был подписан дополнительный договор, 13-я статья которого гласила: «Россия заявляет свое согласие на то, что Германия признает Грузию самостоятельным государственным организмом»¹⁰. Это было косвенное признание Советской Россией грузинской независимости.

3 октября 1918 года проект политического соглашения Германии с Грузией был готов. Основным его пунктом, по словам члена грузинской делегации З. Авалишвили, было признание независимости Грузии. Однако подписание соглашения затянулось, сначала в связи с правительственным кризисом в Германии, а затем из-за ухудшения положения на фронте и надвигавшейся революции. Политическое соглашение так и не было подписано.

Правительство РСФСР резко изменило свою позицию относительно признания Грузии сразу же после поражения Германии и ноябрьской революции. По воспоминаниям представителя Грузии в РСФСР Г. Хундадзе, который находился во главе грузинской миссии в Москве с 11 июня 1918 года до марта 1920 года, Г. Чичерин в одном из своих выступлений, после революции в Германии заявил: «Мы не возражали против Германии, но сами не обязывались признать независимость Грузинского государства»¹¹. Во время личного свидания с Г. Хундадзе заместитель Чичерина по делам Востока Л. Карахан объявил, что Совнарком не признает ни независимости Грузии, ни Грузинского дипломатического представительства, ни грузинского правительства, которое рассматривается Советской властью как мятежная группа против законной власти России¹².

Хундадзе вступил в переговоры с видными деятелями Советской власти в декабре 1918 года для выяснения вопроса о возможности признания грузинской независимости. «Зиновьев, — пишет Г. Хундадзе, — выслушал меня внимательно, удивляясь некоторым фактам из нашей жизни, о которых он имел совершенно превратное представление. Зиновьев обещал поставить наш вопрос в Совнаркоме и учесть во время обсуждения этого вопроса все сказанное мной...

Каменев любезно согласился переговорить от моего имени с Лениным. Через несколько дней сообщил, что при насто-

ящих условиях Ленин и слышать не хочет о независимости Грузии. Рыков определенно заявил мне, что стоит за вооруженный разгром контрреволюционного Грузинского правительства и примет все меры, чтобы вопрос о независимости Грузии никогда в Совнаркоме не обсуждался»¹³.

В связи с поражением в первой мировой войне немцы вынуждены были оставить Грузию. На смену немцам пришли англичане.

Еще в декабре 1917 года Англия и Франция договорились о разделе России на сферы влияния. Англия брала под свою «ответственность территории казачеств, Армению, Кавказ, Грузию и Курдистан», тогда как «под контроль Франции попали территории Бессарабии, Украины и Крыма»¹⁴.

17 ноября 1918 года английские войска под командованием генерала Томсона прибыли в Баку морем из Ирана. В ноябре—декабре 1918 года англичане заняли важные пункты Закавказья — Баку, Тбилиси, Батуми. К концу декабря было уже около 25 тыс. английских войок в Грузии и 60 тыс. во всем Закавказье¹⁵. Таким образом, к началу 1919 года сообщение между Черным морем и странами Средней и Передней Азии подпало под прямой контроль Великобритании. По словам У. Черчилля, «Британские войска — оказались обладателями одной из самых больших стратегических линий в мире, причем оба фланга были защищены морским могуществом Англии на двух внутренних морях»¹⁶.

Антанта придавала Закавказью огромное значение. В ее планы входило не только овладение природными богатствами края и стратегическими дорогами, ведущими в глубь Азии, но и превращение всего края, и в частности Грузии, в плацдарм для борьбы против Советской России.

Англия вела двойственную политику на Кавказе. С одной стороны, поддерживала борьбу Деникина против Советской России, целью которого было восстановление «единой и неделимой» России, а с другой поддерживала иллюзии местных правительств, надеявшихся с ее помощью обрести независимость и суверенитет. В зависимости от обстоятельств английский империализм лавировал, действуя по принципу «разделяй и властвуй», что ему до поры до времени удавалось успешно претворять в жизнь.

Страны Антанты в 1918—1919 годах не признали независимость Закавказских республик. В заявлении командующего английскими войсками на Кавказе генерала Томсона от 2 декабря 1918 года говорилось: «Союзные державы, как рав-

но и новое Российское правительство в Уфе, с которыми они действуют сообща, не признают никаких независимых образований, которые возникли в России, и не будут к ним относиться как к таковым».

Внешнеполитическая обстановка для Закавказья и, в частности, Грузии в 1919—1920 годах определялась исключительно состоянием «русского вопроса». На Парижской мирной конференции начало преобладать влияние Франции, не желавшей расчленения России как своей старой и, возможно, новой союзницы на случай повторного столкновения с Германией. Поэтому державы-победительницы не допустили закавказские миссии на Парижскую мирную конференцию, которая обсуждала «русский вопрос» и завершила работу, так и не признав закавказские республики. В связи с вопросом о признании Грузинской республики странами Антанты посол Италии в Лондоне маркиз Имперали 3 ноября 1919 года направил правительству Великобритании меморандум следующего содержания: «Итальянское правительство хотело бы узнать о том, какого мнения придерживается правительство Великобритании в отношении признания или непризнания Республики Грузии».

Информация по этому вопросу интересует правительство Италии, т. к. оно твердо намерено действовать в Кавказском вопросе в полном согласии со своими союзниками и обеспечить Великобритании поддержку и сотрудничество в экономической деятельности, которую Италия предлагает развивать в этом регионе»¹⁷.

В своем ответе от 14 ноября 1919 года лорд Керзон писал, что «вопрос о признании Грузии связан и с признанием других Закавказских республик, что, в свою очередь, связано с решением всего русского вопроса и, хоть и в меньшей степени, с условиями мирного договора с Турцией»¹⁸.

Для уяснения позиции правительства Англии относительно признания Грузии можно обратиться к меморандуму МИД Великобритании по Закавказью от 24 декабря 1919 года, последний раздел которого, озаглавленный «Вопрос о признании», гласил:

«Если сравнивать Грузию и Азербайджан, то требования первой на независимость значительно обоснованнее, чем второго. Грузия в прошлом очень долго была независимым государством и сейчас владеет достаточным единством и способностью к самоуправлению, намного превышающими эти же качества, проявленные на сегодняшний день смешанным

населением Азербайджана, который, как и Дагестан, много веков находился во власти Ирана, а поэтому имеет не больше моральных прав на независимость, чем жители областей Гиладна и Азербайджана в Иране. В то же время очень трудно и невозможно по-разному относиться к Грузии и Азербайджану. Если русские перейдут через Кавказский хребет и займут Азербайджан в одном конце железнодорожной магистрали Баку — Батум, то свободу Грузии невозможно обеспечить.

Для практической пользы следует условиться, что к обеим республикам должно подходить с одних и тех же позиций. Тогда проблема будет в основном заключаться в следующем:

а) в какой степени мы готовы противостоять Деникину и Всероссийской партии и

б) насколько велико для нас значение создания буферных государств между Ираном и новой Россией будущего.

Одна из идей, которая представляется весьма популярной среди сторонников федеративной России, заключается в том, чтобы союзники незамедлительно признали независимость этих республик и передали их под британский или американский мандат в зависимости от решения Лиги Наций. Признание должно зависеть от согласия упомянутых республик (включая, возможно, и Армению) сформировать федеративное государство, а затем государство — держатель мандата — должно заявить о своей готовности распространять свой мандат на любую автономную часть бывшей Российской империи при условии, если правительство этой автономии сформировано на демократической основе. Предполагается, что непосредственным результатом этого шага будет обеспечение присоединения казачества Дона, Терека и Кубани, а затем и Украины к этому новому государству. Оно должно постепенно охватить всю территорию бывшей Российской империи, создавая демократическую федеративную республику, где нет места большевизму.

Действия в этом направлении почти наверняка приведут государство-мандаторий к острому конфликту с Деникиным и со Всероссийской партией и потребуют такой меры ответственности, какую в данный момент ни одна из союзнических держав на себя не возьмет.

Есть и другой путь: продолжать воздерживаться от признания независимости Грузии и Азербайджана до тех пор, пока не определится окончательно положение генерала Деникина, но при этом оказывая на него воздействие, чтобы он не нападал ни на одну из этих республик»¹⁹.

Правительство Англии по вопросу о признании Грузии

выбрало второй путь, упомянутый в меморандуме: «воздерживаться от признания независимости Грузии и Азербайджана до тех пор, пока не определится окончательно положение генерала Деникина...». И вот, как только стало известно о разгроме Деникина и приближении Красной Армии к Кавказу, Антанта 12 января поспешила признать «de facto» независимость Грузии и Азербайджана, которые по плану западных стран должны были служить буфером между Советской Россией и Антантой.

Еще 6 января 1920 года РСФСР обращалась к Грузии и Азербайджану с предложением вступить в переговоры о заключении военного соглашения против Деникина. Однако правительство Грузии не приняло предложения, ссылаясь на свою политику нейтралитета и невмешательства, предложило начать переговоры по политическому урегулированию отношений с РСФСР. Отказ был получен и со стороны Азербайджана.

Как бы поощряя Закавказские республики за этот отрицательный ответ, Антанта срочно признала их правительства de facto. Кроме того, Военное министерство Великобритании стало срочно изучать «альтернативные возможности обороны против возможной агрессии большевиков» против магистрали Баку—Батуми. Причем, представители Военного министерства придерживались твердого мнения в том отношении, «что, если бы возник вопрос об увеличении численности войск, пусть даже до двух дивизий, для того, чтобы удержать магистраль Баку—Батум, то было бы целесообразнее и эффективнее использовать такую армию как-то иначе, как, например, для наступления на Москву через Польшу, что поддержало бы антибольшевистские силы на всех фронтах, или же для помощи Деникину на юге России»²⁰. Здесь явно ощутим вариант вторжения в Советскую Россию со стороны Польши. А как известно, в апреле 1920 года она начала военные действия против РСФСР.

Английский историк Денис Огден отмечает, что «в ходе гражданской войны в России Великобритания поддержала белых генералов, которые были за восстановление «единой и неделимой России». После их поражения «меньшевистская Грузия рассматривалась как возможное звено в Кавказском санитарном кордоне». Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж в беседе с министром иностранных дел Грузии подчеркнул, что Англия «на стороне независимой Грузии как барьера против большевизма». Великобритания, сказал он, осудит любое нападение на Грузию и сделает все, чтобы по-

мочь последней, хотя и невозможно предсказать какую практическую форму обретет эта помощь²¹.

14 января 1920 года на торжественном заседании Учредительного собрания Грузии, посвященном признанию Антантой «де факто» ее правительства, И. Жордания заявил: «Случилось редкое событие. Вся Европа, без различий партий и классов, единогласно заявила нам, да будет благо ваше рождение, добро пожаловать! И мы должны на деле оправдать это единодушное благословение, стать настоящими европейцами. И это мы оправдаем, если и впредь будем вести ту политику, которую вели по сие время, если мы не сойдем с того пути, по которому шли до сих пор...

Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз. Мы ей наотрез отказали в этом. Вам, наверное, известен наш ответ. Что означает этот союз? Он означает, что мы должны были порвать связь с Европой, как это сделали они, и обратить свои взоры к Востоку, где они ищут новых союзников. Запад или Восток? Вот вопрос, который поставлен перед нами и здесь колебания невозможны: мы всегда выбирали и выбираем Запад и, если большевики хватаются за Восток, это потому, что Запад им отказал в союзе и признании. Как видите, пути Грузии и России и здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России — в Азию. Знаю, враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я здесь должен решительно заявить, предпочту империалистов Запада фанатикам Востока»²².

Такая позиция вызвала критику со стороны депутатов Учредительного собрания. Социалист-федералист Ф. Глonti, критикуя речь И. Жордания от 14 января 1920 года, считал, что «глава меньшевистской демократии Грузии И. Жордания противопоставил большевистской политике так называемую европейскую линию меньшевиков: мы, меньшевики, дескать, европейские социалисты, а большевики — социалисты из Азии, мы носители культуры и цивилизации, а Московия — Азии, ее косности и фанатизма.

Для серьезного политического деятеля недопустима такая постановка вопроса. Для тактики и выработки определенного плана работы необходимо выявить всю суть создавшихся политических условий, изучить эти условия, политические задачи и отнестись к ним с точки зрения национальных и подлинно демократических интересов, если только таковые интересы руководят нами».

«Во имя дорогой родины, — продолжал Глonti, — мы

не можем сказать, что берем сторону Запада против Востока. Это было бы абсурдно и легкомысленно. Мы сами граждане Востока, все наши исторические друзья и соседи — люди Востока, с ними мы жили, живем и будем жить, и с ними обязаны сохранить самые дружеские отношения.

Мы открыто должны заявить, что не стоим ни за восточный, ни за западный империализм. Мы за культуру, цивилизацию, демократию и социализм, все равно, будет ли эта культура с Востока, Запада, Севера или Юга»²³.

О внешнеполитических планах правительства Грузии в этот сложный для страны период говорится в письме министра иностранных дел Е. Гегечкори Верховному комиссару Великобритании в Грузии сэру О. Уордропу от 10 января 1920 года: «После того, как расчеты большевизма на социалистическую революцию Запада оказались неудавшимися, взоры русских большевиков обратились на мусульманский мир Востока, где хотя и нет почвы для социального переворота, но имеется много горючего материала, которым большевики намерены воспользоваться для борьбы с Антантой.

По нашим сведениям, между большевиками и руководящими кругами Турции, и вообще мусульманского мира, достигнуто соглашение для координирования совместных выступлений против Антанты, главным образом против Англии.

Возможность такого совместного выступления вытекает из совпадений в данный момент задач большевиков и руководителей Турции.

Разгром денижинской армии, окончательная ликвидация которой, по нашему мнению, вполне вероятна в самом ближайшем будущем, даст большевикам возможность реально осуществить свои задачи, соединившись через Закавказье с Турцией, Персией и дальше со всем мусульманским Востоком. Нетрудно представить себе, какие тяжелые последствия создадутся для Великобритании, если этим силам удастся осуществить свои цели и перекинуть большевистский мост на мусульманский Восток.

Закавказье, в частности Грузия, является естественной преградой, разъединяющей две враждебно настроенные к Закавказью силы.

До сих пор Грузия, не получая никакой реальной помощи, исключительно собственными силами защищала свою свободу и независимость, объективно защищая тем самым интересы Англии, державы, наиболее заинтересованной в мусульманском Востоке.

Несмотря на такую роль Грузии, до сегодняшнего дня Англия не помогала ей... Так, благодаря политике военных английских властей в Батуми Грузии не удастся укрепить границы Батумской области от возможного нашествия на нее турок, кроме того, непризнание независимости Грузии тормозит работу по укреплению государственных устоев; далее Англия не проявила необходимых усилий для устранения фактической блокады, от которой сильно страдает Грузия.

В настоящее время, с приближением Красной Армии к высотам Кавказа, положение Грузии осложняется. Без реальной поддержки Республика Грузия, переживающая тяжелый экономический кризис, не может противостоять натиску с севера и юга, а падение Грузии серьезно отразится на интересах Антанты на Востоке и, в первую очередь, на интересах Великобритании. Но если ей будет оказана поддержка со стороны заинтересованной державы, я решительно заявляю от имени правительства Грузии, что она найдет достаточно мужества и силы для защиты своих границ от вражеского нашествия.

Исходя из вышеизложенных соображений, правительство Грузии полагает, что правительство Англии, действуя в полном соответствии со своими собственными интересами, должно оказать поддержку Грузии в ее борьбе с надвигающейся опасностью с юга и севера. Для того, чтобы эта поддержка оказалась целесообразной и по своим размерам отвечающей требованиям момента, правительство считает срочно необходимым:

- 1) Немедленное признание Англией независимости Республики Грузии;
- 2) возвращение Грузии Батумской области в целях укрепления границ Республики;
- 3) оказание широкой помощи: оружием, продовольствием и валютой.

Эта помощь, если она будет оказана своевременно, вызовет в республике необычайный подъем народной энергии, что даст нам полную возможность защиты обоюдных интересов Грузии и Англии, вполне сочетающихся в данный исторический момент»²⁴.

Однако надежды грузинского правительства на помощь со стороны Англии не оправдались. Кроме того, 24 февраля 1920 года Антанта решила сделать Батуми *porto franco* (свободным портом). Правда, в тот же день Верховный совет Антанты принял новую резолюцию по русскому вопросу, в которой говорилось, что он не рекомендует окраинным государст-

вам вести войну против РСФСР, но если РСФСР на них нападет, то Антанта защитит их.

Как показали последующие события, резолюция так и осталась пустой декларацией. В этих условиях грузинское правительство в апреле 1920 года обратилось к Советской России с нотой, предлагая начать политические переговоры для заключения мирного договора.

Разгром Деникина и приближение Красной Армии к границам Закавказья ставят перед правительством РСФСР вопрос о политике по отношению к Закавказским республикам. Советская Россия, исходя из стратегического значения региона и наличия в нем запасов нефти, концепции мировой революции, а также идей пролетарского интернационализма в таком, например, «непосредственном выражении, как стремление на штыках Красной Армии принести освобождение трудящимся»²⁵, поставило перед собой задачу путем военного вмешательства советизировать республики Закавказья. 17 марта 1920 года В. И. Ленин телеграфировал членам РВС Кавфронта И. Т. Смилге и Г. К. Орджоникидзе: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостоверить максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советуем еще более осторожно. О перебросках условьтесь с Главкомом»²⁶.

После установления Советской власти в Азербайджане 28 апреля в грузинской прессе было опубликовано обращение Н. Жордания к народу, в котором говорилось, что «правительство объявило мобилизацию, учредило совет обороны, назначило главнокомандующего, объявило Восточную Грузию на военном положении»²⁷.

Было ли это вызвано реальной опасностью, создавшейся на восточных границах Грузии, или же простой мерой предосторожности?

Как указывают архивные документы, реальная опасность существовала. С. Орджоникидзе, член Реввоенсовета XI Армии, в начале мая обратился в ЦК РКП(б) с предложением начать наступление в сторону Грузии, мотивируя это тем, что внутри ее уже все подготовлено для начала восстания. В первые дни мая большевики Грузии предприняли попытку поднять вооруженное восстание, которое закончилось неудачей ввиду того, что оказалось изолированным и недостаточно подготовленным. 6 мая Сталин в своей телеграмме на

имя Орджоникидзе от имени ЦК категорически запретил двигаться в сторону Грузии. Он сообщил, что в Москве ведутся переговоры с представителем правительства Жордания о заключении мирного договора, который предусматривал легализацию Компартии Грузии.

«Все равно, — отмечал Сталин, — через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской, другого пути для нее нет». И советовал убедить пограничные части Грузии и других повстанцев внутри республики не торопиться с выступлениями и сохранить свои силы для ближайшего будущего. В ответ на сообщение Орджоникидзе и Смилги о готовности занять Тбилиси к 12 мая Сталин, выражая мнение ЦК РКП, считал такие действия абсолютно несовместимыми «с нашей политикой»²⁸. По-видимому, осложнение взаимоотношений с Польшей, вылазка Врангеля и опасность прямого столкновения с английскими войсками, которые находились в Батуми, побудили РСФСР отказаться в тот момент от прямого военного вмешательства в дела Грузии с целью ее советизации, хотя в телеграмме Сталина и говорилось о необходимости сохранить силы для ближайшего будущего.

В конце апреля 1920 года по поручению Н. Жордания член Учредительного собрания Грузии Г. Уратадзе прибыл в Москву для ведения конфиденциальных переговоров с Советским правительством о заключении мирного договора между Грузией и Советской Россией.

Глава грузинского правительства в тот период говорил, что пойдет «на все комбинации для избавления Грузии от захвата извне и предпочитает советскую власть кровопролитию».

Политические деятели Грузии, видя, что на Версальской конференции великие державы не признали независимости Грузии, сделали правильный вывод. «Ясно было, — писал Н. Жордания, — что с Россией, хотя и ослабленной, очень считались, не хотели ее расчленения. Я решил начать переговоры с Москвой о признании, и если она нас признает, с этим векселем мы можем предстать перед ареопагом Европы и этим мы достигнем цели»²⁹.

Советская Россия согласилась на ведение переговоров и 7 мая 1920 года был заключен мирный договор между РСФСР и Грузией, который подписали член Учредительного собрания Грузии Г. И. Уратадзе и заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан. По этому договору РСФСР, исходя из

прав всех народов на свободное самоопределение, вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят, безоговорочно признавала независимость и самостоятельность грузинского государства и отказывалась добровольно «от всяких суверенных прав, кои принадлежали в отношении к грузинскому народу и земле и обязывалась отказаться от всякого вмешательства во внутренние дела Грузии»³⁰.

Этот договор имел важное значение для укрепления международного статуса Грузии. Советская Россия стала первой великой державой, которая признала грузинское государство «de jure» и установила с ним дипломатические отношения.

РСФСР обязывалась «признать безусловно входящими в состав грузинского государства нижеследующие губернии и области бывшей Российской империи: Тифлисскую, Кутаисскую и Батумскую со всеми уездами и округами, составляющими означенные губернии и области, а также округа Закатальский и Сухумский»³¹.

По словам представителя французской миссии в Грузии де Нонанкур, «договор онял все рогатки и открыл путь для признания Грузии другими государствами».

«Это был первый случай, когда государство признавало независимость части своей территории раньше, чем это сделали бы другие государства»³², — делал вывод Гр. Уратадзе.

Правительство Грузии по договору 7 мая обязывалось: «Немедленно разоружить и интернировать в концентрационных лагерях находящихся на территории Грузии к моменту подписания настоящего договора, буде таковые окажутся, или имеющие впредь перейти в ее пределы военные и военноморские силы, команды и группы, претендующие на роль правительства России или части его, или на роль правительства союзных с Россией государств, а равно представительства и должностные лица, организации и группы, имеющие воей целью низвержение правительства России или союзных с ней государств»³³. Правительство Грузии было обязано принять меры к удалению с территории Грузии всякого рода войск и военных стрядов, не входящих в состав правительственных войск Грузии³⁴.

Таким образом, грузинское правительство брало на себя обязательство содействовать выводу с территории Грузии вооруженных сил Великобритании, которые оккупировали Батумскую область, а также прекратить деятельность всяких самочинных буржуазных правительств и их агентов, бежавших

с Северного Кавказа и других районов России и нашедших приют в Тбилиси.

По договору Грузия считала себя обязанной передать правительству РСФСР принадлежавшие Советской России и находившиеся в грузинских портах Черного моря корабли и другое имущество. Особое секретное дополнение к договору предусматривало легализацию коммунистических организаций Грузии. «Грузия обязуется, — фиксировалось в нем, — признать за находящимися на территории Грузии коммунистическими организациями право свободного существования и деятельности, в частности, право свободного устройства собраний и прав свободного издательства (в том числе органов печати)»³⁵.

Статьи договора от 7 мая о границах Грузии вызвали возражения и протест со стороны Советского Азербайджана и Армении. 15 июня 1920 года дипломатический представитель Армении при правительстве Грузии Г. Бекзадян направил ноту с протестом против признания Советской Россией Тифлисской губернии и Батумской области со всеми уездами и округами, безусловно входящими в состав Грузии. «Договор, — сказано в ноте, — поставил Армению перед свершившимся фактом, было нарушено соглашение между Грузией и Арменией о спорных территориях от 17 января 1919 года, поэтому правительство Армении вышеназванный договор в части, касающейся спорных областей Тифлисской губернии и Батумской области, считает недействительным»³⁶. Аналогичный протест по Закатальскому округу был заявлен и Советским Азербайджаном.

Принимая во внимание этот факт, РСФСР и Грузия, предварительно заручившись согласием правительства Советского Азербайджана, 12 мая 1920 года подписали дополнительное соглашение к мирному договору от 7 мая, в котором речь шла о том, что вопрос «о спорных местностях на границе между Грузией и Азербайджаном в Закатальском округе передается на разрешение смешанной комиссии, образуемой из представителей правительства Азербайджана и Грузии в равном количестве, под председательством представителя РСФСР. Все решения этой комиссии будут признаваться для себя обязательными правительствами Азербайджана и Грузии»³⁷.

Вопрос о границах между закавказскими национальными республиками был одним из самых больных на Кавказе, — признавалось в отчете Наркоминдела РСФСР VIII съезду Советов за 1919—1920 годы. «С того момента, — говорил

Г. Чичерин, — когда Азербайджан стал Советской республикой и аванпостом рабоче-крестьянского строя на Востоке, прежние пограничные споры его с соседними республиками еще более осложнились противоположностью строя. Занимая часть спорного Закатальского округа, Грузия превращала оккупированную часть его в базис для пытающихся действовать в Азербайджане контрреволюционных организаций. Еще более обострились отношения между Азербайджаном и дашнакской Арменией»³⁸. Далее Чичерин сообщил, что Советское правительство в интересах мира решило занять спорную полосу как между Грузией и Азербайджаном, так и между Арменией и Азербайджаном.

В его докладе на заседании ВЦИК 17 июня говорилось, что Грузия «это один из самых чувствительных узлов мировой политики, и в Грузии мы поставили себе две цели. Одна цель — это чтобы территория Грузии не служила для подготовки против нас каких-либо нападений и не служила бы ареной для враждебных Советской России войск. На территории Грузии имеются не только остатки деникинских войск, но там имеются также антантовские войска в Батуме, и по договору с нами Грузия обязалась возвратить нам как снаряжение, так и остатки денижинских войск... Другая цель — это обеспечить коммунистам Грузии легальное положение, и это достигнуто другой статьей договора об амнистии коммунистам... Мы убеждены, таким образом, что в Грузии созданы условия для мирных отношений правительства Грузии с нашим правительством»³⁹.

Между тем обе стороны нарушали положения заключенного договора. 23 марта 1920 года на заседании Кавказского Краевого комитета РКП(б) было принято решение о провозглашении Советской власти в Южной Осетии и организации Юго-Осетинского ревкома⁴⁰.

6 мая 1920 года Юго-Осетинский ревком принял решение: «...подчиняясь приказу Кавказского краевого комитета, признаем необходимым объявить Советскую власть, пока в Рокском районе, закрыть ущелье... присоединиться к РСФСР... о чем известить Москву и демократическую Грузию»⁴¹.

Это решение ревкома было грубым нарушением территориальной целостности Грузии, которую признала РСФСР по договору от 7 мая 1920 года. Кроме того, из Терской области РСФСР в Рокское ущелье был послан отряд советских войск при двух орудиях⁴²; естественно, что грузинское правительство, стремясь сохранить территориальную целостность рес-

публики, направлено против повстанцев части регулярных войск. Это вызвало протест со стороны РСФСР. 17 мая 1920 года нарком иностранных дел Г. Чичерин в ноте на имя министра иностранных дел Грузии Е. Гегечкори писал: «Мы с тревогой узнали, что в Южную Осетию, где провозглашена Советская республика, направлены для уничтожения таковой власти грузинские войска.

Мы настаиваем, если это верно, отозвать свои войска из Осетии, ибо считаем, что Осетия должна иметь у себя ту власть, которую она захочет. Вмешательство Грузии в дела Осетии было бы ничем не оправдываемым вмешательством в чужие внутренние дела»⁴³. Но именно такая позиция Советского правительства являлась грубым вмешательством во внутренние дела Грузинской республики и явным нарушением статьи второй договора от 7 мая.

Е. Гегечкори в письме представителю Грузии в Москве К. Кавтарадзе от 17 июня 1920 года сообщал: «Советские и осетинские агитаторы и красноармейские командиры с значительным отрядом перешли через Рокский перевал с большим количеством оружия и двумя пушками. Подзадориваемые этим, осетины, совместно с прибывшими из Северного Кавказа, организовали вооруженное восстание против грузинских властей с целью ниспровержения существующего в Грузии правопорядка. Пользуясь малочисленностью нашего гарнизона, они захватили Цхинвали, перебили часть гарнизона, часть забрали в плен, грабя и избивая мирное население. Для усмирения восстания отправлены войска, которые уже очистили от банд Джавский и Цхинвальский районы и преследуют их в направлении Рокского перевала, куда они с боем отступают.

Еще раз прошу поставить в известность Наркоминдел Чичерина, что действия советских красноармейцев из Владикавказа в Цхинвальском и Джавском районах подрывают значение мирного договора 7 мая и что необходимо принять срочные меры для предотвращения подобных описанному выше явлений, вызывающих в населении тревогу и недоумение... Местные коммунисты продолжают вести себя враждебно, не проявляя никакого желания считаться с взаимоотношениями, созданным договором между Грузией и Советской Россией. Им было разрешено издавать в Тифлисе газету «Коммунист». Предполагалось, что местные коммунисты присоединятся к русско-грузинскому договору, способствуя укреплению добрососедских отношений между Россией и Грузией. Но коммунисты, привлекая в свои организации иноподданных, приня-

лись за усиленную пропаганду в войсках Республики, старались вызвать среди них измену и дезертирство и ослабить наш фронт против Азербайджана и аджарских пантюрских банд, руководимых группой «Седан-Милети». 5 июня в Натанеби арестована некая Пресман, у которой оказалось воззвание, направленное против правительства Грузии и подписанное Батумским Комитетом РКП(б). Пресман заявила, что прокламации ей дали в Тифлисе в редакции «Коммуниста». Все старания местных коммунистов направлены к отторжению окраин Грузии и созданию анархии внутри страны. Правительство принимает соответствующие меры»⁴⁴.

В другом письме на имя К. Кавтарадзе от 17 июня 1920 года Е. Гегечкори писал, что заместитель Наркома иностранных дел Карахан переслал ему список лиц, находящихся в миссии Кирова. По этому списку насчитывалось 32 человека. «Должен указать, — отмечал Гегечкори, — что такая большая миссия в маленькую Грузию сама по себе стала вызывать сомнения о задачах миссии, якобы выходящих за пределы функции представительства при нашем правительстве. В Тифлис уже приехала часть миссии. По их заявлению оказалось, что миссия насчитывает 50 лиц. Это уже превзошло все наши ожидания. Кажется, история не знает такого многочисленного представительства. Не желая на этой почве вызывать каких-либо осложнений, правительство Грузии предоставило им нужные помещения, но я уполномочиваю Вас поставить этот вопрос в Наркоминделе, поясните Чичерину, насколько неудобно и нецелесообразно делать такие шаги, которые могут сгущать атмосферу подозрительности и сомнений. Вместе с тем, правительство крайне удивлено, что советником назначен Сергей Кавтарадзе. Я уже писал Вам об этом. Почему наши вполне правильные указания не приняты во внимание.

Очевидно, тут мы имеем дело с определенной системой. Мы получили сейчас известие, что председателем арбитражной комиссии для разрешения спора о Закатальском вопросе назначен Буду Мдивани, что абсолютно для нас неприемлемо. Что бы сказали в Москве, если бы мы членами миссии назначили людей, ведших и ведущих активную борьбу против Советской России.

Заявляю, что кроме досадных недоразумений ничего отсюда не выйдет. Еще раз предложите Чичерину устранить это. В противном случае придется официально поставить вопрос об устранении Кавтарадзе и Мдивани, что нежелательно...»⁴⁵.

В письме Е. Гегечкори на имя К. Кавтарадзе и полномочному представителю Советской России в Грузии С. Кирову от 19 июля 1920 года говорится: «При первом свидании с Полномочным представителем РСФСР в Грузии я имел случай высказать предположение, что единственной помехой предстоящей нам общей работы могли бы служить домогательства местных коммунистов, которые, не находя в стране почвы для своих разрушительных планов, всю надежду возлагают на внешнюю силу. Тогда же я поставил представителя Советской России в известность о том, что местные коммунисты с самого начала были против мирного соглашения с Советской Россией, а когда таковое состоялось, задались целью сорвать его, прибегая к всевозможным средствам».

Далее Гегечкори отмечал, что коммунисты Грузии «помимо своей легальной работы ведут деятельную пропаганду в войсках, в рядах народной гвардии и широких массах крестьян, пользуясь крупными денежными средствами, получаемыми извне, причем под флагом коммунистов работают и явные реакционеры, ничего общего с партией не имеющие. Между тем, правительство Грузии, руководствуясь точным смыслом мирного договора с Советской Россией, своевременно легализовало коммунистическую партию, освободив от ареста до 900 коммунистов, затем предоставило членам партии право печатания публичных лекций, докладов и издание партийных газет и вообще не стесняло и не стесняет их деятельности, поскольку она ведется в рамках признания независимости республики Грузии и существующего в ней государственного правопорядка. И если, несмотря на это, члены местной коммунистической партии или лица, именующие себя коммунистами, продолжают развивать деятельность, направленную к ниспровержению установленного государственного правопорядка, то мое правительство не может не принимать против подобных лиц меры, диктуемые интересами государственной безопасности. В этом отношении, полагаю, Советское правительство разделит точку зрения моего правительства, так как согласно мирному договору Грузии с Советской Россией обе договаривающиеся стороны обязались не только признавать взаимную самостоятельность, но также гарантировать друг другу, при условии невмешательства во внутренние дела, отсутствие на своей территории организаций, деятельность коих была бы направлена на ниспровержение существующего правительства»⁴⁶.

В августе, в письме на имя Кавтарадзе Гегечкори излагал

позицию своего правительства по вопросу о репрессиях против коммунистов.

«Мы независимое государство, — подчеркивал СН, — признание чего учинено ясно и определенно договором 7 мая, и всякого рода попытки связать нас, когда наше правительство принимает меры против явных врагов нашей республики, не ссанавливающихся ни перед чем, чтобы нашу республику взорвать, должны быть признаны недопустимыми Москвой. Всякая иная точка зрения превращает нашу суверенность в фикцию и лишает авторитета договор с Советроссией. Это должны понять в Москве. Легально коммунистическая партия работает, издает газеты, устраивает публично собрания своих организаций; всякие же попытки выйти за пределы этого правительство Грузии допустить не может. Миссия Кирова, к сожалению, сошла с единственно правильного пути. Она всю свою энергию тратит на мелочи, выступает скорее как защитник коммунистической партии, чем представитель государства с широкими политическими задачами. В этом источник неуспеха миссии Кирова и это постарайтесь уяснить Народному комиссариату иностранных дел. Время еще не потеряно»⁴⁷.

23 августа 1920 года замминистра иностранных дел Грузии Сабахтарашвили в ноте на имя представителя РСФСР в Грузии подчеркивал, что правительство твердо стоит на почве строгого соблюдения мирного договора с РСФСР. «Однако почти ежедневно в прессе РСФСР и в известиях бюро печати, возглавляемого Вами представительством, публикуются сообщения и информации, имеющие целью дискредитировать Республику Грузию и ее правительство в глазах правительства РСФСР.

Одним из таких сообщений является письмо Сосновского, помещенное в газете «Правда» от 3 августа, полное инсинуаций и оскорблений по адресу Республики Грузии и ее правительства, всецело построенное на клевете. Таково, например, выступление Орджоникидзе и других лиц во Владикавказе 6 августа.

Обращая Ваше внимание на столь враждебные выступления со стороны должностных лиц РСФСР и общий недоброжелательный тон органов печати РСФСР против Грузии, подрывающих доверие общественного мнения России к Республике Грузии, прошу Вас во имя интересов наших Республик не отказать в принятии надлежащих мер на предмет устранения ничем не оправданной и совершенно нецелесообразной

травли прессы и официальных представителей РСФСР против Грузии»⁴⁸.

В августе 1920 года в письме Чичерину Киров констатировал «воинственный тон газет на Северном Кавказе и в Азербайджане по отношению к Грузии. В них печатались удивительные вещи о Грузии»⁴⁹. Отсюда, по мнению Кирова, и печать подозрительности по отношению к РСФСР.

24 июня 1920 года Е. Гегечкори в ноте на имя наркоминдела Азербайджанской ССР Гусейнова (копия была послана Чичерину) указывал на явное нарушение Азербайджаном московского договора от 7 и 12 мая и соглашения между Грузией и Азербайджаном от 12 июня в Акстафе. Вопреки зышеназванным соглашениям правительство Азербайджана ввело в Закатальский округ войска. Правительство Грузии в своей ноте настаивало на немедленном выводе азербайджанских войск из Закатальского округа⁵⁰.

Ноты протеста грузинского правительства по поводу нарушений условий договора со стороны РСФСР и Азербайджана особенно участились в ноябре-декабре 1920 года. В них шла речь о приостановке провоза нефтяных продуктов из Азербайджана в Грузию, о скоплении советских войск на границах с Грузией и т. д.⁵¹.

С. М. Киров был назначен полномочным представителем РСФСР в Грузии в июне 1920 года.

11 июля он сообщал из Тбилиси Орджоникидзе о «всеобразном» выполнении правительством меньшевиков пунктов договора от 7 мая. По словам Кирова, «легализация компартии свелась к тому, что бродит по городу полдюжину коммунистов — есть две газеты. Все остальные в Метехи. Меньшевики стремились путем фантастических обвинений упрятать всех в тюрьму и ликвидировать партию. Так же выполняли и другие пункты»⁵².

По заявлению Ф. Махарадзе от 16 июня 1920 года, меньшевистская администрация преследовала и репрессировала коммунистов в Тианетском уезде, Лечхуми, Раче, Пасанаури. И после подписания договора коммунисты продолжали находиться в тюрьме. А выпущенных без предъявления обвинений подвергли выселению⁵³.

О явных нарушениях договора с РСФСР со стороны грузинского правительства свидетельствует доклад сотрудника врангелевской контрразведки в Тбилиси Погодина начальнику штаба Главного командования Юга России от 15 ноября 1920 года. В докладе сообщалось, что организационная работа по

поднятию восстания на Северном Кавказе почти закончена... Погодин просил не придавать особого значения действиям грузинского правительства, связанных с обстрелом берегов Грузии крейсером «Алмаз», ибо оно не могло не реагировать в связи с советским договором, и вынуждено было ответить для выхода из положения арестами, протестом и т. д. Но это, по словам Погодина, не что иное, как буффонада, разыгранная с целью предотвращения могущих возникнуть осложнений с большевиками. Доказательством служит то, что ни один из врангелевых как руководящих деятелей, так и мелких служащих не пострадал, то есть не был ни арестован, ни выслан, хотя фамилии их хорошо были известны и особому отряду, и высшим властям⁵⁴.

По сообщению полномочного представителя РСФСР в Грузии А. Шейнмана (он сменил Кирова на этом посту в сентябре 1920 года), в ноябре—декабре грузинское правительство «в нарушение договора с РСФСР не пропускало эшелоны с продовольствием для голодающих Армении, обрушилось с репрессиями на Коммунистическую партию Грузии. Оно затребовало также разрешение вопроса о передаче российских кораблей правительству РСФСР». 25 июля того же года Киров в ноте правительству Грузии указывал, «что на территории Грузинской демократической республики, особенно в северо-западной Грузии, в Сухумском округе, продолжается систематическая концентрация и вербовка различных групп, поддерживающих организации, претендующие на роль правительства России. Деятельность названных организаций протекает в достаточной мере открыто и тем не менее не встречает никаких преследований со стороны правительства»⁵⁵. «Не менее точные данные имеются, — говорилось в ноте, — и о том, что из Батума продолжают отправки бывших деникинских офицеров и нефтяных продуктов в Крым ген. Врангелю».

В письме Ленину от 20 августа 1920 года Киров, отмечая репрессии меньшевиков по отношению к коммунистам Грузии, писал: «Пользуясь самыми невероятными фантастическими предлогами, грузинские меньшевики повели аресты и ликвидацию партии коммунистов и в настоящее время партия переживает чрезвычайно тяжелый момент: газеты закрыты, ряд организаций ликвидирован совершенно, многие товарищи в тюрьмах, много выслано из Грузии»⁵⁶.

Дипломатическая миссия РСФСР, по донесениям Кирова, работала в сложных условиях. В письме Чичерину в августе 1920 года он сообщал: «Крупное затруднение пришлось

мне испытать в установлении должного отношения к нашему представительству. Никаких поводов к тому, чтобы Грузинское правительство имело основание агрессивно относиться к нам, я не давал. Тем не менее недоверие, какая-то болезненная подозрительность были единственными руководителями Грузинского правительства. Оно до последней степени уверено, что в лице нашего представительства сюда прибыл «грузинский ревком». Такого же мнения все здешние иностранные миссии...»⁵⁷.

А вот как характеризует деятельность советской миссии в Грузии один из лидеров грузинской социал-демократии И. Церетели в своем письме к социалистическим партиям и рабочим синдикатам Европы от 10 марта 1921 года: «Советское правительство послало в Грузию дипломатическую миссию, действительной задачей которой было создание условий, благоприятных для вооруженного нападения на маленькую республику. Эта миссия насчитывала 400 членов, которые вели в Грузии противоправительственную пропаганду, устраивали заговоры, занимались шпионажем, создавали всякого рода недоумения между Россией и Грузией. Политика, которую большевики вели по отношению к Грузии в Армении, в Азербайджане и на Северном Кавказе носила не менее вызывающий характер. Они организовали вокруг Грузии своего рода блокаду. Они лишили ее нефти, захватывали подвижной состав грузинских железных дорог... Но грузинская политика была такова, что вся эта кампания провокаций не могла дать большевикам ни малейшего предлога для оправдания открытой войны против Грузинской республики»⁵⁸.

После установления Советской власти в Армении 29 ноября 1920 года внешнеполитическое положение Грузии осложнилось. Она оставалась единственной несоветизированной республикой в Закавказье. Тяжелое положение страны усугублялось и экономическим кризисом, охватившем почти все отрасли народного хозяйства. В октябре 1920 года, выступая на экономическом совещании, Н. Жордания в своем докладе заявил: «Несколько времени тому назад мы говорили, что в экономическом отношении мы быстрыми шагами идем к катастрофе... Теперь каждый из нас во всей остроте испытывает на себе горькую действительность. Мы уже дошли до катастрофы»⁵⁹.

Характеризуя положение Грузии, Сталин в беседе с сотрудником газеты «Правда» 30 ноября 1920 года отмечал: «Катастрофическое хозяйственное и проводольственное поло-

жение Грузии — факт, констатируемый даже заправилami нынешней Грузии. Грузия, запутавшаяся в тенетах Антанты и ввиду того лишившаяся как бакинской нефти, так и кубанского хлеба, Грузия, превратившаяся в основную базу империалистических операций Англии и Франции и потому вступившая во враждебные отношения с Советской Россией, эта Грузия доживает ныне последние дни своей жизни»⁶⁰. Эта была угроза и приговор Грузинской демократической республике.

Хотя, заметим, несколько ранее в письме полномочного представителя Грузии в Москве Г. Махарадзе от 9 ноября 1920 года на имя Е. Гегечкори говорилось: «Я получил заверения от представителей Центральной Советской власти и представителя Кемаль-паши в Москве, что против Грузии никаких агрессивных действий не предполагается. Мое впечатление, что Центральная Советская власть искренно против наступления на Грузию, но некоторые провокаторские группы, работавшие около нашей республики, могут втянуть нас в кровавую распрю. Поэтому надо быть ко всему готовым. Ваши подготовительные меры в этом направлении вполне уместны. Я Вам сообщил, что в Азербайджан выехал со специальными полномочиями Сталин. Я много говорил с ним перед отъездом, и он уверял в лояльности по отношению к нашей республике, но позиция его осталась все же неясною и боюсь, что некоторые группы могут повлиять на него. О Грузии распространяются здесь всякие басни, недавно сообщили, что Грузия отправляла Врангелю сорок тысяч пудов нефти и целые отряды на помощь. На некоторых легковерных это действует»⁶¹.

В этих сложных внутренних и внешних условиях политические лидеры Грузии стремились проводить гибкую политику с целью укрепления своих позиций.

11 ноября 1920 года нарком иностранных дел Азербайджана Гусейнов направил сообщение из Тбилиси о том, что «на секретном заседании меньшевистского правительства Жордания поставил вопрос о сближении Грузии с Москвой»⁶².

В телеграмме, направленной Орджоникидзе Сталину 28 ноября 1920 года, читаем следующее: «По словам Шейнмана, меньшевики с каждым днем теряют кредит, но пока не обанкротились. С. Кавтарадзе — банкротство налицо и дальше идти некуда, ссылается на невозможное положение страны во всех отношениях. Ной (Жордания — А. М.) на совещании заявил, что страна летит в пропасть. Среди рабочих поворот в нашу сторону, на днях на съезде печатников в правление прошло большинство большевиков... Кемаля боятся чертовски.

По словам Сванидзе, против русских широкие массы не пойдут»⁶³.

1 октября 1920 года делегация ЦК Компартии Грузии из 5 человек направилась к председателю правительства Жордания для выяснения «некоторых злободневных вопросов существования и деятельности партии». Инициатива исходила от правительства, в частности, от заместителя премьер-министра Гр. Лордкипанидзе, который передал в ЦК КПГ приглашение о встрече с Жордания, чтобы поговорить «о формах «сожительства», если, мол, коммунисты откажутся от призыва в Грузию иностранной военной силы и будут опираться лишь на внутренние силы, то, конечно, мы (меньшевики — А. М.) готовы немедленно дать полную свободу организации, агитации, пропаганде и т. д.»⁶⁴.

Состоялась двухчасовая беседа с Жордания. Смысл его разъяснений, по словам М. Орахелашвили, был таков: «Легализация Компартии существует, а аресты зачастую происходят по распоряжению местных самоуправлений. Мы боимся России, и пока не получим уверенности в том, что она нас не раздавит, пока Северный Кавказ и Азербайджан не перестанут нам угрожать войной, большей свободы мы вам дать не можем. Но как только посланник Г. Махарадзе сообщит из Москвы успокоительную весть, а Азербайджан установит с нами добрососедские отношения, то, конечно, все свободы будут предоставлены вам»⁶⁵. «Наша делегация, — говорил Орахелашвили, — заявила, что Москва не пойдет громить Грузию, но раз она пойдет, то видно Грузия злостно использует самоопределение и, конечно, коммунисты Грузии будут в лагере Москвы. Это признал естественным и само собой разумеющимся и Жордания — тем более, что наша делегация добавила: объявите нас тогда вне закона и поступайте с нами как хотите»⁶⁶.

Заметных результатов беседа не дала, но репрессий особых до конца октября не было, — указывал Орахелашвили⁶⁷.

14 ноября 1920 года РСФСР, Советский Азербайджан и Грузия подписали торгово-транзитное соглашение. РСФСР и Азербайджанская ССР должны были ежемесячно поставлять Грузии 1 млн. пудов нефти, а Грузия на сумму стоимости полученных нефтепродуктов вывозить каменный уголь, лесные и прочие материалы свободным транзитом⁶⁸. Казалось, были созданы условия для успешного развития добрососедских отношений между Грузией и РСФСР, однако после советизации

Армении и особенно после разгрома Врангеля отношения между РСФСР и Грузией резко обострились.

9 декабря 1920 года правительство РСФСР ³¹⁴¹³⁵³²¹¹ ~~известило~~ своего представителя в Грузии Шейнмана, что им отдано распоряжение о приостановке вывоза нефти в Грузию ввиду последних действий правительства Грузии, не согласуемых с дружественно-договорными отношениями, установленными между РСФСР и Грузинской республикой. Далее в ноте были перечислены следующие факты: 1) задержка передачи российских судов, находящихся в портах Грузии, советским властям; 2) правительство Грузии, несмотря на словесные заверения, не предпринимает никаких реальных мер к осуществлению беспрепятственного транзита РСФСР и Аз. ССР в Армению, что срывает возможность своевременной продовольственной и топливной и иной помощи трудящимся массам Армении; 3) в нарушение секретного пункта мирного договора от 7 мая правительство Грузии возобновило массовые гонения и репрессии против организаций и членов Грузинской Компартии и т. д.⁶⁹

В ответной ноте на имя Шейнмана от 15 декабря Сабахтарашвили, объясняя действия своего правительства, которые, по его словам, неправильно были освещены в ноте представителя РСФСР, писал, что обвинение Грузии в умышленном затягивании разрешения вопроса о находящихся в ее портах российских судов, не может быть признано обоснованным, так как «разрешение этого вопроса, как Вам отлично известно, задерживалось суждением особой комиссии, вырабатывавшей текст соглашения по этому вопросу, и в настоящее время, когда текст этого соглашения уже 13 сего декабря выработан и мы, как я сообщал Вам нотою от 14 декабря, ждем лишь Вашего ответа, задерживающего подписание этого соглашения, приводимое Вами обвинение не может быть принято во внимание». Касаясь вопроса задержки транзитного груза для Армении, Сабахтарашвили утверждал, что с грузинской стороны не было «ни одного случая задержки транзитного груза и правительство Грузии твердо намерено придерживаться договора о транзите, заключенного с Арменией»⁷⁰. Это заявление связано было с переменой власти в Армении, советизированной 29 ноября 1920 года. Правительство Грузии было заинтересовано в соблюдении всех договоров, заключенных с правительством дашнаков, в том числе и о южной части «нейтральной зоны» Лори, территория которой исторически принадлежала Грузии и была передана ей соглашением меж-

ду Арменией и Грузией от 13 ноября 1920 года на три месяца, в связи с нависшей угрозой захвата ее Турцией⁷¹. В то же время правительство Грузии в ноте от 10 декабря правительству Советской Армении признало, что «если в последние дни и происходило некоторое промедление» в передвижении транзитных грузов в Армению, «то это объясняется лишь крупным завалом, имевшим место на линии железных дорог в Борчалинском уезде, для очистки какового завала нами приняты самые срочные меры»⁷².

Касаясь вопроса об «административных репрессиях и массовом гонении против организации и членов Грузинской Коммунистической партии», Сабахтарашвили заявил, что принятие соответствующих мер «против лиц, ведущих деятельность против нашей государственности, преследующих цель борьбы с независимостью Грузии и подготовку вооруженного выступления», является вопросом «внутреннего распорядка Грузии и основано на принятых Учредительным собранием декретах», но меры эти «нисколько не препятствовали публичной пропаганде и агитации за коммунистическую программу». Далее Сабахтарашвили указывал, что грузинское правительство «твердо стоит на принципе строгого выполнения договора от 7 мая и, в частности, его секретного пункта, на основании которого в Грузии могут существовать и действительно существуют легальные коммунистические организации и коммунистическая пресса, развивающие свою деятельность»⁷³.

Правительство Грузии преследовало лишь лиц, ведущих пропаганду против существующего в стране строя и готовящих вооруженное восстание, что являлось суверенным правом любого законного правительства в любом цивилизованном государстве. В условиях, когда Компартия Грузии под руководством Кавбюро взяла курс на подготовку вооруженного восстания против существующего в стране строя, нам кажется естественной и соответствующая реакция грузинского правительства. Внешнеполитическое положение Грузии после советизирования Армении ухудшилось. 16 декабря 1920 года на общем собрании Лиги Наций обсуждался вопрос о принятии Грузии в члены этой организации. Постановка вопроса на общем собрании Лиги Наций в Женеве была подготовлена путем переговоров и переписки с постоянным секретариатом Лиги Наций в течение лета и осени 1920 года. Лига Наций — международная организация, созданная в 1919 году по инициативе стран Антанты, имевшая, согласно уставу, своей целью «развитие сотрудничества между народами и гарантию их

мира и безопасности». Стремление грузинского правительства вступить в Лигу Наций объясняется его желанием таким путем ускорить юридическое признание своей независимости великими европейскими державами и упрочить тем самым свое международное положение. Немаловажным обстоятельством, привлекавшим в Лигу Наций такие молодые государства, как Грузия, Армения, Прибалтийские республики, международное положение которых осенью и зимой 1920 года оставалось сложным и которые не были гарантированы от возможных агрессивных действий соседних стран, была статья 10 акта Лиги, гласившая: «Члены Лиги обязуются уважать и отстаивать против всякого нападения извне территориальную целостность и нынешнюю государственную независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет соображает меры, обеспечивающие исполнение этого обязательства»⁷⁴. Однако именно эта статья и стала «камнем преткновения» для принятия Грузии в Лигу Наций. При обсуждении этого вопроса выступили Ф. Нансен (Норвегия) и Р. Сесиль (Южная Африка). Нансен «произнес пламенную речь в поддержку Грузии, воздав должное грузинскому народу и указав всю важность не только для Грузии, но и для Лиги того, чтобы Грузия была поддержана. Речь эта, сказанная с большим воодушевлением на английском языке и тут же превосходно переведенная на французский, произвела большое впечатление»⁷⁵. Вслед за Нансеном в поддержку той же мысли выступил лорд Роберт Сесиль, обративший особое внимание собрания на важность принятия Грузии. Еще до обсуждения вопроса о принятии Грузии министр иностранных дел, представитель Франции Вивиани, выступив в связи с обсуждением предложения о принятии Прибалтийских республик, «энергично выдвинул все неудобства частичного решения вопросов, связанных с Россией, и затруднительности для Лиги обеспечить от нападения территории новых членов, согласно статье 10 договора Лиги». «Статья эта, — заявил Вивиани, — возлагает на нас обязанность являться на помощь тем из наших сочленов, кто окажется в опасности, лишь только мы о том осведомимся. И так как мы не любим говорить народам лжи, худшая политика заключается в том, чтобы поддерживать обманы в сознании народов, чтобы внушать людям веру в то, что им помогут, в то время как им не помогут — то те, кто думают, что не в состоянии нести свою помощь на край Европы, голосовали как голосовала Франция и как я теперь бу-

ду голосовать — за проект комиссии, т. е. за допущение этих государств лишь в технические организации»⁷⁶.

Сразу же после речей Нансена и Сесия слова потребовал представитель Великобритании Фишер. Согласно его заявлению, «утверждения Нансена и Сесия вполне правильны, но что трудность защиты Грузии остается трудностью, и что нет основания Грузию отделять от балтийских государств, что не надо увлекаться, а рассуждать, как подобает ответственным государственным людям и т. д.». Отметив, что надлежит считаться с опасностью положения Грузии, он, в частности, сказал: «Я серьезно прошу делегатов этого Собрания, которым предстоит серьезное голосование, подумать, готовы ли они действительно рекомендовать своим правительствам, по принадлежности, отправление материальной помощи этому храброму маленькому государству на окраине России, если час нужды наступит для него»⁷⁷. При напряженном внимании всего зала, при переполненных трибунах началось голосование.

Из 24 государств, участвовавших в нем, голосовало за принятие—10, против—14, а для избрания нужно было получить 16 голосов. Оппозиция Англии и Франции сделала избрание Грузии невозможным.

Правительство Грузии могло рассчитывать лишь на собственные силы, и в этих условиях оно вряд ли вынашивало планы агрессивных действий против РСФСР или Азербайджана и Армении, на территории которых стояли части XI Красной Армии.

Антанта стремилась удержать Грузию в своих тисках, как последний антисоветский оплот в Закавказье.

В ноябре 1920 года глава французской военной миссии полковник Корбейль начал переговоры с грузинским правительством по вопросу о наступательных действиях Грузии в отношении Советской России.

На совещании в конце ноября при участии Корбейля, Жордания, Сабахтарашвили, генералов Гедеванова и Одишелдзе, Корбейль изложил точку зрения французской миссии о необходимости немедленно начать активные операции против Советской России ввиду того, что, по имеющимся у него сведениям, она готовит нападение на Грузию. Он рекомендовал также не уступать ни по какому вопросу и не допускать транзита в Армению⁷⁸. Пропуск продовольствия, по словам Корбейля, даст возможность сосредоточить большое количество русских сил в Армении и организовать сильную армянскую армию⁷⁹.

В декабре—январе полковник Корбейль вновь настаивал на необходимости наступательных операций со стороны Грузии против Советской России. Он гарантировал от имени своего правительства помощь вооружением, людьми, продовольствием, что должно было быть определено по соглашению с грузинским генеральным штабом. Корбейль обещал также активное участие французского флота в военных операциях против советских войск на Черноморском побережье.

Французское правительство при всех условиях гарантировало для Грузии «*Status quo ante bellum*». Однако грузинское правительство чрезвычайно осторожно отнеслось к предложению Франции, ибо полковник отказался подписать письменное соглашение об обязательстве Франции, якобы за неисполнением инструкции из Парижа.

К началу февраля 1921 года грузинское правительство склонялось к уступке настояниям французской миссии, при условии гарантии со стороны Франции. Заместитель министра иностранных дел Сабахтарашвили дал понять верховному комиссару Франции А. Шевалье, что Грузия будет «готова продолжать войну до низвержения Советской власти в Армении и Азербайджане»⁸⁰.

Активизировались также Англия и Италия. Английский представитель Стокс и итальянский Черутти тогда же советовали Грузии не идти ни на какие уступки Советской России. Через полковника Стокса грузинское правительство обратилось к Англии с просьбой «помочь обмундированием и снаряжением для 75 тысяч человек». Передавая эту просьбу своему правительству, Стокс «выразил уверенность, что Грузия будет бороться за свою независимость»⁸¹.

Одновременно грузинское правительство вело переговоры с дипломатическим представителем Ангорского правительства при правительстве Грузии Кязим-Беем, стремясь заручиться помощью или нейтралитетом Турции. После 11 января 1921 года состоялся обмен телеграммами между Тбилиси и Анкарой. Турция согласна была оказать военную помощь при условии отказа Грузии от Олтинской долины и уступки Ардаганского округа⁸².

Турки понимали, что демократическая Грузия оказалась в труднейших условиях. Поэтому для них главным было выбрать момент для начала действий так, чтобы не опережать события и не запаздывать⁸³. 17 февраля Н. Жордания заявил о согласии грузинского правительства на условия Турции в случае «немедленного выступления Турции на стороне Гру-

зии». Переговоры по этому вопросу происходили с прибывшим в Анкару в феврале 1921 года представителем Грузии С. Мдивани⁸⁴. Но Турция тянула, так и не оказав помощи меньшевикам, а в Ардаган и Артвин с согласия меньшевиков ввела свои войска.

Еще 20 ноября 1920 года Грузия обратилась к правительству Турции с предложением начать переговоры «на основании признания Турцией Грузинской демократической республики в пределах границ, определенных мирным договором, заключенным между Россией и Грузией 7 мая 1920 года в Москве». Турецкое правительство дважды — 6 и 15 декабря 1920 года — обратилось к РСФСР с целью выяснения ее позиции по поводу предстоящих турецко-грузинских переговоров. 19 декабря правительство РСФСР ответило, что «считало бы более желательным с точки зрения интересов Турции и России заключение мирного договора между Грузией и Турцией на основах Русско-Грузинского договора»⁸⁵. Советская Россия оказывала Турции военную и финансовую помощь. Летом 1920 года в распоряжение Г. К. Орджоникидзе, члена Революционного Военного Совета Кавказского фронта, для последующей передачи представителям правительства Турции, было направлено 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн. патронов, 17600 снарядов. В сентябре того же года в Эрзеруме было передано представителям Турции 200,6 кг золота в слитках.

В ноябре 1920 года, в связи с вторжением турецких войск в Армению и враждебной политикой Турции в отношении Советской Армении, РСФСР временно приостановило выдачу оружия и золота. А уже в декабре помощь оружием и деньгами была возобновлена. В январе—феврале представителю Турецкой миссии в Туапсе было передано 1000 бомб, 1000 взрывателей, 1000 зарядов и т. д.⁸⁶.

На фоне таких тесных отношений, сложившихся в то время между Анкарой и Москвой, наивным выглядело стремление Грузии заручиться помощью или нейтралитетом Турции, которая именно в то время вела переговоры с РСФСР о заключении договора о дружбе.

В докладе английской разведки о положении в Грузии в начале 1921 года указывалось: «Большевистские тенденции резко увеличились в течение последних нескольких недель в армии: многие солдаты и офицеры открыто заявляют о своем недовольстве настоящим режимом»⁸⁷.

На совещании Кавказского бюро ЦК РКП(б), состоявшемся 15 декабря 1920 года, был поставлен и обсужден вопрос о

борьбе за Советскую власть в Грузии. С докладом выступил Г. К. Орджоникидзе.

Совещание высказалось за немедленное оказание практической помощи трудящимся Грузии. Решение Кавбюро ЦК РКП(б) было рассмотрено 17 декабря 1920 года на пленуме ЦК РКП(б), который, учитывая как внутренние, так и внешние факторы обстановки того периода, постановил: «Подтвердить решение ЦК о мирном направлении политики РСФСР на Кавказе и потребовать от Наркоминдела и военного ведомства принятия всех мер, которые могли бы обеспечить успех этой политики»⁸⁸. Решения пленума показывают, что ЦК, В. И. Ленин предостерегали коммунистов Закавказья от преждевременных ошибочных шагов. Они исходили из того факта, что внутри страны еще не созрели силы, которые смогли бы свергнуть правительство Грузии и установить Советскую власть.

В докладе представителя РСФСР в Грузии Шейнмана на заседании Политбюро ЦК КП Азербайджана 4 ноября 1920 года говорилось: «При свидании с правительством Грузии, с коммунистами, из газет, мне удалось выяснить, что экономическое положение Грузии очень тяжелое, Грузия страна потребляющая, она ждет товаров из-за границы, но за отсутствием валюты не может их получить. В займе Грузии отказано.

...Правительство Грузии разделяется на 2 лагеря, об этом есть 2 информации. Одна гласит, что Жордания стоит за соглашение с Антантой, а Рамишвили за соглашение с Россией, другая гласит обратное.

...Из разговоров с Жордания я мог бы заключить, что он стоит за соглашения с Россией, но он является официальным представителем правительства в переговорах со мной и вынужден, может быть, говорить то, с чем он не согласен.

...Линия соглашения с Россией принята, очевидно, большинством правительства. Правительству Грузии приходится туго, но внутри нет сил, которые могли бы его свергнуть: коммунистические силы обескровлены, рабочие такие же лавочники, как и само правительство, крестьяне кое на чем успокоились, армия, пожалуй, дралась бы с Советской Россией, там замечается некоторое бряцание оружием. Грузия именно несоветская, по-моему, имеет большое значение, как транзитная морская страна, как буфер между нами и Антантой»⁸⁹.

29 декабря 1920 года полномочный представитель Грузии в Азербайджане Г. Хундадзе в письме из Баку министру иностранных дел Грузии Е. Гегечкори сообщал: «Приблизительно недели две тому назад в Баку состоялось чрезвычайно ин-

интересное совещание видных коммунистов, которое было посвящено исключительно Грузии. Присутствовало 27 человек. Совещание было устроено по инициативе делегатов VIII съезда Советов РСФСР, чтобы представить съезду в Москве исчерпывающий материал. Совещание было открыто докладом какого-то приезжего из Москвы коммуниста. Я подозреваю, это был недавно гостивший в Тифлисе Мещеряков (редактор газеты «Правда» — А. М.). Москвич высказался так: «Москва как центр пролетарской революции стремится всюду установить советскую систему и не остановится перед вмешательством вооруженным путем во внутренние дела любого государства, но решительно будет против форсирования событий, к чему склонны местные товарищи». По мнению москвича, Грузия — одно из тех новообразований, для которых со стороны Советской власти требуется сугубая осторожность. Европейский пролетариат Грузию знает не по советской информации и вооруженное нападение на нее может вызвать решительный протест со стороны европейского пролетариата. Помимо этого осторожность центра по отношению к Грузии, по мнению докладчика, объясняется тем, что грузинские меньшевики имеют значительные симпатии в народе и война против них задача не из легких. Докладчика поддержали преимущественно мусульманские элементы.

Большинство собрания оказалось на стороне Орджоникидзе, который «протестовал против фабианства и предлагал быстроту и натиск». Совещание вынесло резолюцию: ознакомить Москву с обоими течениями. Среди коммунистических стратегов есть и такое: окружить Грузию железным кольцом Красных Армий и таким образом заставить ее исчерпать свои ресурсы. Наше посольство кишмя кишит шпиками»⁹⁰.

В то же время командующий XI Красной Армией Геккер представил Орджоникидзе разработанный ее командованием подробный план действий на случай вторжения на территорию Грузии.

2 января 1921 года Орджоникидзе и Киров от имени Кавбюро послали письмо в ЦК РКП(б) с обоснованием необходимости оказания немедленной помощи «трудящимся Грузии в их борьбе за установление Советской власти». Требование перейти к решительным действиям аргументировалось тем, что Грузия, являясь базой контрреволюции в Закавказье, оказывала помощь Врангелю и другим антисоветским силам в их вооруженной борьбе против Советской власти.

Пленум ЦК РКП(б), обсудив 12 января 1921 года это

письмо, признал, что вопрос об установлении Советской власти в Грузии еще не созрел.

20 января Чичерин писал Ленину, что Грузия вероломно нарушает условия мирного договора. «Меньшевики, — указывал он, — шатаются и идут на авантюру. Французский адмирал Дюмениль их подстрекает. Они получили заем в Англии. Они широко поддерживают восстание в Дагестане и теперь с их помощью внук Шамиля в Чечении напал на нас. Если они отвергнут наши договорные требования, останется только отозвать миссию. Тогда Советская Армения будет брошена на произвол судьбы. Антанта бесконтрольно утвердится в Грузии... Сделаем все возможное для соглашения. Но Грузия так зарвалась, что надежды мало»⁹¹.

Получив письмо Чичерина, Ленин предложил немедленно обсудить его на пленуме ЦК. Троцкий, Каменев, Крестинский считали возможным отложить ответ на несколько дней. 26 января пленум ЦК РКП(б) обсудил вопрос о Грузии и принял по предложению Ленина следующее решение:

«1) Поручить НКВД оттягивать разрыв с Грузией, систематически собирая точный материал по поводу нарушения ею договора и более настоятельно требуя пропуска припасов в Армению.

2) Запросить Кавфронт о том, насколько подготовлены наши наличные военные силы на случай немедленной или близкой войны с Грузией, и поручить формулировку этого вопроса, с указанием на крайнее обнагление Грузии, комиссии из тт. Троцкого, Чичерина и Сталина.

3) Дать директиву РВС Республики и Кавфронту готовиться на случай необходимости войны с Грузией...»⁹².

28 января Сталин сообщал Орджоникидзе: «ЦК принял решение вести подготовительную работу, если понадобится военное вмешательство или оккупация Грузии. Сообщить о наличии сил. Троцкий говорил о слабости фронта. Сообщить на мое имя, можем ли одержать решительную победу с наличными силами. Начнем после договора с Англией»⁹³.

Военное вмешательство должно было, по словам Сталина, начаться после подписания договора с Англией. Торговое соглашение между Англией и РСФСР было подписано 16 марта 1921 года. Переговоры велись в течение 9 месяцев. В преамбуле этого соглашения говорилось о политических обязательствах сторон. В частности, РСФСР воздерживалась от всякой «попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды какого-

либо из народов Азии к враждебным британским интересам действиям в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и Афганистане». Англия же «дает тождественное особое обязательство» РСФСР «в отношении стран, которые составляли часть бывшей Российской империи и которые ныне стали независимыми»⁹⁴.

Таким образом, Англия признала особые интересы РСФСР на территории бывшей Российской империи, в частности, в Грузии, а РСФСР — интересы Англии в Азии (чем не имперский раздел на сферы влияния?). Этим и объясняется тот факт, что когда во время встречи посла Грузии А. Чхенкели с министром иностранных дел Англии лордом Керзоном 17 марта 1921 года в Лондоне Чхенкели, обрисовав тяжелое положение своей страны, выразил надежду, что правительство Великобритании окажет помощь Грузии «в борьбе против агрессивных действий РСФСР и Турции», лорд Керзон ответил: «Ничего не могу сказать о помощи против России, что касается Турции, то я думаю, это сделать еще не поздно»⁹⁵.

Чем объяснить, что восстание было инспирировано 11 февраля 1921 года в «нейтральной» зоне Лори за месяц до подписания англо-русского соглашения? Видимо, советское правительство было хорошо осведомлено о позиции Англии по вопросу о Грузии и решило начать действовать раньше намеченного срока, тем более, что 13 февраля истекал срок временного договора, заключенного правительствами дашнакской Армении и Грузии о передаче последней южной части нейтральной зоны Лори сроком на 3 месяца. Другого подходящего случая инспирировать восстание трудно было найти.

И тут надо отметить, что 27 января 1921 года Антанта признала Грузию *de jure*, что, на наш взгляд, ускорило свержение грузинского правительства.

Еще 30 декабря 1920 года Е. Гегечкори, министр иностранных дел Грузии, был принят в МИДе Франции, где состоялась его беседа с Генеральным секретарем Г. Ф. Бертелло. В ходе беседы был затронут вопрос о возможности немедленного признания *de jure* Грузии и оказании ей помощи оружием. Выяснилось, что в отличие от Франции, «Великобритания считает это признание не только преждевременным, но и опасным для Грузии по причине нестабильности ее взаимоотношений с большевиками»⁹⁶.

Правительство Грузии приняло меры к тому, чтобы предотвратить наступление Красной Армии. «Мы имели сведения, — писал Н. Жордания, — что наступление начнется со

стороны Борчалло и Москва преподнесет его Европе, как восстание внутри самой Грузии. Приняли меры для укрепления Борчалинского района. В то же время мы послали туда армянских социал-демократов, грузинских граждан, для пропаганды. Сообщенные ими нам сведения были неутешительны. На митингах армянские оппозиционеры-националисты не выступали, не выставляли никаких требований, как будто они всем довольны. Это внешнее спокойствие казалось нам подозрительным. Было ясно, что что-то втайне подготавливалось. Конечно, присоединение к нашей республике районов с чужеродным населением было нашей ошибкой, но этого требовали наши стратеги для защиты границ»⁹⁷.

Вооруженное восстание началось в ночь с 11 на 12 февраля в так называемой «нейтральной зоне» Лори. Еще 7 февраля был организован Военно-революционный комитет Лори во главе с И. Лазьяном, в который вошли и другие члены Компартии Армении С. Эвоян и С. Саркисян, развернувшие практическую работу по подготовке восстания. За несколько дней почти весь Борчалинский уезд был освобожден от грузинских войск.

В беседе с корреспондентом Грузкавроста Орджоникидзе отмечал: «Правительство Ноя Жордания, несмотря на предложение т. Чичерина разрешить пограничный спор о нейтральной зоне с Арменией путем посредничества со стороны Советской России, решило покончить с повстанцами огнем и мечом»⁹⁸.

Как излагали события, имевшие место в ночь с 11 на 12 февраля в Борчалинском уезде, официальные лица грузинского правительства? В письме и. о. министра иностранных дел Грузии К. Сабахтарашвили на имя Е. Гегечкори, находившегося в Париже, и датированном 12 февраля, читаем: «Как видно из нашей переписки, Армения сразу же после провозглашения Советской власти потребовала вывода наших войск из Борчалинского уезда. Мы прямо не отказали и предложили начать переговоры по этому вопросу. Армянское правительство согласилось и мы ожидали его представителей на будущую грузино-армянскую конференцию. Мы надеялись мирным путем разрешить вопрос о Борчалинском уезде. Однако 11 февраля, ночью, воинские части, находившиеся в Армении, неожиданно напали на наши пограничные части в Борчалинском уезде у деревни Шагали.

Наряду с этим произошло восстание против нас в армянских и русских селениях означенного уезда. По нашим све-

дениям местные татары на нашей стороне... Для нас не совсем ясна цель этого нападения. Можно предполагать, что армяне хотели устроить широкое восстание в уезде, чтобы вынудить нас оставить его и тем самым поставить нас перед фактом. Тем более, что по договору со старым армянским правительством срок пребывания наших войск в Борчалинском уезде истекает завтра, 13 февраля...»⁹⁹.

По договоренности между правительствами Грузии и Армении было условлено 15 февраля в Тбилиси провести армяно-грузинскую конференцию. Эта информация о начале военных действий в Борчалинском уезде совпала с изложением событий, данным в ноте Г. Чичерина от 18 февраля 1921 года грузинскому правительству¹⁰⁰. Но следует отметить, что, если Сабахтарашвили поначалу была непонятна цель этой акции, то Чичерин был прекрасно осведомлен о ее конечных целях и являлся одним из соавторов ее осуществления.

14 февраля Ленин от имени ЦК РКП(б) послал телеграмму Реввоенсовету XI Армии по поводу начавшегося восстания. «Цека склонно разрешить 11-й армии, — говорилось в телеграмме, — активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11 после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех... Требуем немедленного ответа по прямому проводу за подписью всех членов РВС 11...»¹⁰¹.

15 февраля В. И. Ленин вновь направил телеграмму Реввоенсовету XI Армии следующего содержания: «Цека рассматривает операции РВС 11 как местную защиту повстанцев нейтральной зоны от грозящего им истребления со стороны белогвардейцев. Считайтесь с этим политическим характером вашей операции во всех ваших публичных выступлениях. Разумеется, мы ожидаем от РВС 11 энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед взятием Тифлиса, если это по военным соображениям необходимо для действительной защиты нейтральной зоны от нового нападения. Мы рассчитываем, что наши предостережения учтены вами со всей серьезностью. Извещайте ежедневно»¹⁰².

В телеграммах В. И. Ленина прослеживается явное противоречие, ибо невозможно было «занять Тифлис», не нарушив договор от 7 мая 1920 года. Видимо, этим объясняется то, что в конце Ленин написал: «По поручению Цека Крестинский» и сделал приписку секретарю: «Нет лучше сохраните архисекретно на 2—3 месяца».

В тот же день Орджоникидзе, Элиава, Геккер послали ши-

фрованный ответ: «Грузины начали подтягивать силы для удара на повстанцев. Удар может быть нанесен в любую минуту, что потребует от нас немедленного контрудара. По нашему мнению, более подходящий момент, гарантирующий успех, у нас едва ли будет. Моральное состояние грузинских войск, как показала сдача почти без боя целой бригады и взятие Садахло, где грузины превышали в четыре раза, говорит за успех. Промедление только ухудшит наши шансы на успех»¹⁰³.

Исходя из ленинских директив командованию XI Армии, Сталин 15 февраля 1921 года телеграфировал Орджоникидзе: «Ахлаве шэутиэ, дастуриа анге калаки» («Сейчас же наступай, есть согласие, возьми город (Тбилиси — А. М.)»¹⁰⁴. В тот же день он вновь отправил телеграмму Орджоникидзе: «Через три дня жду сообщения о взятии Тифлиса. Подумай о Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогах»¹⁰⁵.

В телеграмме Кирову от 16 февраля 1921 года Орджоникидзе сообщал: «Грузинские меньшевики, сосредоточив большие силы, двинулись на повстанцев. Зверства, творимые народногвардейцами, неописуемы. XI Армия была вынуждена для спасения повстанцев перейти в наступление»¹⁰⁶.

16 февраля в Шулавери был создан Ревком Грузии в составе: Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, А. Гегечкори, Ш. Элиава, А. Назаретяна и других. Ревком обратился к В. И. Ленину с просьбой о помощи. Но еще раньше, по указанию Ленина, части XI Красной Армии вступили на территорию Грузии.

Характерно, что посол РСФСР в Грузии А. Шейнман с первых же дней вооруженного нападения объявил грузинскому правительству, что РСФСР ничего не известно о нападении на грузинские пограничные части в Борчалинском уезде, считая это делом рук правительства Армении. Одновременно правительство Грузии было извещено представителем правительства Советской Армении Шавердовым о том, что «Армения не имеет никакого отношения к этому нападению»¹⁰⁷.

15 февраля со стороны Азербайджана в Грузию вторглись новые подразделения XI Армии. Правительство Грузии пыталось дипломатическим путем остановить развитие военных действий. 16 февраля Н. Жордания связался по телеграфу с Москвой, но Карахан отказался с ним говорить¹⁰⁸. 18 февраля Чичерин через посланника Грузинской республики в Варшаве Эристова (как объясняет Чичерин в своей ноте, он вынужден был так действовать ввиду перерыва телеграфных сношений между Москвой и Тбилиси и отказа тбилисской ра-

диостанции отвечать на вызов) обратился с нотой к правительству Грузии, в которой обвинял его в проведении репрессий по отношению к населению нейтральной зоны, занятой грузинскими войсками в ноябре 1920 года, что и вызвало восстание против «грузинских оккупационных войск». Далее, Чичерин считал возможным мирное урегулирование конфликта с участием заинтересованных сторон. С этой целью правительство РСФСР готово было направить в Тбилиси А. Енукидзе с чрезвычайными полномочиями для улаживания конфликта путем переговоров¹⁰⁹.

Правительство Грузии согласилось при условии, что советские войска освободят грузинскую территорию. Однако наступление советских войск продолжалось, особенно ожесточенные бои развернулись на подступах к Тбилиси.

21 февраля Н. Жордания в радиограмме на имя Чичерина потребовал от него объяснения причин войны, начатой РСФСР против Грузии. 22 февраля он же обратился к Ленину и Троцкому с требованием прекратить войну¹¹⁰. Вместо ответа Советское правительство возобновило атаку на Грузию уже с трех сторон: по Военно-Грузинской дороге со стороны Владикавказа; со стороны Мамисонского перевала к Кутаиси; и по Черноморскому побережью со стороны Сочи. На Грузию со всех сторон наступала XI Армия и подразделения еще трех армий — VIII, IX, XIII, не считая кавалерию Буденного и Жлобы.

ЦК РКП(б), В. И. Ленин своими указаниями и советами помогали Ревкому Грузии организовать свою работу: Ленин принял 19 февраля 1921 года в Москве Ф. Махарадзе и предложил ему не шаблонировать опыт РСФСР, а брать его за образец и применять к условиям Грузии, просил систематически информировать его по всем главнейшим вопросам¹¹¹.

ЦК считал необходимым идти на сотрудничество с федералистами и меньшевиками, которые желали принять советскую платформу. В телеграмме Сталина Орджоникидзе от 17 февраля указывалось: «В составе Ревкома оставить несколько мест для федералистов и левых меньшевиков»¹¹². На следующий день он вновь в телеграмме на имя Орджоникидзе дает совет по поводу состава Ревкома, предлагая «ввести в состав Ревкома татарина, армянина, федералистов, людей из Восточной Грузии. Иначе Ревком будет хромать, Восточная Грузия останется в монопольном ведении федералистов»¹¹³, находя, что «ошибка Жордания состоит в том, что его правительство состояло почти исключительно из гурийцев и потому е пользо-

валось сочувствием Восточной Грузии»¹¹⁴. Необходимо было, считал он, исправить эту ошибку.

25 февраля 1921 года части Красной Армии вступили в Тбилиси. В городе была установлена Советская власть.

Осуществляя указания Ленина, Ревком Грузии 7 марта обратился к переехавшему в Западную Грузию правительству Грузии с предложением прекратить военные действия. В обращении давалось обещание: «Партии и группы, признающие советский переворот в Грузии, амнистируются. Вопрос о вхождении представителей этих партий в революционное правительство будет предметом особых деловых переговоров после прекращения военных действий»¹¹⁵.

Предложение о возможности участия в Советском правительстве представителей политических групп, которые признают новую власть, полностью соответствовало директиве Ленина Ревкому Грузии от 2 марта — искать соглашение с теми меньшевиками, которые могут признать Советскую власть на известных условиях.

18 марта Советская власть была установлена в Батуми. Правительство Жордания на итальянском пароходе «Ферен Жозеф Мирилли», вынуждено было эмигрировать во Францию. «Отъезд правительства стал неизбежным с оккупированной территории, ибо это был единственный путь, — по словам Жордания, — избежать всяческих политических взаимоотношений с захватчиками».

Как уже отмечалось, Жордания был одним из тех меньшевиков, которые были согласны установить Советскую власть в Грузии «на известных условиях», но не путем военного вмешательства извне.

В. И. Ленин указывал, что социалистическая революция «может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся»¹¹⁶.

Итак: договор от 7 мая 1920 года отвечал интересам обеих сторон. Правительство Грузинской демократической республики, подписывая этот договор, могло выйти на международную арену как юридический субъект, а это в свою очередь могло ускорить его признание «de jure» всеми европейскими странами. Договор юридически содействовал передаче Батуми Грузии.

Что касается РСФСР, договор давал возможность в сложных внешнеполитических условиях, связанных с агрессивными действиями Польши и Врангеля, установить мирные отно-

шения с Грузией. Правда, в результате договора советское правительство вынуждено было отказаться путем прямого военного вмешательства установить Советскую власть в Грузии, однако это могло быть компенсировано секретными статьями, которые предусматривали легализацию грузинских коммунистов и их право вести пропаганду и агитацию, что по мнению руководства Советской России и так привело бы к советизации Грузии. Кроме того, по договору Грузия обязывалась вывести со своей территории иностранные войска и прекратить деятельность лиц и организаций, выступающих против существующего в РСФСР строя.

После установления Советской власти в Азербайджане, советизация Грузии становилась неминуемой; такого мнения придерживалось не только Кавбюро ЦК РКП(б) и командование XI Армии, но и политическое руководство РСФСР, которое исходило из факта стратегической ценности всего Закавказья для завершения гражданской войны и иностранной интервенции. Не случайно 30 ноября 1920 года газета «Правда» опубликовала интервью с членом Политбюро ЦК РКП(б), наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным, в котором с полной наглядностью изложены планы руководства страны по отношению к Закавказью в целом.

«Важное значение Кавказа для революции, — отмечал Сталин, — определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но положением его между Европой и Азией, в частности между Россией и Турцией, и наличием важнейших экономических и стратегических дорог (Батум—Баку, Батум—Тавриз, Батум—Тавриз—Эрзерум).

Все это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, этим ключом Черного моря, хотела бы сохранить прямую дорогу на Восток через Закавказье. Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими в глубь Азии, революция или Антанта, — в этом весь вопрос»¹¹⁷.

Надо отметить и тот факт, что хотя договор подписали Грузия и РСФСР как равноправные стороны, однако статьи его дают основание заключить, что суверенные права Грузии были ущемлены.

Секретные статьи договора свидетельствуют также об отходе Советского правительства от принципа «Долой тайную дипломатию», им же самим провозглашенным в октябре 1917 года.

Материалы, приведенные выше, свидетельствуют о том, что обе стороны с первых же дней подписания договора нарушали его отдельные статьи, хотя и уверяли другую сторону в своем стремлении придерживаться духа и буквы договора. Подсчет отдельных нарушений с обеих сторон не может стать критерием для оправдания факта военной интервенции в феврале 1921 года со стороны РСФСР.

Так называемое вооруженное восстание, которое было инспирировано в нейтральной зоне советской стороной, послужило поводом для оправдания оккупации Красной Армией грузинской территории и свержения законного правительства страны.

Политика ведущих западных стран Европы — Англии и Франции декларативно была направлена на поддержку независимости Грузинской демократической республики, однако на практике ни одно из этих государств не предприняло никаких конкретных шагов для защиты суверенитета и независимости Грузинской демократической республики, которая была ими признана «de jure» лишь в январе 1921 года. Особенно наглядно эта политика проявилась в связи с обсуждением вопроса о принятии Грузии в Лигу Наций в декабре 1920, а также в период вторжения на территорию Грузии частей XI Красной Армии.

Октябрь, 1989
Тбилиси

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1823, оп. 2, д. 1, л. 208.
- ² Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Москва, 1924, с. 188.
- ³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1831, оп. 1, д. 4, л. 8.
- ⁴ З. Авалов (З. Авалишвили). Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг. Париж, 1924, с. 68.
- ⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 6—7.
- ⁶ Papers Relating to the Foreign relations of the United States. 1918. The World War. Volume 1. Washington, 1933, p. 893.
- ⁷ Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, Москва, 1941, с. 289—290.
- ⁸ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, оп. 1, д. 2041, л. 1.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Документы внешней политики СССР, т. 1, Москва, 1959, с. 443.

11 Г. Хундадзе. Советская власть и Грузинское посольство в России. Тифлис, 1920, с. 20.

12 Там же.

13 Там же, с. 26—27.

14 Documents of British Foreign Policy 1919—1939. Firsts series. Volume III. London, 1949, p. 365.

15 А. И. Чохели. Политика Франции в отношении Грузии. 1917—1921 гг. Тбилиси, 1980, с. 112.

16 Черчилль. Мировой кризис. Москва, 1932, с. 106.

17 Documents of British Foreign Policy 1919—1939. Firsts series. Volume III. London, 1949, p. 624.

18 Там же, с. 647.

19 Там же, с. 701.

20 Там же, с. 753—754.

21 Journal of contemporary history. Volume 23. Number 2. April, 1988, p. 245.

22 Газета «Борьба», 16 января 1920 г.

23 Ф. Глonti. Азиатская политика большевиков. Тифлис, 1920, с. 153.

24 Georgian Archive. Harvard University. Reel 91, box 78, book 86.

25 Э. Поздняков. Национальное и интернациональное во внешней политике. Журнал «Международная жизнь», № 5, 1989, с. 8.

26 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 163—164.

27 Газета «Эртоба», 29 апреля 1920 г., ЦГИА Груз. ССР, 1961, оп. 2, д. 29, л. 13.

28 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, оп. 2, д. 1621, л. 1.

29 Н. Жордания. Моя жизнь, Стэнфорд. 1968., с. 105.

30 Борьба за победу Советской власти в Грузии. Тбилиси, 1958, с. 563.

31 Там же, с. 564.

32 Г. Уратадзе. Общественное движение в Грузии в 1821—1921 гг., Париж, 1939, с. 179 (на груз. яз.).

33 Борьба за победу Советской власти в Грузии. Тбилиси, 1958, с. 564.

34 Там же, с. 565.

35 Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Грузинская демократическая республика. Москва, 1922, с. 15—16.

36 ЦГИА Груз. ССР, ф. 1861, оп. 2, д. 164, л. 7.

37 Борьба за победу Советской власти в Грузии. Тбилиси, 1958, с. 572.

38 Документы внешней политики СССР, т. II. Москва, 1958, с. 727.

- 39 Документы внешней политики СССР, т. II, Москва, 1958, с. 657.
- 40 Борьба за победу Советской власти в Грузии. Тбилиси, 1958, с. 552.
- 41 Там же, с. 562.
- 42 Georgian Archive, Harvard University. Reel 72, book 42, box 21, p. 20.
- 43 Борьба за победу Советской власти в Грузии. Тбилиси, 1958, с. 573.
- 44 Georgian Archive. Harvard University. Reel 101, book 10, box 32.
- 45 Там же. Reel 112, book 14—15, box 47.
- 46 Там же. Reel 101, book 10, box 32.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же, с. 614.
- 50 Там же. Reel 100, book 29.
- 51 ЦГИА Груз. ССР, ф. 1866, оп. 1, д. 9, лл. 127, 129, 131.
- 52 Там же, оп. 2, д. 164, л. 1.
- 53 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 18, д. 67, л. 4—5.
- 54 Там же, оп. 15, д. 42, л. 4.
- 55 Борьба за победу Советской власти в Грузии, Тбилиси, 1958, с. 596.
- 56 Там же, с. 608.
- 57 Там же, с. 614.
- 58 Georgian Archive. Harvard University. Reel 101, book 11, box 12.
- 59 Газета «Борьба», 16 октября 1920 г.
- 60 И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 410.
- 61 ЦГИА Груз. ССР, ф. 1866, оп. 1, д. 9, л. 84.
- 62 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 15, д. 15, л. 1.
- 63 Там же, ф. 85, оп. 15, д. 63, л. 6.
- 64 Там же, ф. 64, оп. 2, д. 28, л. 1. ;
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 Архив внешней политики СССР. ф. 148, оп. 3, п. 3, д. 47, л. 7.
- 69 Georgian Archive. Harvard University. Reel 76, book 69.

- 70 Georgian Archive. Harvard University. Reel 76, book 69, box 77.
- 71 Там же. Reel 101, book 10, box 3.
- 72 Там же.
- 73 Там же.
- 74 З. Авалов. Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг. Париж, 1924, с. 295.
- 75 Georgian Archive. Harvard University. Reel 78, book 87.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 15, д. 136, л. 1.
- 79 Там же.
- 80 Там же, л. 3.
- 81 Journal of contemporary history. Vol. 23. Number 2. April, 1988, p. 245.
- 82 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 85, оп. 15, д. 136, л. 3.
- 83 Великий Октябрь и Турция. Тбилиси, 1981, с. 52.
- 84 Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. III. Москва, 1934, с. 333.
- 85 Документы внешней политики СССР. Т. III, Москва, 1959, с. 396—397, 393.
- 86 Там же, с. 675.
- 87 Journal of contemporary history. Vol. 23. Number 2. April, 1988, p. 245.
- 88 Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Тбилиси, 1967, с. 473.
- 89 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, оп. I, д. 1986, л. 9.
- 90 Georgian Archive. Harvard University. Reel 114, book 37, box 31.
- 91 Цитируется по книге Г. Галояна. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье, 1900—1922 гг., с. 398—399.
- 92 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 437.
- 93 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, оп. I, д. 2043, л. 1.
- 94 Документы внешней политики СССР. Т. III, Москва, 1959, с. 608.
- 95 Georgian Archive. Harvard University. Reel 99, book 18, box 31, p. 53.
- 96 Georgian Archive. Harvard University. Reel 78, book 81, box 23.
- 97 Н. Жордания. Моя жизнь. Стэнфорд, 1968, с. 112.
- 98 Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. 1, 1956, с. 173—179.
- 99 Georgian Archive. Harvard University. Reel 99, book 21—24, box 31.

¹⁰⁰ Georgian Archive. Harvard University. Reel 76, book 69.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 71.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, д. 5235, л. 1.

¹⁰⁴ Там же. ф. 553, оп. 1, д. 2054, л. 1..

¹⁰⁵ Там же, д. 2052, л. 1.

¹⁰⁶ Там же, ф. 85, оп. 15, д. 19, л. 1.

¹⁰⁷ Georgian Archive. Harvard University. Reel 99, book 23—24, box 31, p. 105—106.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10, Москва, 1979, с. 141.

¹¹² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 558, оп. 1, д. 2055. л. 1.

¹¹³ Там же, ф. 558, оп. 1, д. 2091, л. 1—2.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Газета «Правда Грузии», № 11, 13 марта 1921 г.

¹¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

¹¹⁷ И. Сталин. Соч., т. 4, с. 408.



КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Мерани»

ЦУЛЕЙСКИРИ Н. Деяния и мученичество Або и Иоанна. Исторический роман. Перевод Д. Кондахсазовой. Тбилиси, 1989. 208 с. 5000 экз. — 1 р. 40 к.

«Художественная литература»

ЧИКОВАНИ Г. Избранное. Перевод Э. Фейгина и др. Сост. М. Бирюковой, Москва, 1990, 494 с. 50 000 экз. 2 р. 10 к.



„КУДА ТЫ УЙДЕШЬ?..“

В шестидесятые годы мне доводилось переводить стихи молодых грузинских поэтов. Судьбы тех молодых сложились по-разному. Иные ушли из поэзии, иные из жизни, есть и те, кто вышел за пределы обыденной человеческой судьбы — они остались навсегда и в жизни, и в поэзии. Отзвуки их былых исканий, надежд, озарений живут и в сегодняшнем поэтическом слове.

Через много лет мне попала в руки книга стихов поэта другого поколения — Вано Чхиквадзе «Воздушный рейс» (изд-во «Мерани», Тбилиси, 1988 год). Ничто не проходит бесследно: то, что создавало, о чем мечтало поколение шестидесятых, обретает очертания фундамента, на котором строится новый дом. Но если раньше строили стены, гордились фасадом, то теперь строители ушли внутрь здания, и вот уже видны вдали анфилады, открывающиеся в таинственные покои двери...

Мы привыкаем ко всему, похоже.
Но главное, чтоб выдержало сердце,
включаясь в сеть с высоким напряженьем.
Тебе пока еще не надо знать,
как на людей охотятся — без пули.

Стихотворения Вано Чхиквадзе отличает негромкая задумчивая интонация, они уводят во внутренний мир лирического героя, и это естественно, они создавались во времена, когда поэзия вновь обратилась к прошлому и, размышляя о нем, попыталась заглянуть в неясное еще будущее. Автор -- представитель поколения, которому многое надо было осмыслить, многое сказать себе и читателю, чтобы остаться самим собой, — быть недвусмысленным среди двусмыслия.

Мчат эшелоны. Всюду темь.
Бредет не проводник — а тень

его вдоль насыпи дорожной.
Еще не занялась заря.
И свет неяркий фонаря
ему что посох осторожный.



В книге — выношенная в тиши, выверенная временем тревога:

Глаза детей восторженно, отважно
Следят, как листья улетают ввысь.
Мой сын уснул.
«Сынок, ты не гонись
За листьями» — шепчу себе... мне страшно.

И стал кизил
Янтарным на миг,
Когда мы прощались с ним.
Он был уже —
Не плоть и не прах,
Как порожденье лун.
Лишь мука все жила на губах —
Праматерь смычка и струн.

Многие размышляют сейчас о национальном, и — не только в искусстве. Как же важно, когда об этом говорит поэт, ведь за него вещает сердце, а потому слово поэта всегда существеннее любых рассудочных дефиниций. Быть может поэтому нынешней весной так часто приходили на ум строки из вышедшего в прошлом году чисто лирического и как будто далекого от общественных треволнений сборника стихов В. Чхиквадзе.

Набухшие мартом весенние реки!
Ваш гнев солнцеликий
Клокочет в груди Сакартвело!

Надо сказать, что голос автора то усиливает, то отделяет от нас хор переводчиков — неизбежный фон переводного чтения. В этом хоре явственно различаются два созвучных автору голоса — поэтов Владимира Еременко и Натальи Соколовской. Голоса эти созвучны проникновением в поэзию Ванно Чхиквадзе, таковыми их делает и поэтическое мастерство. Владимир Еременко вообще один из самых «бережных», если можно так сказать, переводчиков грузинской поэзии, оберегающий от искажений дух оригинала. Несомненно, что его поэти-

ческое мастерство и приверженность благородному делу перевода из грузинской поэзии заслуживают отдельного разговора.

Но вернемся к тому, что открыла нам книга «Воздушный рейс». В лучших стихах, таких, как «Прощай очаг...» — почти библейская первоизданная мощь, изначальная, уходящая корнями в почву родной грузинской земли и культурной традиции мудрость.

Прощай очаг!
Ухожу.
От неизбывной трезоги,
От тоски,
Которой не превозмочь,
От стука в дверь,
От ночных звонков...
.
Я устал
Молиться перед чужой иконой,
Устал улыбаться
На ревнивые взгляды...

Как понятно это нам, современникам поэта! Как знакомы реалии быта, претендующего быть жизнью, и духа, желающего стать бытом... Но, продолжает автор:

Куда ты уйдешь,
На кого оставишь
Свое состраданье?

Кто же говорит сегодня громче поэта, кого захлеб читают? Прозу? Своеобразную: — журналистов, публицистов, экономистов. Не уходи же, поэзия, на кого ты оставляешь нас и «свое состраданье?»

Владимир ПРОСТОСЕРДОВ

ДОЛГИЙ ОТЗВУК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

«И здравле русский наш Парнас тянуло к незнакомым странам...» Когда в 1924 году Есенин писал эти строки, значительная часть русского Парнаса пребывала за кордоном отнюдь не в силу мистической «тяги». Но дальше сле-

дуют такие слова: «...и больше всех лишь ты, Кавказ, звенел загадочным туманом». Озарение великого лирика — свидетельство загадочной принадлежности Кавказа ойкумене русской поэзии. Слово terra incognita эпохи великих географических открытий, каждый открывал его заново в меру своего таланта, умения и фортуны. Были великие открытия «золотого века» русской поэзии, совершенные Пушкиным, Лермонтовым, Марлинковым. Были открытия «серебряного века». Но «век» на Кавказе задерживался, дольше звучал в душах, хоть время в Тбилиси на час впереди московского. Развеянные вихрями истории по свету, «заформалиненные» в музейных витринах пушкинские, лермонтовские реликвии в старинных тбилисских квартирах жили обыденной жизнью, стихи вековой давности звучали, как сочиненные вчера. Еще недавно можно было открыть поносившуюся деревянную калитку на одной старой тбилисской улице, заглянуть во двор, где посередине, над чревом бывшего колодца сутулился тонкошей водопроводный кран, а на протянутых от балкона к балкону веревках сушилось белье. Там полагалось спросить у старушки, неподвижно сидевшей на балконе за ветхими деревянными перилами: «Извините, где здесь жил Лермонтов?» — «Во-он там» — отвечала добрая соседка, показывая на темное окно второго этажа, словно «сосед» только что вышел...

По-разному открывали Кавказ и Грузию поэты «серебряного века» — Брюсов и Бальмонт, Бунин, Есенин, Северянин, Мандельштам, Пастернак, Каменский... В Тифлисе в 1919 году была впервые переиздана «Белая стая» Ахматовой. Пожелтевшие листки этого издания с пометками автора до сих пор встречаются в старых книжных собраниях города...

Общественные потрясения на заре двадцатого века многое перемешали. Занесенные ими в Грузию осколки русского Парнаса — художник Шарлемань, Лансере, некоторые поэты «серебряного века» остались жить на Кавказе, став частью грузинской культуры. Они впервые увидели Грузию как бы «изнутри», не «незнакомую», далекую, а родную, без «звона загадочного тумана». Эта негромкая струя русской культуры еще ждет своего исследователя, историка, а пока можно сказать только, что она сохранила, как бы — «законсервировав», некоторые эстетические идеи и формальные достижения русской поэзии начала века, сыграла важную роль в популяризации грузинской культуры в русскоязычном мире, она, наконец, по-своему сбросила флер экзотики с т. н. «кавказской тематики».

Все эти мысли приходят на ум при чтении небольшой книги Сергея Серебрякова, вышедшей в 1989 году в издательстве «Мерани» под неброским названием «Стихотворения». История рода Серебряковых насчитывает в Грузии два поколения служения русской и грузинской культуре. Отец поэта — Борис Серебряков, коренной петербуржец, в начале тридцатых годов переехал в Тбилиси, чтобы посвятить себя благородному делу перевода на русский язык произведений грузинских поэтов. Он принес в русскоязычную тбилисскую литературу особую «петербургскую» строгость стиха, высокую культуру и дух «серебряного века» русской поэзии. В юности учился поэтике у Валерия Брюсова. В его гостеприимном тбилисском доме на улице Марджанишвили бывали крупнейшие грузинские поэты и литераторы того времени. Автор этих строк навсегда благодарен семье Серебряковых за счастье знакомства и общения в их доме с великим Галактионом Табидзе. Атмосфера дома, несомненно, способствовала тому, что приехавший из Ленинграда к отцу молодой Серебряков посвятил свою жизнь изучению грузинской филологии, стал одним из знатоков древнегрузинского языка...

В свое время первые поэтические опыты Сергея Серебрякова имели последствия: он был исключен из Ленинградского высшего военно-морского инженерного училища и послан рядовым матросом на Северный флот. Конечным результатом этой истории и явился его приезд после демобилизации в Тбилиси. Посему можно сказать, что поэзия от ранних лет самым непосредственным образом предопределила жизненный путь автора. С. Серебряков унаследовал от отца культурные традиции русской поэзии начала века, но в его творчестве произошел синтез этих традиций с грузинским мироощущением, которым проникся поэт. Стихотворения, вошедшие в сборник, во многом — как бы долгий отзвук «серебряного века» русской поэзии в позднем поколении, на исходе нашего столетия.

Тяжело, когда первая книга стихов появляется чуть ли не как итог прожитых лет. Сомнение в себе, горькие раздумья о прожитом, не знакомые молодым поэтам, звучат в стихах Сергея Серебрякова. Даже воспоминания о детстве —

Как этот нетронутый
первый снег,
память моя чиста.

— омрачаются сомнением, порожденным глубокой требовательностью к себе:

И я сам себе не поверить готов,
и я понять не могу:
как я прошел,
не оставив следов
на этом чистом снегу?

Мудрость поэта, прошедшего вместе со своим поколением нелегкую суровую школу жизни, позволяет саркастически нарисовать такую, знакомую нам сегодня, картину:

...И было радостно до боли,
И, надрываясь, пели мы:
«Пусть море бурное сурово,
Пускай далек наш путь к земле,
Но не Мечта ль за рулевого
Стоит на нашем корабле?»

Я вдруг увидел:
Наш корабль
Стоял у вечного причала,
Бессильно парус опустив,
И чайка горестно кричала
Ему последнее «прости»...
И шлепаясь о землю метко:
— Прими нас, матушка-земля! —
На родину далеких предков
Бежали крысы с корабля.

Но стоит ли углубленно размышлять о жизни, постигать философию, чтобы прийти к старой сентенции:

Когда бы только юность знала,
А старость мудрая могла, —
Мы все бы начали сначала...
Да где там!..

По-видимому стоит, если в нее вложено новое содержание. И если превалируют не логические дефиниции, а истинно поэтическое прозрение... И опять тревожное раздумье, присущее только настоящему мастеру:

Всю боль,
всю неправду
времени нашего,
все страдания, которыми душа жива,

я очень долго в себе вынашивал,
пытаясь найти слова...
А слова не шли,
и жизнь уходила куда-то,
и собственную слабость кляня,
поверил я,
что больше мне ничего не надо,
что судьба обманула меня.

Но опасения поэта напрасны. Всю жизнь неустанно работая над словом, он достиг простоты и проникновенности в тот иррациональный подтекст сущего, который и составляет тайну поэзии. Об этом свидетельствуют такие стихи, как «Друг мой добрый...» Стихотворение «Сапара» — это нахождение духовно себя, поэта очень русского, в грузинском прошлом, грузинской истории, духе и, тем самым, — в общечеловеческом прошлом.

В поэзии Сергея Серебрякова порой можно различить прорвавшийся сквозь безвременье последний отблеск идей, реалий начала века. Отблеск еще более поздний, чем у Арсения Тарковского, с судьбой еще более одинокой. История знает примеры выношенного в тиши слова. Так было у Эмили Дикинсон в XIX веке в США. Не менее трудно это в XX у нас.

Можно поставить автору в упрек отсутствие дат написания стихотворений. Сделано это, конечно, намеренно. Но вряд ли оправдан такой подход, когда книга охватывает огромный по меркам человеческой жизни срок, включающий в себя различные эпохи, смену вех... Ведь этот небольшой сборник стихотворений — не только лирическая автобиография автора, но и биография современности. Это очень личные, очень лирические и, как это ни парадоксально, очень... гражданские стихи. Поистине, дыхание истории чувствуется и в шелесте цветов...

Многие стихотворения, вошедшие в сборник, давно уже были знакомы тбилисским любителям поэзии. Но печальное начало поэтической деятельности Сергея Серебрякова надолго задержало их на пути к массовому читателю. Теперь они станут достоянием всех. Хотя... трудно, даже неловко говорить о «всех» при мизерном тираже этого издания — всего 1000 экземпляров...

Вильям ХАЦКЕВИЧ



ЧЕМУ МЫ СЛУЖИМ?

Верить ли центральной прессе? Казалось бы, нужно верить. Но из печального опыта следует, что далеко не всегда можно верить публикациям, порой и сенсационным, появляющимся на страницах различных всесоюзных изданий. Приведу кое-какие факты.

В газете «Советская культура» от 20/1—1990 года была опубликована довольно интересная статья заведующего сектором комплексных проблем развития культуры Идеологического отдела ЦК КПСС, доктора философских наук, профессора В. Б. Чурбанова «Какого цвета культурная автономия?» Позволю себе привлечь внимание читателей к следующим строкам этой статьи: «В журнале «Литературная Грузия» можно прочитать: «В Грузии негрузинского ничего не должно быть. Негрузин тоже грузин в Грузии, он должен говорить, писать и читать по-грузински, должен воспитываться на грузинской литературе, должен быть сочувствующим грузинскому духу и, наконец, не должен считаться гражданином Грузии, если всего этого нет у него».

Чуть раньше в редакцию пришло письмо из Калининска-Уральского от не знакомой нам Райсы Андреевны Будаевой. К своему письму она приложила вырезку из газеты «Советская Россия» от 15 декабря 1989 года с маленькой корреспонденцией «Стали чужими...» под рубрикой «Мнение читателей». В этой корреспонденции, подписанной некими И. Ш-ова и В. Г-ко из Тбилиси, содержится и жалоба на то, что «журнал «Литературная Грузия» может напечатать такие сентенции литератора: «В Грузии негрузинского ничего не должно быть. Негрузин тоже грузин в Грузии, он должен говорить, писать и читать по-грузински, должен воспитываться на грузинской литературе, должен быть сочувствующим грузинскому духу и, наконец, не должен считаться гражданином Грузии, если всего этого нет у него».

Заметьте, сакраментальная цитата слово в слово ^{повто-}рится дважды, в двух разных газетах, в двух разных ^{статьях} совершенно разных лиц. Вряд ли у кого-нибудь ^{могут возник-}нуть сомнения хотя бы в точности воспроизведения этими авторами и редакциями всего-то девяти газетных строчек, перепечатанных якобы из журнала «Литературная Грузия». А зря!

29 января мы отправили уважаемому профессору В. Б. Чурбанову депешу — срочную, с уведомлением о вручении. Привожу ее текст: «Прошу сообщить год и номер журнала «Литературная Грузия» с материалом, содержащим цитату, приведенную Вами в Вашей интересной статье, опубликованной «Советской культурой» от 20/1—1990 г.». Однако депеша как в воду канула — ни ответа, ни привета. А почему мы ее послали, догадываетесь? Да потому, что в журнале «Литературная Грузия» что называется отродясь, за все 33 года существования, нигде, никогда, ни в одном номере, ни в одном материале этих «сентенций литератора» вы не найдете — мы такого попросту не печатали. Так что ни В. Б. Чурбанов, ни зашифрованные авторы из Тбилиси и никто на свете не сможет указать, в каком номере нашего журнала фигурируют эти «сентенции». А вот откуда они взяты и почему приписаны «Литературной Грузии» — загадка да и только.

Уважаемый профессор В. Б. Чурбанов, который почему-то игнорировал наш запрос (мне хочется думать, что виновата почта), осуждает позицию неизвестного автора цитаты. Я с ним согласна — но частично. По моему убеждению, заявлять, что «в Грузии негрузинского ничего не должно быть» и «негрузин тоже грузин в Грузии» — по меньшей мере безответственно, не говоря о том, что подобные формулы вызывают неприятные ассоциации. Однако хочу подчеркнуть: такие заявления чужды грузинскому духу, чужды присущей грузинам терпимости, толерантности, засвидетельствованной всей историей нашей нации с древнейших времен и по сей день. Но в этой залихватски-бесшабашной цитате тем не менее содержится вполне здоровое и справедливое требование: чтобы не-грузины, проживающие в Грузии, знали грузинский язык. Знание языка коренной национальности **любой страны** мне представляется необходимым для человека **любой другой национальности**, постоянно живущего в этой стране, и ничего унижительного, обидного или оскорбительного, а также ничего шовинистического в этом усмотреть не могу. Незнание языка, не говоря ни о чем прочем, — это барьер, который не только усложняет общение, но в определенной степени и разъединя-

ет людей, разве ж не лучше преодолеть этот барьер? Также ничего обидного нет в требовании, чтобы житель Грузии не-гужин был «сочувствующим грузинскому духу». Разумеется, сочувствующим, не врагом же! Ведь именно таково должно быть естественное состояние человека, в противном случае, если чужд и неприемлем для тебя дух народа, среди которого живешь, вероятно, впору караул кричать.

Теперь о письме Раисы Андреевны Будаевой. Приведу его здесь в том виде, в котором оно написано, но с незначительными купюрами, не меняющими ни на йоту авторской позиции и пафоса. Письмо это по сути — комментарий к вышеупомянутой корреспонденции в «Советской России». Вот его текст:

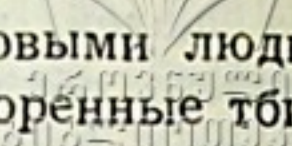
«Здравствуйте! Извините, что пишу не на грузинском языке, но я ведь никогда там не жила, в Грузии.

Меня до глубины души возмутило всенародное признание людей, которые «родились и выросли сами, уже и их дети родились там же», значит, и их родители там жили, то есть уже третье поколение русской семьи (по крайней мере), живет на грузинской земле, но до сих пор не только не хотят «сочувствовать грузинскому духу», не хотят не только изучать грузинскую культуру, писать, читать по-грузински, но даже и говорить. Это уже, простите, должно быть стыдно даже перед самим собой, а тут смело признаются в этом всему миру.

Конечно, я не признаю такого, как «Смерть русским», не согласна с таким лозунгом, тем более — с действиями. Но не согласна, не могу понять и того, что именно по команде русских военачальников сеяли смерть на грузинской земле русские парни во время «событий 9-го апреля», упоминаемых в статье.

Но вернусь к статье. В ней заботливые родители утверждают, что «ради детей» лишь они решили уехать из Грузии, «чтобы не роняли в их души ядовитые семена национальной розни, чтобы не научились они делить людей по национальному признаку, ...чтобы дети выросли нормальными, нравственно здоровыми людьми».

Я считаю, что эти «ядовитые семена», а также предпосылки к теперешней ситуации в национальных регионах нашей страны, были посеяны вашими родителями, т.т. Ш-ова и Г-ко, вами самими вместе с грудным молоком вам и вами — вашим детям, ибо не было в вашем тогдашнем «желании родительском» ни стремления, ни, наверное, нужды, чтобы и вы и ва-



ши дети выросли нормальными, нравственно здоровыми людьми. Иначе как же понять, что вы, как говорится, коренные тбилисцы: здесь родились и выросли, получили специальность и даже высшее образование, а до сих пор не поняли и не приняли того, о чем вынужден напомнить вам журнал «Литературная Грузия».

Или вы уверены, что вся Грузия, раз уж «она дорога» вам, «ради детей» ваших должна «говорить, писать, читать» и т. д. на русском?

И почему же тогда не придерживались такой позиции лучшие люди России, вынужденные покинуть родину? Разве они переучили весь мир на русский лад, а не приняли язык и обычаи той страны, где оказались? А ведь среди множества просто «квалифицированных рабочих» и «преподавателей школ» были великие умы, даже лауреаты Нобелевской премии!

Да, конечно, в своей душе, в семье, в кругу соотечественников они все и делали, и говорили, может быть, на русский лад, но не более.

Почему я считаю, что у вас не было нужды, видимо, говорить по-грузински? Потому что, сколько себя помню (со времени войны), в послевоенные годы представители многочисленных народностей и их дети просили у нас, голодных тоже, кусочек хлеба на нашем, русском, языке. Только теперь я поняла, что это были репрессированные, т. е. попросту говоря, сорванные со своих родных мест люди, в основном почему-то татары, высланные к нам на Урал и далее. Жили мы тогда со своей матерью, молодой солдатской вдовой и четырьмя малолетними детьми в глухой оренбургской деревушке. И все мы, дети, особенно мальчики, работали не «с семнадцати», а с 10—12 лет, поэтому длительный стаж работы вашего мужа, тем более высшее образование, данное грузинской столицей, не дают вам права пренебрегать языком, культурой и обычаями той земли, хлеб которой вы едите.

И вообще для меня, простой русской женщины, очень странна ваша позиция. Ради своего же духовного обогащения и развития разве за все эти годы у вас не возникло желание проделать все то, что так возмутило вас в «Литературной Грузии» и к чему вас все равно как-то подталкивала сама жизнь? Ведь это так здорово, когда есть такая, пусть не нужда, а просто возможность узнать, выучить другой язык и научить ему своих детей.

Об этом можно много говорить и говорить. Но коротко: всем тогда было трудно, в том числе и нашей матери, всего

не описать. Но она всю жизнь, до последних своих дней вспоминала кроме тех трудностей еще и тех людей — с состраданием, уважением, тех людей, с теплотой. Те люди были, видимо, не плохие, не лодыри. Но вот забросила их злая судьба к чужим по обычаям и языку людям. Что ж, они начали всех нас обучать своему? Нет. Это мы не давали им покоя, спрашивали что и как звучит на их языке, заучивали слова и песенки, многие из которых помню до сих пор, хотя, к сожалению, мало времени пришлось общаться с ними. Они же, кто лучше, кто хуже, сразу начали говорить по-русски, на нашем т. е. языке, хотя и общались между собой на своем. Но, чтобы не обидеть русских или чтоб не подумали о них чего плохого, при русских говорили только на русском. Так мне объясняла мама. И с этой точки зрения смотреть на национальный вопрос приучила, видимо, нас. Такого мнения наши дети и дети наших детей.

Если бы кто-то из многочисленных национальностей в нашем городе, в центре (даже не в столице) России, вдруг стал бы требовать вести все общения на каком-то нерусском языке, писать, читать и т. д., все бы посчитали это не только возмутительным, но и невозможным, даже ненормальным. Вот так же, считаю, непонятна, невозможна позиция написавших в «Советскую Россию» людей.

Удивляет, мягко говоря, и взгляд этих людей на жизнь. Из одного райского уголка им непременно нужно попасть в другой. Не более ни менее — в Подмосковье! Там ведь и без них уже тесно от дач и садовых участков, ведь нашими «верхами» заняты все лакомые и даже заповедные места в многострадальном Подмосковье. А сколько еще метят в то же Подмосковье, когда попросят их с теплого побережья и курортных горных мест — все, кто не согласен с «сентенциями литератора», напечатанными в «Литературной Грузии»!

Но ведь, т. т. И. Ш-ова и В. Г-ко, Подмосковье — не вся Россия. Что-то не кинулись вы на многострадальный Урал и за него далее, где нас поливают и посыпают сверху ядохимикатами и радиоактивной пылью, поят и кормят тем же, да еще по талонам. Дачи и «дворянские гнезда» и у нас растут, как грибы, поглощая лакомые кусочки еще не полностью сгубленной природы, но прилавки магазинов и аптек пусты. А работы всем хватит! Здесь найдете применение своим квалифицированным рабочим рукам, своему педагогическому опыту, здесь, где заводы задыхаются от нехватки рабочих, а наши внуки не проходят все предметы в школах из-за отсутствия не толь-

ко квалифицированных, а хоть каких-нибудь преподавателей в нужном количестве. Не думаю, чтобы здесь вам было легче осуществить ваше «родительское желание».

Мой вам совет, И. Ш-ова и В. Г-ко: раз уж вам «здесь пока жить», надо трезво смотреть на жизнь, самокритично оценить свое положение и ошибки, не искать оправдания своим взглядам на реальность; раз уж вы «не нацисты», если вам «дорога Грузия и вы настаиваете, что вы «коренные тбилисцы», то еще раз «решитесь», выполните все требования не только грузинского народа, но и времени. Выиграете и вы, и ваши дети. Тогда и Грузия вас не станет «выживать», и Россия поймет.

С уважением — Будаева Раиса Андреевна, пенсионерка, бывший металлург.

Уважаемая редакция!

Просто хотела высказать свое возмущение тем людям, которые так хорошо, видимо, устроились, что забыли чувство меры, благодарности судьбе, даже ответственности, в конце концов. Сочтете нужным — пусть почитают все такие «разнесчастные», может быть, хоть чуть-чуть задумаются над реальностью своего положения, пусть узнают и другую жизнь в сравнении со своей.

Очень хочу, чтобы прочитали авторы, которые «стали чужими».

Эта приписка в конце письма уважаемой Раисы Андреевны, за плечами которой, как явствует из вышеприведенного, большая и нелегкая жизнь, богатый опыт, и дали мне право опубликовать его.

В заключение всей этой истории с таким детективным уклоном скажу следующее: правильны или неправильны, законны или нет, хороши или дурны эти «сентенции литератора», так и оставшегося анонимным, — мы их не печатали и не знаем, где и когда они изложены. Правда, мы можем догадаться, как они попали в статью профессора В. Б. Чурбанова: по всей видимости, собирая материал для статьи, он или кто-то из его помощников включил в них и корреспонденцию из «Советской России», не удосужившись удостовериться в ее истинности. Это видно и по тому, что в статье «Какого цвета культурная автономия» не указывается ни год, ни номер журнала, ни автор цитаты — как и в «Советской России». А вот «Со-

ветская Россия», солидная вроде бы газета, почему она оказалась такой доверчивой? Почему не проверила данные зашифрованных авторов материала, посвященного столь острой, опасной, как обнаженный электропровод, проблеме — международным отношениям?

Мы не стали обращаться в редакцию ни «Советской культуры», ни «Советской России» с законным требованием дать опровержение, ибо знаем: они бы этого не сделали, иначе вышешприведенных публикаций просто-напросто не было бы. Обе газеты достаточно презентабельны, и коллективы их достаточно профессиональны для того, чтобы знать элементарную журналистскую истину: цитаты требуется сверять.

К сожалению, картина создается и вовсе неприглядная, если ко всему этому добавить недавнее сообщение из «Красной звезды» о том, какие страсти и ужасы в Тбилиси творятся, вот-де, на площади Ленина, что в центре города, сняли огромный монумент Ленину. А монумент стоит себе целехонек! Зачем это? С какой целью? Или так, бездумно? Но бездумно — в газете, по телевизору, по радио?! Бездумно — безумно, это совсем другой табак.

Думается — нет, не «думается», а я считаю, глубоко убеждена, что сегодня, как никогда, всем нам необходима особая ответственность в речах, статьях и высказываниях, тем более — затрагивающих национальный вопрос, особая продуманность — в интересах стабилизации обстановки во всех республиках, во всех регионах.

Следует внимательнее относиться к публикуемым сведениям и задумываться о реакции читателей. И четко знать для себя, чему мы служим: разжиганию нездоровых страстей — или поиску путей выхода из кризиса?

Камилла КОРИНТЭЛИ



23 января с. г. на заседании Священного синода Вселенской константинопольской церкви было принято решение о признании автокефалии Грузинской православной церкви, одной из древнейших христианских церквей, и патриаршего достоинства ее главы.

•

В Тбилиси учреждена партия зеленых Грузии. Во временном положении, принятом учредительным собранием, отмечается, что партия зеленых находится в тесной организационной связи с движением зеленых Грузии. Партия зеленых для достижения своих целей намерена применять в основном политические средства. На учредительном собрании был избран политический комитет партии; спикером партии избран Зураб Жвания.

*

ПОИСК ПУТЕЙ СОГЛАСИЯ И МИРА

По инициативе Национал-демократической партии в Тбилиси, в зале киностудии

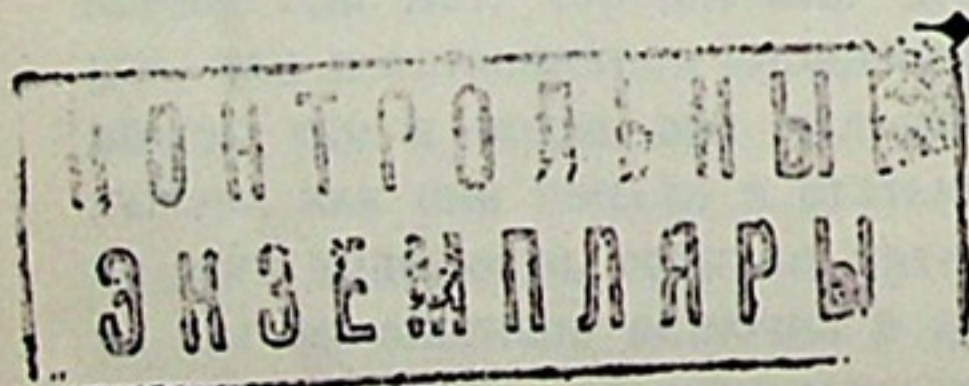
«Грузия-фильм» состоялась трехсторонняя встреча полномочных представителей политических и общественных организаций трех Закавказских республик. Цель встречи — установить в Закавказье согласие и мир. Одним из центральных вопросов для участников встречи был вопрос создания Координационного совета Закавказья.

*

Институт истории партии при ЦК КП Грузии преобразован в Институт новейшей социально - политической истории Грузии. Тбилисский филиал Центрального музея В. И. Ленина преобразован в Музей общественно-политической истории Грузии.

*

Состоялась учредительная конференция Грузинского союза ветеранов Афганистана. Председателем союза избран Нодар Гиоргадзе.



* На 1-ой стр. обложки: фрагмент страницы «Литературной Грузии» с первой публикацией новых стихов Бориса Пастернака (1958 г., № 4).

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 6.02.90 г. Подписано к печати 19.03.90 г.
УЭ 07529. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд.
л. 14,0 Тираж 7.400. Заказ 327. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

79 10 / 4

ИНДЕКС 76117

საქართველოს
საბავშვო ბიბლიოთეკა

ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
 საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ვაჟა-ფშაველას
 „ლიტერატურული გარეგანი“
 (რუსულ ენაზე)
 საქართველოს მწერალთა კავშირის იბრანო
 კამოვის 1957 წლის ივნისიდან



«Литературная Грузия», 1990, № 2, 1—224